

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 2(36)
2025**

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ
APRIL–JUNE

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Республика Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
председателя Экспертного совета по праву ВАК
при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор юридических
наук, заслуженный юрист Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, профессор
факультета мировой экономики и мировой
политики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
доктор политологии Оксфордского университета

ПРОРОК Владимир, доктор философии
Пражского университета имени
Яна Амоса Коменского (Чешская Республика)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2025

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigoriĭ Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Chairman
of the Expert Council on the Law of the Higher
Attestation Commission under the Ministry
of Science and Higher Education of the Russian
Federation, Associate Member of RAS, Doctor
of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich,
Director of the Institute of Europe of RAS,
Associate Member of RAS, Doctor of Political
Sciences, Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, Professor
at the Faculty of World Economics and World
Politics of the National Research University
Higher School of Economics,
PhD (Pol.Sci.)

PROROK Vladimir, Doctor of Philosophy,
Jan Amos Komensky University Prague
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, директор Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Director Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук, доцент

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, профессор кафедры востоковедения и политических наук Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, доктор политических наук, профессор

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences, Associate Professor

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, Astrakhan State University, named after V.N. Tatishchev, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Теория права**11 Л.Л. Маркина**

Конституционно-правовая природа избирательного права и ее интерпретация в современной юридической доктрине

25 А.А. Егоров

Вопросы теории правоотношений

34 О.А. Пучков, В.О. Пучков

Недостигнутое достигнутое: развитие отечественной теории права в постмарксистский период как методологическая проблема

Конституционное право**42 Г.Д. Садовникова, С.Н. Максимова**

Траектории развития свободных выборов в новом конституционном цикле Российской Федерации

Избирательное право**54 У.Б. Байханов**

Категория «сроки» в избирательной практике: суть и содержание

64 В.И. Захарова, С.А. Новак

Оценка устойчивости избирательной системы: теоретические и методологические аспекты

Муниципальное право**72 Я.К. Чепенко, П.А. Богданова**

Проблемы института отзыва депутатов на муниципальном уровне

Актуальная трибуна**78 Ф.В. Ниточкин, В.А. Чумаков**

20 лет Общественной палате Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее

95 И.Г. Чистобородов, А.И. Чистобородова

Развитие атомной энергетики как один из методов воздействия на общественно-политическую сферу

Политические технологии**106 А.А. Макарец**

К вопросу о внешнем вмешательстве в выборы: сравнительно-правовой аспект

- 118 А.Э. Попадюк**
Гибридная война: интерпретация в рамках концепции постмодернизма
- Мировая практика**
- 126 Н.М. Великая, Е.Ю. Берёзкина**
Правые популисты vs левоцентристы: региональные выборы в Италии
- За рубежом**
- 139 А.Ю. Палюлин**
О качестве гражданского общества в свете запрета коммунистических партий в странах Запада
- 147 А.Н. Бурова**
Президентские выборы 2024 года в Алжире
- Пространство молодого ученого**
- 158 С.И. Кузь**
Сравнительный политико-психологический анализ личностных особенностей муниципальных депутатов
- 170 Е.А. Музалевская**
Цифровые технологии в избирательном процессе стран СНГ: сравнительно-правовой анализ
- 179 Б.А. Боташев**
Система дескриптивных признаков эффективного государства: теоретико-правовой анализ
- 187 А.Г. Качалов**
Политический абсентеизм российской молодежи
- 193 К.А. Костенков**
Динамика становления доктрины информационных прав
- 203** Сведения об авторах

Theory of Law

- 11 L.L. Markina**
Constitutional and Legal Nature of Electoral Law
and its Interpretation in Modern Legal Doctrine
- 25 A.A. Egorov**
Issues of the Theory of Legal Relations
- 34 O.A. Puchkov, V.O. Puchkov**
The Unreached Reached: Development of Russian Legal Theory
During the Post-marxist Period as the Methodological Issue

Constitutional Law

- 42 G.D. Sadovnikova, S.N. Maksimova**
Trajectories of Free Elections in the New Constitutional
Cycle of the Russian Federation

Electoral Law

- 54 U.B. Baykhanov**
Category «Terms» in Electoral Practice: Essence and Content
- 64 V.I. Zakharova, S.A. Novak**
Assessing the Stability of the Electoral System:
Theoretical and Methodological Aspects

Municipal Law

- 72 Y.K. Chepenko, P.A. Bogdanova**
Problems of the Institute of Recall of Deputies at the Municipal Level

Actual Tribune

- 78 F.V. Nitochkin, V.A. Chumakov**
20th Anniversary of the Civic Chamber of the Russian Federation:
Past, Present, Future
- 95 I.G. Chistoborodov, A.I. Chistoborodova**
Development of Nuclear Energy as One of the Methods of Influencing
the Socio-Political Sphere

Political Technologies

- 106 A.A. Makartsev**
To the Question of External Interference in Elections: a Comparative
Legal Aspect

- 118 A.E. Popadyuk**
Hybrid War: Interpretation within the Framework of the Concept of Postmodernism
- World Practice**
- 126 N.M. Velikaya, E.Y. Berezkina**
Right-Wing Populists Vs Left-Centred Parties: Regional Elections in Italy
- Abroad**
- 139 A.Y. Palyulin**
On the Quality of Civil Society in Light of the Ban of Communist Parties in the Party Systems of Western Countries
- 147 A.N. Burova**
Algeria's 2024 Presidential Elections
- Young Scientist's Space**
- 158 S.I. Kuz**
Comparative Political-Psychological Analysis of Personal Characteristics of Municipal Deputies
- 170 E.A. Muzalevskaya**
Digital Technologies in the Electoral Process of the Commonwealth of Independent States: Comparative Legal Analysis
- 179 B.A. Botashev**
The System of Descriptive Features of an Effective State: Theoretical and Legal Analysis
- 187 A.G. Kachalov**
Political Absenteeism of Russian Youth
- 193 K.A. Kostenkov**
The Dynamics of the Formation of the Doctrine of Information Rights
- 203 Our Authors**

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация. Статья посвящена теме конституционно-правовой природы активного и пассивного избирательного права, потребность в осмыслении которой и актуализации обоснованных ранее выводов возникает в связи с эволюцией конституционализма и избирательных отношений. В ней представлены результаты решения научной задачи, состоящей в оценке и интерпретации теоретической схемы происхождения активного и пассивного избирательного права с учетом современных достижений юридической науки и конституционной практики. В данном контексте показаны различные подходы к доктринальному освоению рассматриваемых явлений. Проведенный анализ обнаружил близость разных позиций правоведов относительно конституционно-правовой природы избирательных прав и наличие возможности воспринимать эту природу интегративно, так же, как и различные ее характеристики, с учетом всего конституционного контекста, образующего правовые основания и институциональную основу демократической правовой государственности, конституционный механизм рациональной организации публичной власти и воспроизводства конституционного правопорядка.

Ключевые слова: активное избирательное право, выборы, демократия, избирательные права, избирательные правоотношения, конституционализм, конституционный правопорядок, пассивное избирательное право, суверенитет народа.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL NATURE OF ELECTORAL LAW AND ITS INTERPRETATION IN MODERN LEGAL DOCTRINE

Abstract. The article is devoted to the topic of the constitutional and legal nature of active and passive suffrage, the need for understanding which and updating previously substantiated conclusions arises in connection with the evolution of constitutionalism and electoral relations. It presents the results of solving the scientific problem of evaluating and interpreting the theoretical scheme of the origin of active and passive suffrage, taking into account modern achievements of legal science and constitutional practice. In this context, various approaches to the doctrinal development of the phenomena under consideration are shown. The analysis revealed the proximity of different positions of legal scholars regarding the constitutional and legal nature of electoral rights and the possibility of perceiving this

nature integratively, as well as its various characteristics, taking into account the entire constitutional context that forms the legal foundations and institutional basis of democratic legal statehood, the constitutional mechanism for the rational organization of public authority and the reproduction of constitutional law and order.

Keywords: *active suffrage, elections, democracy, electoral rights, electoral legal relations, constitutionalism, constitutional order, passive suffrage, sovereignty of the people.*

Вопрос о конституционно-правовой природе избирательных прав в юридической науке не нов. Ответы на него даны в многочисленных работах, посвященных проблемам конституционного и избирательного права. И все же эволюция электоральных отношений вновь и вновь обуславливает обращение научной мысли к данному вопросу в том числе для того, чтобы оценить и, возможно, интерпретировать теоретическую схему [о теоретических схемах, их месте и роли в структуре научного знания см.: 1, с. 95–103] их происхождения с учетом современных достижений юридической науки и конституционной практики.

Ставить перед собой цель выявления и установления природы означенных прав было бы излишне амбициозно и не вполне уместно, так как автор настоящей статьи не является первопроходцем в соответствующем научном поиске, который уже привел исследователей к существенным и признанным в научном сообществе результатам. Имеющееся доктринальное знание устраняет неизбежность заново устанавливать природу избирательных прав. Выводы предшественников образуют достаточную основу для решения обозначенных задач. Определенную трудность создает некоторое несовпадение точек зрения ученых, что обуславливает необходимость не только в их осмыслении, но и проверке.

Активное и пассивное избирательное право можно рассматривать в объективном смысле: как подсистему избирательного права, совокупность норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе выборов при осуществлении гражданами принадлежащих им в силу конституционно установленных возможностей избирать и быть избранными в органы публичной власти. Опыт такого изучения избирательных прав, в том числе каждого из них в отдельности, имеется [см., например: 2; 3]. Однако он мало что дает для уяснения конституционно-правовой природы и конституционной связи активного и пассивного избирательного права. Во всяком случае такой путь ведет к существенному упрощению ответов на вопросы о происхождении, источниках и причинах возникновения и развития избирательных прав, а также их месте в системе конституционного механизма рациональной организации публичной власти [см. 4] и конституционного правопорядка. Более широкий простор для решения заявленных задач открывает осмысление избирательных прав¹ в субъективном смысле этого

¹ В данной статье под избирательными правами понимается активное и пассивное избирательное право в их конституционном смысле. Эта оговорка сделана по той причине, что в п. 28 ст. 2

слова — как субъективного (с некоторыми оговорками) конституционного права гражданина [см. 5, с. 60; 6; 7, с. 67].

В юридической науке признается и широко используется идея древних мыслителей о том, что ни одна вещь не возникает из небытия, все — из бытия (ничто ничего не производит, а сущее все производит) [8, с. 40]. Этот постулат положен в основу многих объяснений государственно-правовых явлений и процессов, хотя в юридической доктрине нет общепризнанного определения природы чего-либо. Правовой природой нередко именуют либо внутреннее устройство явления или процесса, либо их суть. Солидаризируясь с другими учеными, мы исходим из того, что природа чего-либо есть его источник, базовое начало, причина, без которых это «что-либо» не может возникнуть, существовать, развиваться, а также занимать свое место в мире, отличаясь от окружающей среды [9, с. 31]. Соответственно, в дальнейших наших рассуждениях конституционно-правовая природа избирательных прав отграничивается от их содержания и сущности, которые сами по себе не определяют, а лишь отражают природу этих прав. Принимая во внимание данную установку, обратимся к характеристикам природы избирательных прав, представленных в юридической доктрине.

* * *

При изучении доктринальных источников можно обнаружить несколько базовых идей, выступающих одновременно и итоговым выводом в описании генезиса избирательных прав². Их объединяет суждение о том, что активное и пассивное избирательное право имеют общую природу. Отличие же между ее описаниями, в которых соответствующие идеи развиваются их адептами, состоит в следующем. Одна часть известных объяснений связывает природу избирательного права, как активного, так и пассивного, с определенным образом организованными (на основе фундаментальных принципов демократии, суверенитета народа и конституционализма) общественными отношениями, образующими конституционный порядок в демократическом государстве, в которых реализуется народный суверенитет [4, с. 317–385; 10, с. 12–22; 11]. Другая часть подобного рода доктринальных репрезентаций природы избирательных прав фиксирует в качестве первопричины их источника отдельные

Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» к избирательным правам граждан, наряду с конституционным правом граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, отнесены также права участвовать в движении кандидатов, списках кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов, в других избирательных действиях в установленном Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации порядке.

² В данном случае речь идет о генезисе избирательных прав не в смысле исторической ретроспективы их становления в практическом конституционализме, а в значении теоретического описания источника, причины, базового начала их происхождения.

элементы механизма функционирования и воспроизводства (свободные выборы, референдум) конституционного порядка или компоненты общеправового режима, устанавливающего юридический механизм участия индивида в управлении государством (непосредственно или посредством свободно избранных представителей) [см., например: 12; 13, с. 228; 14, с. 5; 15; 16, с. 421]. Иными словами, в первом случае природу избирательных прав ищут путем глубокого анализа идейной основы и политико-правовой среды, формирующих необходимость и востребованность этих прав, во втором — через установление их общего корня в виде «материнского права», в качестве которого определяют право гражданина участвовать в управлении делами государства [см. 17, ст. 21; 18, п. б ст. 25; 19, ч. 1 ст. 32], составляющего ядро политического и конституционно-правового статуса гражданина. В последнем случае избирательные права нередко соотносят с правом на участие в управлении делами государства. При этом избирательные права рассматриваются как форма реализации функций государства.

Некоторые исследователи в поисках конституционно-правовой природы избирательных прав анализируют исключительно закрепляющие их конституционные установления [см. подробнее: 20; 21 и др.]. Такая исследовательская стратегия имеет свои резоны с учетом того, что Конституция Российской Федерации (далее — Конституция) является нормативной моделью организации общества и формой конституционного правопорядка, вобравшей в себя выработанные мировой практикой конституционного строительства, ставшие универсальными идеи и ценности конституционализма, а также демократические правовые образцы, утвердившиеся в процессе конституционного развития, в том числе в России. Поиск смыслов конституционных установлений на основе методологии юридической науки способен привести к значительному научному и практическому результату, в чем убеждает практика Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд).

Так, одна из идей и, соответственно, вывод о природе избирательных прав выражается в констатации их происхождения из демократии [см. 4, с. 317; 22, р. 37]. В данном контексте, по мнению правоведов, опирающихся на европейский исторический опыт и Конституцию России, концепция находит проявление в:

- политическом режиме (в совокупности приемов и способов формирования и функционирования государственной власти и ее институтов [см. подробнее: 23, с. 12–16]) и элементе формы государства [4, с. 317];
- состоянии государственной жизни [24, с. 568];
- способе солидаризации воли различных частей народа [4, с. 318];
- рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях политического плюрализма и обусловленной им конкурентности самой демократии, детерминирующей органическое единство и конституирование равноценных по своему

значению и занимаемому в системе демократии месту как прямой, так и представительной демократии³;

– форме и способе ограничения государственной власти, право на которую предоставляется только на время и пределы которой установлены Конституцией [4, с. 317–327].

Прослеживая генезис избирательных прав в данной логике, можно заключить, что избирательные права «прорастают» из демократии, фундаментальным основанием которой является суверенитет народа [4, с. 317–385]⁴, через особую государственно-правовую личность народа [24, с. 546–557; 11]⁵, включающую способность быть единственным источником власти и носителем суверенитета, иметь и осуществлять право на власть, свободные выборы⁶, а также через народное представительство [см. 25], выступающее в качестве атрибутивного элемента современной демократической организации власти, являющееся частью механизма государства [4, с. 319].

Данная схема достаточно общая. Вследствие этого обстоятельства она в несколько упрощенном виде отражает воззрения ее адептов на генезис избирательных прав в их авторской интерпретации и отражает систему, связи в которой на самом деле не столь прямолинейны. Здесь оговорка особенно уместна, если рассматривать демократию как сложную саморазвивающуюся

³ Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях отразил понимание демократии в ее конституционном закреплении Основным законом России не в смысле господства народа, фундаментом которого могла бы быть его единодушная воля, а в значении рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях политического плюрализма и обусловленной им конкурентности самой демократии. См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона „О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон „О референдуме Российской Федерации“» (СЗ РФ. 2003. № 25. Ст. 2564) и от 21 марта 2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона „О референдуме Российской Федерации“ в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» (СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1741).

⁴ Народный суверенитет в современном практическом конституционализме — это организационно-политический и функциональный принцип осуществления публичной власти, имеющий конститутивное значение. Его смысл — в юридической институализации участия народа в реализации своей воли в установленных конституцией формах. В условиях демократической правовой государственности он означает верховенство и полновластие народа, его независимость от любой иной власти, носит правовой характер и является частью конституционного правопорядка.

⁵ Волей народа, совпадающего в координатах современной демократии с избирательным корпусом, легитимируется та модель организации социального порядка, которая проектируется конституцией. Народ, понимаемый как общность, образуемая всей совокупностью граждан, обладающих избирательной правосубъектностью, выступает первичным субъектом конституционных правоотношений. На этой идее, составляющей содержательную характеристику народного суверенитета, которая приобрела значение универсального конституционного принципа, основывается конституционный правопорядок. В конституционном праве он предстает не только в качестве государствообразующего субъекта и источника власти, но и особой государственно-правовой личности, обладающей как правоспособностью, так и дееспособностью. Ему принадлежат некоторые неотъемлемые права, перечень, нормативное содержание и формы реализации которых установлены конституцией. В их числе право: на власть, свободные выборы, равноправие с другими народами и самоопределение и др.

⁶ Эти права опосредуют первичные отношения между народом и государством, определяют их правовые состояния и неотделимы от существующего общественного и государственного строя как отражения демократического социального и правового порядка.

систему [4, с. 317 и др.]⁷, которая усложняется под воздействием внешней среды, — в ней образуются дополнительные уровни ее организации, оказывающие обратное воздействие на ранее сформировавшиеся уровни, перестраивая их. В результате система обретает новую целостность, а также формируются иные параметры порядка, обновленные программы саморегуляции системы, обеспечивающие ее воспроизводство [26, с. 24]. История европейского конституционализма дает для этого фактические основания. В то же время приведенная репрезентация генезиса избирательных прав позволяет обозначить своеобразные реперные точки, необходимые для осмысления их природы.

В конституционной модели, воплощенной в практике российского конституционализма, суверенитет народа реализуется посредством институтов прямого народного волеизъявления (институтов демократии). Свободные выборы, являющиеся неотъемлемым элементом современной демократии и одной из важнейших содержательных характеристик народного суверенитета, выступают способом и формой определения персонального состава парламента и избрания главы государства, тем самым периодической легитимации волей народа конституционного строя государства; практического воплощения принципа верховенства воли народа [27, с. 45]; формирования народного представительства; передачи народом избранным им органам права на осуществление от его имени публичной власти; персонификации выборных органов и государственных и муниципальных должностей, замещаемых посредством голосования; управления народом делами государства и участия граждан в этом процессе, а также контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления; реализации конституционных избирательных прав граждан, особенности которой определяются в современном демократическом обществе политическим плюрализмом и обусловленной им конкурентностью демократии. Наряду с этим, свободные выборы являются важнейшим элементом механизма взаимодействия общей воли народа и множества частных волей граждан как субъектов избирательных прав и волеобразования большинства [4, с. 326; 28, с. 18–21; 29 и др.].

* * *

Поиск природы избирательных прав с опорой на правовые позиции Конституционного Суда⁸ привел исследователей [4, с. 379–385] к следующим выводам.

⁷ Данное утверждение основывается на выводах отечественных правоведов и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, характеризующих демократию как развивающуюся систему.

⁸ См.: Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 1997 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия» // СЗ РФ. 1997. № 26. Ст. 3145; от 25 апреля 2000 года № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года

1. Избирательные права составляют неотъемлемый элемент демократии (точнее, плюралистической демократии, — следует учитывать, что существуют различные модели демократии [см., например: 30; 31, с. 5–32]), базирующейся на многопартийности [см. 32], борьбе мнений, взглядов и политических пристрастий.

2. Избирательные права являются атрибутивным свойством гражданина как сочлена государства и носителя частицы учредительной власти народа, легитимирующей саму организацию государства и принципы его деятельности, а также персональное «наполнение» избираемых народом государственных институтов [33, с. 13]. Они относятся к основным правам и свободам, носят всеобщий и равный характер, являются важнейшим элементом его конституционного статуса в демократическом правовом государстве.

3. Избирательные права — это права политические⁹ и публично-правовые. Они занимают центральное место в конституционно-правовом механизме политической свободы. Как и все политические права и свободы, избирательные права — продукт государственного правопорядка, и не производны от свойств человека, присущих ему от рождения. Избирательные права принадлежат гражданину как носителю частицы народного суверенитета, реализуемого им в форме участия в управлении делами государства либо непосредственно, либо в различных формах политического самоопределения (политические партии и иные общественные объединения) в целях удовлетворения его политических интересов. В этом смысле избирательные права представляют собой права индивидуальные [в отечественной юридической науке предпринимались попытки отнесения избирательных прав граждан к коллективным правам. См. например: 34; 35, с. 20–21 и др.]. Они не относятся к числу так называемых абсолютных прав¹⁰ (право на жизнь, свобода совести, право на судебную защиту своих прав и свобод и др.), которые не могут быть ограничены ни при каких условиях. Эти права могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо

„О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2000. № 19. Ст. 2002; от 10 октября 2013 года № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта „а“ пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5622; и др.

⁹ В отечественной юридической науке предпринимались попытки обоснования вывода о естественной природе избирательных прав граждан. В качестве аргументации данной позиции использована, во-первых, связь наличия у гражданина избирательных прав с тем обстоятельством, что он является частью народа, носителем суверенитета и единственного источника власти, передающего право на ее осуществление государственным и муниципальным органам. Во-вторых, тот факт, что любые акции гражданского неповиновения, направленные против тоталитарного политического режима, пользуются поддержкой мирового сообщества [34, с. 27–28]. Эта точка зрения не получила широкой поддержки в научном сообществе и не составляет в настоящее время серьезной конкуренции доктринальным воззрениям о политической природе избирательных прав.

¹⁰ См.: Матье-Мозн и Клерфайт против Бельгии, жалоба 9267/81 (Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), 2 марта 1987 года), пункт 52.

в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В то же время избирательные права гражданина как первичного субъекта этих прав не могут умаляться фактом непринадлежности отдельных избирателей к общественным объединениям [4, с. 384].

4. Особенность избирательных прав в том, что они одновременно содержат в себе элементы субъективного права и социальной функции (так же, как право занимать публичные должности, быть присяжным заседателем, состоять на военной службе и т.п.). В них соединяются два начала: индивидуальное и коллективное, то есть личное и публичное. Это означает, что избирательные права, с одной стороны, представляют собой субъективные конституционные права, пределы которых четко очерчены Конституцией, а возможности законодателя в его урегулировании существенно сужены. С другой — по сути своей они представляют собой социальную функцию гражданина как сочлена государства, отправляемую им в интересах государственно-организационного общества [24, с. 573]¹¹. Эта функция состоит в осуществлении власти от имени народа, воля которого составляет основу организации и функционирования публичной власти в современном демократическом, правовом государстве. Ее реализация обеспечивает устойчивое функционирование политической системы и тем самым гарантирует установленный Основным законом социальный и правовой порядок. Таким образом, личность выступает одновременно в двух ипостасях — субъекта права и ассоциированного носителя государственной власти. Такое понимание позволяет под законодательное регулирование избирательных отношений подвести принцип общего блага.

5. В природе рассматриваемых прав заложен потенциал императива, суть которого отражена в принципе большинства. Его содержание может быть выражено тезисом «решение большинства обязывает всех остальных». Этот принцип, известный с древних времен и воспринятый теорией естественного права, нашел отражение в правовых позициях Конституционного Суда, который подчеркнул, что воля народа, выраженная им на свободных выборах, определяется на основе демократического большинства, наличие которого необходимо для признания легитимности выборов¹².

¹¹ Основание для данного вывода дают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (см.: постановления от 29 ноября 2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области „О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области“ в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4948; от 10 октября 2013 г. № 20-П.

¹² Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал данный вывод, основываясь на положениях статей 1 (ч. 1), 3 (ч. 1, 2 и 3), 32 (ч. 1 и 2) и 46 (ч. 1 и 2) Конституции и сформулированной Судом позиции в постановлениях от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969; от 11 июня 2002 г. № 10-П.

6. Реализация избирательных прав требует активного участия государства и его органов, прежде всего законодателя и органов народного представительства субъектов федерации (в федеративном государстве), представительных органов местного самоуправления [24, с. 569].

* * *

Некоторые исследователи, характеризуя природу избирательных прав, настаивают на их производности от учредительной власти народа. В частности, В.А. Черепанов обосновывает данный тезис следующим образом: «В основе конституционной модели организации общества, государства и публичной власти лежит принцип народовластия, согласно которому народ как носитель суверенитета и единственный источник власти формирует верховные органы своей власти путем выборов. По этой причине граждане, образующие народ, обладают избирательными правами, посредством которых осуществляется высшее непосредственное выражение власти народа, называемое выборами» [10, с. 12–22].

Не будем вступать в полемику с авторитетным ученым относительно сведения им формы высшего непосредственного выражения власти народа исключительно к выборам (без упоминания референдума, который согласно статье 3 Конституции провозглашен высшим непосредственным выражением власти народа, наряду со свободными выборами). Есть основание рассматривать отсутствие упоминания о референдуме как одной из конституционно установленных форм высшего непосредственного выражения власти народа не как принципиальную позицию ученого, а всего лишь как акцент, сделанный им в контексте своих рассуждений. Отметим только, что логика, в которой им устанавливается конституционно-правовая природа избирательных прав, является довольно распространенной как в отечественной, так и в зарубежной доктрине [36; 37, с. 5–19].

Несмотря на то, что в данном случае природа избирательных прав связывается не с демократией, как это было показано выше, а с учредительной властью народа, В.А. Черепанов приходит к тому же выводу, что и ученые, позиция которых была приведена ранее, о частно-публичном характере избирательных прав: «...гражданин обладает избирательными правами не как единично обособленное физическое лицо (как это имеет место в отношении личных прав), а исключительно как составная часть единого социального организма, — народа, выступающего единственным источником всей власти в стране. Постольку посредством выборов народ как единое начало формирует свою власть, поскольку основным целеполаганием выборов является формирование эффективной и ответственной публичной власти» [10, с. 12–22]. Из этого, по мнению В.А. Черепанова, следует, что «осуществление избирательных прав, в первую очередь, подлежит рассмотрению как реализация публичного интереса, направленного на формирование эффективной и ответственной публичной власти, а личный интерес конкретного

гражданина в принятии непосредственного участия в управлении делами государства с неизбежностью оказывается подчиненным публичному интересу и реализуется в границах, поддерживающих реализацию указанного публичного интереса» [10, с. 12–22]¹³.

Ряд исследователей, раскрывая природу избирательных прав, не без оснований связывают их с другим фундаментальным для конституционного правопорядка в демократическом государстве правом — *правом граждан участвовать в управлении делами государства* как непосредственно, так и через своих представителей, закрепленным в статье 32 Конституции. Соответственно, избирательные права характеризуются как производные от данного права и рассматриваются в качестве формы конкретизации [38, с. 163] или реализации [14, с. 5; 15; 21, с. 20; 39, с. 228; 41, с. 421; 42 и др.] этого права¹⁴. На наш взгляд, данный подход несколько упрощает понимание природы избирательных прав, но в принципе не ведет к возникновению неустрашимых противоречий между выводами представителей этой точки зрения и утверждениями сторонников упомянутых выше воззрений на рассматриваемую проблему. К тому же он находит подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда¹⁵, одновременно выступающих источником для соответствующих выводов ученых-юристов.

По мнению адептов рассматриваемого подхода, право граждан России участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей основывается на конституционном принципе суверенитета народа, в соответствии с которым единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Точнее, это право проистекает из народного суверенитета также, как

¹³ См. также: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

¹⁴ Аргументы в поддержку такой интерпретации природы избирательных прав можно почерпнуть в нормативных правовых актах советской эпохи. Например, в статье 48 Конституции СССР 1977 г. содержалось положение о том, что граждане СССР имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, которое обеспечивается возможностью избирать и быть избранными в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, в народном контроле, в работе государственных органов, общественных организаций и органов общественной самодеятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства. Таким образом, право граждан избирать и право быть избранными не было поименовано как право, а сформулировано как возможность, обеспечивающая осуществление другого права.

¹⁵ См., например: Определение от 2 июля 2009 года № 1036-О-О/2009 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Петрова Юрия Михайловича и Решетовой Надежды Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072009-n-1036-o-o-ob/>. В нем, в частности, отмечено, что «по своей конституционной природе институт выборов представляет собой особую процедуру демократического формирования органов публичной власти и вместе с тем надлежащую форму реализации гражданами своих избирательных прав и тем самым права на участие в управлении делами государства через своих представителей (статья 32, часть 1 Конституции Российской Федерации), которая обеспечивается в том числе деятельностью избирательных комиссий — коллегияльных органов, призванных организовывать подготовку и проведение выборов и референдумов» (п. 3, абз. 1, 2).

избирательные права, согласно воззрениям сторонников интерпретации их происхождения, — из демократии или учредительной власти народа. Только при таком подходе избирательные права выводятся учеными не из народно-го суверенитета непосредственно, а через посредство более общего права, — некоего промежуточного звена, передающего и распределяющего потенциал народного суверенитета более функционально специализированным с формально-юридической точки зрения субъективным правам граждан. Это принципиально не меняет ранее представленную общую картину происхождения избирательных прав, в том числе их характеристики как прав политических также, как утверждение о том, что они проистекают из *права на свободные выборы*¹⁶, встречающееся в зарубежной научной литературе [43, р. 419–438]. Участие граждан в управлении своей страной — напрямую или через представителей — лежит в самой основе демократии, как бы она ни концептуализировалась¹⁷. Это участие обеспечивается в первую очередь «правом голоса и правом баллотироваться на выборах» [43].

* * *

Проведенный нами анализ обнаружил близость разных позиций правоведов относительно конституционно-правовой природы избирательных прав и наличие возможности воспринимать эту природу интегративно так же, как и различные ее характеристики [об интегративном подходе к праву и государственно-правовым явлениям см., например: 44, с. 20–29; 45, 5–18; 46 и др.], с учетом всего конституционного контекста, образующего правовые основания и институциональную основу демократической правовой государственности, конституционный механизм рациональной организации публичной власти и воспроизводства конституционного правопорядка.

На основании осмысления поставленных в настоящей статье вопросов, приведенных доводов и «иллюстраций» можно заключить, что конституционная природа активного и пассивного избирательного права интегративна. В ней проецируется весь конституционный контекст, образующий правовые основания и институциональную основу демократической правовой

¹⁶ Для такой интерпретации природы избирательных прав есть свои основания, проистекающие из правовых позиций ЕСПЧ. Так, Суд в своем решении от 2 марта 1987 г. «Матье-Моэн и Клерфайт против Бельгии», жалоба 9267/81 (Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), 2 марта 1987 года) отметил, что подход Европейской комиссии по правам человека с течением времени изменился. От понятия «институционное» право на проведение свободных выборов (см. решение от 18 сентября 1961 г. о приемлемости жалобы № 1028/61, дело X против Бельгии D.R., Т. 4, с. 338) Комиссия перешла к понятию «всеобщего избирательного права» (см., в частности, решение от 6 октября 1967 г. о приемлемости заявления № 2728/66, дело X против Федеративной Республики Германии, там же, Т. 10, с. 338), а далее, постепенно, к понятию субъективных прав участия: «права голоса» и «права выдвигать свою кандидатуру при выборах органа законодательной власти» (см., в частности, решение от 30 мая 1975 г. о приемлемости жалоб № 6745 и 6746/76, дело W, X, Y и Z против Бельгии, там же, Т. 18, с. 244). При этом Суд согласился с этой концепцией.

¹⁷ Замечание общего порядка № 25 Комитета ООН по правам человека: Статья 25 (Участие в государственных делах и право голоса), право на участие в государственных делах, право голоса и право на равный доступ к государственной службе (принято 12 июля 1996 года), пункт 1.

государственности, а также современного конституционного правопорядка. Данный вывод может быть продуктивно использован для выявления и развития заключенных в избирательном праве смыслов и эффективного совершенствования юридических конструкций как активного, так и пассивного избирательного права.

Список литературы

1. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск: Беларуская навука, 2021.
2. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие / М.С. Савченко, Т.Ю. Дьякова и др. / под общ. ред. М.С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2015.
3. Махашев Р.Ю. Активное избирательное право: понятие и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2007. № 7.
4. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России) / Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008–2012. Т. 3. М.: Гриф и К, 2013.
5. Авакьян С.А. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы. Учебно-методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015.
6. Игнатов С.Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Деловой двор, 2014.
7. Нудненко Л.А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М.: Норма, 2016.
8. Левин В.Г. «Связь» как философская категория // Вестник Университета Российской академии образования. 2006. № 2.
9. Перфильев В.В., Орлов К.А. Основные характеристики природы права: общетеоретический аспект // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3.
10. Черепанов В.А. Всеобщее избирательное право: за и против // Всеобщее избирательное право: за и против. Материалы научного методологического семинара по проблемам теории и практики избирательного процесса. Выпуск 1. Отв. ред. В.А. Черепанов. Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2019.
11. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005.
12. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019.
13. Конституционное право России: учебник для вузов / Л.В. Андриченко, Р.Ч. Бондарчук, В.А. Виноградов и др. / под ред. В.А. Виноградова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

14. Нудненко Л.А. К вопросу о понятии и субъектах пассивного избирательного права // Государство и право. 2014. № 3.
15. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В.В. Комаровой. М.: ЮРКОМПАНИ, 2009.
16. Виноградов В.А., Масленникова С.В., Мазаев В.Д. Конституционное право России: учебник. М.: Эксмо, 2022.
17. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.
18. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.
19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
20. Авилов А.Я. Реализация пассивного избирательного права на стадии выдвижения и регистрации кандидатов на выборах в органы государственной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.
21. Филатова А.О. Содержание и судебная защита конституционного права быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
22. Senada Zatađić. A Neglected Right. Prospects for the Protection of the Right to be Elected in Bosnia and Herzegovina. 2022.
23. Осавелюк А.М. Государственный режим как способ реализации формы правления: проблемы и перспективы // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 1.
24. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2021.
25. Садовникова Г.Д. Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
26. Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М.: Отделение общественных наук РАН, 2018.
27. Садовникова Г.Д. Избирательное законодательство в Российской Федерации: этапы становления и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50).
28. Слободчикова С.Н. Свободные выборы в новом конституционном цикле Российской Федерации // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 2.
29. Слободчикова С.Н. Свободные выборы как избирательный стандарт: монография. М.: Юстицинформ, 2022.
30. Ишияма Дж.Т., Келман Т., Печенина А. Модели демократии / Дж. Т. Ишияма и М. Бройнинг. Политология 21-го века: справочник. SAGE, 2011.
31. О'Коннелл Р. Право, демократия и Европейский суд по правам человека. Издательство Кембриджского университета, 2020.
32. Володина С.В. Многопартийность как основа конституционного строя России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

33. Должиков А.В. Юридическая природа основных избирательных прав и проблемы их реализации // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2008. № 1.
34. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.
35. Волченко В.Н. Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2004.
36. Венецианская комиссия о выборах и избирательных технологиях / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2020.
37. Чиркин С.В., Лебедева Я.И. Стандарты избирательного права в позициях Венецианской комиссии Совета Европы и Европейского суда по правам человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 4.
38. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Спарк, 2004.
39. Конституционное право России: учебник / Л.В. Андриченко, Р.Ч. Бондарчук, В.А. Виноградов [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
40. Виноградов В.А., Масленникова С.В., Мазаев В.Д. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. В.А. Виноградова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015.
41. Липчанская М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2012.
42. Phiri C. The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the «Educated» Class? Journal of African Law. 2022. Vol. 66. Issue 3 // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-african-law/article/right-to-run-for-election-in-zambia-a-preserve-of-the-educated-class/8F35BAF70D0881C1A0308222368C2974>.
43. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2.
44. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решениях суда // Журнал российского права. 2017. № 7.
45. Черногор Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления. М.: Юриспруденция, 2007.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ (на примере современного прочтения трудов Г.Ф. Шершеневича)

Аннотация. Тема статьи касается вопросов теории правоотношений в контексте трудов одного из классиков дореволюционной школы юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневича. Исследуются сущностные черты юридического позитивизма как типа понимания права, а также понятие и природа права. На основе современных достижений юридической науки оценивается вклад Г.Ф. Шершеневича в развитие учения о понятии и структуре правоотношения. В заключении формулируются обобщающие выводы.

Ключевые слова: юридический позитивизм, право, юридическое отношение, субъект, объект, права, обязанности, юридические факты.

ISSUES OF THE THEORY OF LEGAL RELATIONS (on the example of a modern reading of the works of G.F. Shershenevich)

Abstract. The topic of the article concerns issues of the theory of legal relations in the context of the works of one of the classics of the pre-revolutionary school of legal positivism, G.F. Shershenevich. The article examines the essential features of legal positivism as a type of understanding of law, as well as the concept and nature of law in the works of G.F. Shershenevich. On the basis of modern achievements of legal science, his contribution to the development of the doctrine of the concept and structure of legal relations is assessed. In conclusion, generalizing conclusions are formulated.

Keywords: legal positivism, law, legal relation, subject, object, rights, duties, legal facts.

Теория правоотношений традиционно занимает одно из важнейших мест как в общей теории права, так и в отраслях права. Н.И. Матузов вполне справедливо рассматривает совокупность правовых отношений в качестве основы правовой жизни общества [5, с. 114]. В.Н. Протасов характеризует феномен правоотношений как рубежное звено, в котором правовые явления переплетаются с элементами социальной сферы [6, с. 4]. Более того, отдельные ученые полагают, что вся теория права является наукой о правоотношениях [7, с. 32]. Таким образом, важность данной теории

не вызывает сомнений. Это обстоятельство выразилось во множестве научных исследований в виде диссертаций, монографий и научных статей.

Вместе с тем данную тему нельзя считать исчерпанной и всесторонне изученной. Исследуя современное понимание феномена правоотношений, мы часто игнорируем то обстоятельство, что современное понимание любого юридического явления детерминируется существованием политико-правовой мысли. Именно поступательное накопление доктринальных воззрений позволяет всесторонне оценить то или иное юридическое явление. В этом контексте целесообразным видится обращение к научному наследию выдающегося отечественного правоведа, представителя юридического позитивизма Габриэля Феликсовича Шершеневича (1863–1912).

* * *

Юридический позитивизм (нормативизм) как обособленная область знаний известен под этим названием с XIX века. Е.В. Булыгин отмечает, что в России выражение «юридический позитивизм» популярностью не пользуется. Он акцентирует внимание на том, что данное понятие слишком расплывчато, а это приводит к тому, что как сторонники, так и противники такого типа понимания права зачастую вкладывают разный смысл в одни и те же слова или термины [1, с. 236–247]. В то же время необходимо отметить, что, несмотря на существование множества авторских интерпретаций, мы можем выделить сущностные черты нормативизма.

В наиболее общем виде право в доктрине юридического позитивизма (нормативизма) онтологически, гносеологически и аксиологически понимается как приказ государственной власти. Это наиболее общее понимание несколько конкретизирует И.Н. Грязин. Он выделяет следующие сущностные черты этого типа понимания права: государство — это монопольный субъект, правомочный создавать или санкционировать право, что означает отрицательное восприятие любого надпозитивного (божественного, естественного, психологического и т.п.) права; понятие «право» отождествляется с позитивным правом (законодательством государства); легитимность (одобрение населением) права понимается сугубо в формальном ключе, что означает тождество легальности (принятие в установленном законом порядке) и легитимности права; государственная власть — это объективный факт, предшествующий праву [3, с. 42].

С точки зрения представленных характеристик право представляется чем-то догматичным и обезличенным, имеющим сугубо инструментальную ценность. Отмечая необходимость догмы права для формулирования форм его внешнего выражения, юридической практики и преподавания, В.Г. Графский пишет: «Ни одна норма права ... не действует сама по себе... В социальном (и правовом) мире действуют только люди ... которые вступают в правоотношения, соблюдают, исполняют, используют информацию, закрепленную в норме права...» [2, с. 8].

В рассматриваемом контексте следует обратиться к научному наследию Г.Ф. Шершеневича, представившего собственную концепцию теории правоотношений, многие положения которой требуют современного прочтения. По его мнению, исследователю необходимо придерживаться формализма и изучать юридические понятия вне их разнообразного содержания, детерминированного условиями времени и места [9, с. 17]. Развивая этот тезис, ученый отмечает необходимость сформулировать такое понятие права, которое было бы уместно не только для современных государств, но и для всех ранее существовавших обществ [12, с. 9]. При буквальном толковании этих идейных установок создается иллюзия, что Шершеневич акцентировал внимание на общечеловеческой ценности права, выступающей показателем единства исторического процесса. Однако такое восприятие ошибочно.

Будучи нормативистом, Шершеневич в качестве объекта исследования избрал именно «положительное право», находящее свое выражение в виде законодательно установленных норм или институтов, действующих в пределах территории государства [15, с. 65]. Как справедливо отмечает Т.А. Желдыбина, основой его государственно-правовой теории выступает изучение не правового идеала, а действующего права [4, с. 95]. В данном случае следует проанализировать дефинитивное раскрытие понятия права, так как Шершеневич признавал исключительное значение за разработкой правовых понятий и дефиниций.

Он писал: «Право есть такая норма (правило) поведения, соблюдение которой поддерживается угрозой страдания, причиняемого государственной властью нарушителю» [14, с. 130]. Можно констатировать, что в данном определении акцентируется внимание на принудительном характере норм права. Однако это не говорит о том, что Шершеневич абсолютизировал возможности государственного принуждения. В своей лекции «О чувстве законности» он подчеркивал следующую мысль: «Не следует думать, что государство могло заставить гражданина силою выполнить то именно, что составляет содержание установленных законом норм. Если я не хочу исполнить договора, то нет силы в мире, которая могла бы меня принудить действовать вопреки моей воле» [13, с. 15].

Здесь мы согласны с Б.А. Кистяковским, который справедливо полагал, что принудительный характер права в концепции Шершеневича имеет сугубо психологическое значение [4, с. 99]. В этом контексте и следует рассмотреть дискуссионные аспекты его теории правоотношения.

* * *

Г.Ф. Шершеневич полагал, что любое бытовое отношение может быть рассмотрено с разных сторон. В зависимости от аспекта своего рассмотрения это отношение может быть признано экономическим, нравственным или юридическим. Таким образом, юридическое отношение — это любое бытовое отношение, рассматриваемое с точки зрения подчинения этого отношения

нормам права [10, с. 136–137]. В его трудах можно обнаружить и некоторую конкретизацию: юридическое отношение — это сторона бытового (жизненного) отношения людей, которая определена нормами объективного права [11, с. 568]. Проанализируем эти тезисы с позиции достижений современной юридической науки.

Представляется, что в данном случае отмечается укоренившееся сегодня самое общее понимание правоотношения как общественного отношения, регулируемого и охраняемого нормами права. Такая дефиниция была представлена еще советским исследователем П.И. Стучкой. Говоря о том, что юридическое отношение — это определяемое нормами объективного права бытовое (жизненное) отношение, Шершеневич предвосхитил понимание того обстоятельства, что в основе правового отношения лежит фактическое общественное отношение. Однако не любое общественное отношение может стать правовым отношением.

Ученый подчеркивал, что не все социальные отношения могут стать юридическими. По его верному замечанию, то или иное социальное отношение может получить правовой характер лишь в том случае, когда оно оформлено как поведенческий акт. Мысли и чувства людей не могут регулироваться правом [11, с. 569]. Можно предположить, что в его интерпретации под юридическим отношением следует понимать определенное нормами объективного права фактическое социальное отношение, нашедшее свое выражение в конкретном поведенческом акте.

Г.Ф. Шершеневич обращался и к проблематике конкретных и типичных юридических отношений. Он справедливо отмечает существование множества конкретных юридических отношений: займодавец и заемщик, продавец и покупатель, суд и подсудимый и так далее. Законодательное регулирование этих и подобных им конкретных отношений формирует типичные юридические отношения. Например, законодатель, устанавливая перечень прав и обязанностей продавца и покупателя, имеет в виду не конкретных граждан, а создает общую модель поведения, характерную для отношений подобного рода. Это уже типичные юридические отношения, которые Шершеневич раскрывает посредством понятия правового института. Он пишет: «Совокупность норм, определяющих группу типических отношений, объединенных общей житейской целью, называется правовым институтом, напр., наследование по завещанию, право собственности, брак» [11, с. 573]. Эта точка зрения подразумевает обращение к более позднему периоду развития учения о правоотношениях.

Ю.Г. Ткаченко полагает, что необходимо различать правоотношение как мысленную модель индивидуального поведения и правоотношение как реальное отношение [8, с. 107]. Представляется, что Шершеневич рассуждал о двух аспектах в понимании юридического отношения: *юридическое отношение как обезличенная научная абстракция или идеальная модель; юридическое отношение как конкретное жизненное обстоятельство, влекущее*

определенные последствия. Совокупность типичных юридических отношений он ассоциировал с правовым институтом. Сегодня под правовым институтом мы понимаем совокупность норм права, регулирующих определенный вид общественных отношений. Вместе с тем Шершеневич акцентировал внимание на тесной зависимости юридического отношения от норм права [11, с. 570]. Следовательно, можно предположить, что под правовым институтом он понимал опосредованную нормами права совокупность типичных общественных отношений. Такая трактовка вполне уместна и сегодня.

Г.Ф. Шершеневич выделял структуру юридического отношения: субъект, объект, права и обязанности [10, с. 139]. Исходный пункт его воззрений относительно субъекта юридического отношения состоит в том, что во всяком юридическом отношении должно быть не менее двух субъектов. Например, юридическое отношение займа предполагает наличие кредитора, который вправе требовать от должника возврата определенной суммы денег [10, с. 139]. Представляется, что этим примером он подчеркивает специфику любого частноправового договора. Это замечание полностью соответствует современным воззрениям цивилистов и называется «относительное правоотношение», то есть правоотношение, в котором точно определены все его субъекты.

Развивая свою мысль, Шершеневич упоминает примеры, когда точно известен лишь один субъект юридического отношения. Например, собственник дома может проживать в нем сам, предоставить право пользования этим домом другому лицу или вовсе им не пользоваться. Здесь ученый делает вывод, что сущность права собственника заключается не в его отношении к своей вещи, а в том, как относятся к этой вещи другие лица [10, с. 140]. По его справедливому замечанию, собственник вещи находится в юридическом отношении со всеми согражданами [10, с. 140].

В данной ситуации он предвосхитил известные сегодня абсолютные правоотношения, в рамках которых известен один управомоченный субъект, а все остальные обязаны не препятствовать осуществлению его субъективных прав (отношения собственности или отношения, вытекающие из авторских прав). Таким образом, несмотря на абсолютно оправданное отсутствие современной терминологии, Шершеневич достаточно четко выводил деление правоотношений на абсолютные и относительные.

В относительных юридических отношениях четко известны все субъекты, а в абсолютных юридических отношениях число субъектов может доходить до общего числа всех сограждан, подчиненных государственной власти. Далее он обращается к характеристике субъекта юридического отношения в виде его правоспособности и дееспособности.

Под *правоспособностью* Г.Ф. Шершеневич подразумевает способность стать и быть субъектом права или правовой личностью. Он правильно полагает, что правоспособность представляет собой не особое право, а условие для правообладания [11, с. 576]. Важно отметить, что ученый достаточно четко выделил смысл правоспособности, под которой мы сегодня понимаем

способность в силу норм права иметь субъективные права и юридические обязанности. Современное терминологическое оформление имеет способность стать и быть субъектом права.

Под *дееспособностью* он понимал способность вызывать правовые последствия [11, с. 576]. Это понятие вполне созвучно с ее современным пониманием как способности индивида своими действиями осуществлять права и выполнять обязанности. При этом Шершеневич совершенно резонно считает, что наличие правоспособности еще не гарантирует наличия у лица дееспособности. Например, малолетние и невменяемые могут быть собственниками, кредиторами, но они не в состоянии самостоятельно приобрести эти права [11, с. 576]. Таким образом, отечественный правовед правильно выделил правовую природу правоспособности и дееспособности как свойств субъектов юридических отношений. Важно отметить, что в рамках его теории юридических отношений перечень субъектов не ограничивается сугубо физическими лицами.

Г.Ф. Шершеневич говорил, что физическое лицо — это субъект права, совпадающий с человеком, а юридическое лицо — это субъект права, не соответствующий отдельному человеку [11, с. 579]. Он полагал, что юридические лица «возникают не сами собой, а по воле закона». Следовательно, объем правоспособности юридического лица определяется законом и зависит от той «жизненной цели», для которой оно существует [11, с. 587–588]. Говоря современным юридическим языком, ученый приходил к выводу, что юридические лица создаются в установленном законом порядке для достижения определенных целей, что определяет их объем правоспособности. Следующим элементом юридического отношения в рассматриваемой доктрине является объект.

Г.Ф. Шершеневич исходил из того, что объектом юридического отношения выступает все то, что способствует осуществлению интересов человека, то есть вещи и услуги других людей [10, с. 141]. Как мы знаем, сегодня существует две теории объектов правоотношений: *монистическая* (единственный объект правоотношения — это поведение человека) и *плюралистическая* (объектами правоотношений признаются различные социальные блага). Можно с уверенностью констатировать, что, даже не владея современной терминологией, Шершеневич трактовал категорию объектов юридических отношений достаточно широко, относя к ним как вещи, так и нематериальные блага в виде услуг.

Правовую категорию «вещи», то есть «части внешнего мира», он трактовал весьма четко и объемно: земля и строения на ней; неодушевленные или одушевленные движимые вещи; тело человека как вещь, способная стать объектом юридического отношения (например, возможность завещать свое тело после смерти для научных исследований) [10, с. 141–142]. Отмечая тело человека в качестве объекта юридического отношения, Г.Ф. Шершеневич весьма прозорливо предвидел базис современной концепции соматических

прав человека. В рамках новейшего поколения прав человека утверждается, что любой индивид имеет право свободно распоряжаться своим телом.

Развитость услуг как вида объектов юридических отношений Шершеневич ставит в прямую зависимость от сложности и разнообразия потребностей человека. Он уверен в том, что фабричный труд, помощь врача, совет адвоката, обучение учителя, игра артиста и многие иные услуги способны быть объектом юридического отношения [10, с. 142]. Следующим обязательным элементом юридического отношения выступает субъективное право.

Г.Ф. Шершеневич отмечает одновременное наличие объективного права и субъективного права. В первом случае он говорит о совокупности норм права, «действующих в известное время в стране». В контексте же юридического отношения, по его мнению, целесообразно говорить о субъективном праве, то есть о том, что «может делать субъект в установленном юридическом отношении, и чего обязаны не делать те, кто связан этим отношением» [10, с. 142–143]. Как видим, юридическая природа как объективного, так и субъективного права характеризуется им достаточно четко и прогрессивно. Более того, Шершеневич сформулировал представление о пределах осуществления субъективного права.

Полагая, что безграничная свобода не может быть свойственна ни одному субъективному праву, он акцентирует внимание на том, что именно нормы объективного права устанавливают границы осуществления субъективных прав [10, с. 143]. Этот постулат ученого напрямую адресует нас к анализу обязанностей как элементов юридического отношения.

На взгляд Шершеневича, не может быть права при отсутствии соответствующей обязанности. Например, гражданин не имеет права требовать возврата денежной суммы при отсутствии лица, обязанного ее оплатить. Аналогичным образом не может быть права собственности на вещь при отсутствии лиц, обязанных не нарушать интересы соответствующего собственника [10, с. 144]. Интерпретируя эти тезисы с позиции современного состояния правоведения, мы можем утверждать, что Шершеневич подразумевал наличие корреспондирующего характера между правами и обязанностями, когда любому субъективному праву соответствует та или иная юридическая обязанность. Более того, он сформулировал классификацию юридических обязанностей.

По его мнению, существуют юридические обязанности как положительного, так и отрицательного характера. В первом случае речь идет о совершении юридически обязательного действия, например, выплатить долг. Во втором случае субъект права обязан воздержаться от нарушения юридического запрета, в частности, не посягать на имущество другого лица [10, с. 144]. Такой подход актуален и сегодня в рамках деления юридических обязанностей на активные и пассивные. Рассуждая о причинах возникновения юридических отношений, Шершеневич приходит к осознанию правовой категории юридических фактов.

По его верному замечанию, в ряде случаев субъекты права обоюдно выражают свою общую волю и свое общее желание для установления между ними юридического отношения. Это может происходить в случае возникновения права проживать в квартире собственника [10, с. 145]. Анализируя этот момент, можно отметить, что в случае заключения какого-либо договора между субъектами права юридическое отношение возникает по их общей воле. Данный тезис Г.Ф. Шершеневича вполне актуален сегодня и подразумевает совершение правомерного действия в качестве юридического факта для возникновения правоотношения.

Однако возможны случаи, когда юридическое отношение возникает в результате неправомерного действия. Например, причинение вреда имуществу собственника образует право требовать компенсации вреда и обязанность возместить причиненный вред. Шершеневич выдвигает идею, что для возникновения такого юридического отношения не требуется ни обоюдной, ни односторонней воли [10, с. 145]. С позиции современного правоведения речь идет об охранительных правоотношениях, которые возникают в результате совершения правонарушений и не подразумевают волеизъявления сторон. Таким образом, в качестве юридических фактов Шершеневичу были известны как правомерные, так и неправомерные действия.

В качестве таких же фактов он ссылается на события, не зависящие от воли человека. Например, между условными Ивановым и Петровым существует юридическое отношение, в рамках которого первый должен второму тысячу рублей за купленный товар. В случае если Петров умрет, то все его имущество наследует племянник Карпов, который приобретает право требовать с Иванова тысячу рублей. В данном случае юридическое отношение возникает не вследствие правомерного или неправомерного действия и не предполагает никакого волеизъявления. Оно возникает в результате такого юридического факта в виде события как смерть, с которой «закон связывает юридические последствия» [10, с. 145–146]. Таким образом, Шершеневич сформулировал представление о юридических фактах не только в виде правомерных и неправомерных действий, но и в виде событий, наступление которых не зависит от воли субъектов права. Этот подход в самом общем виде актуален и сегодня, что подтверждается достижениями юридической науки.

Выводы

Исходя из вышеизложенного мы приходим к следующим заключительным тезисам:

- Г.Ф. Шершеневич использовал термин не «правоотношение», а «юридическое отношение», под которым он понимал сторону бытового (жизненного) отношения людей, которая определена нормами объективного права;
- социальное отношение может получить юридический характер лишь в том случае, когда оно оформлено как поведенческий акт; мысли и чувства людей не могут регулироваться правом;

- выделяются конкретные юридические отношения (договорные отношения) и типичные юридические отношения, совокупность которых образует тот или иной правовой институт;
- Шершеневич выделял структуру юридического отношения: субъект, объект, права и обязанности;
- к субъектам юридических отношений относятся как физические, так и юридические лица;
- понимание Шершеневичем правовой природы понятий «правоспособность» и «дееспособность» достаточно актуальны;
- к объектам юридических отношений относятся как вещи, так и услуги, включая право человека свободно распоряжаться своим телом;
- границы осуществления любого субъективного права определяются нормами объективного права;
- любому субъективному праву соответствует юридическая обязанность;
- юридические обязанности могут заключаться как в совершении действий, так и в воздержании от их совершения;
- юридические факты могут выражаться в виде действий (правомерных и неправомерных) и в виде событий, наступление которых не зависит от воли субъектов права.

Список литературы

1. Булыгин Е.В. Что такое правовой позитивизм? // Правоведение. 2011. № 4.
2. Графский В.Г. О некоторых неадекватных истолкованиях юридического позитивизма // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность / Материалы VI ежегодной научно-практической конференции «Юридический позитивизм и конкуренция теорий права в XIX–XXI вв.: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г.Ф. Шершеневича)». Иваново, 2012.
3. Грязин И.Н. Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин, 1983.
4. Желдыбина Т.А. Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004.
6. Протасов В.Н. Правоотношения как система. М., 1991.
7. Сабо И. Основы теории права. М., 1974.
8. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.
9. Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907.
10. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве: лекции. М., 1911.
11. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910–1912.
12. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896.
13. Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Воронеж, 2018.
14. Шершеневич Г.Ф. Социология: лекции. М., 1910.
15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 6-е изд. СПб., 1907.

О.А. ПУЧКОВ
В.О. ПУЧКОВ

НЕДОСТИГНУТОЕ ДОСТИГНУТОЕ: РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В ПОСТМАРКСИСТСКИЙ ПЕРИОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития российского правоведения как вопрос философско-методологического плана. Показывается, что модели развития, утвердившиеся в философии науки, не могут применяться при описании исторического движения юридической науки, поскольку такие модели ориентированы на естествознание. Предлагается гносеологический подход к развитию знания как концептуальная модель, отражающая изменение средств научного познания и единиц теоретического знания вследствие противоречий его исходного состояния. На основании предложенной модели обосновывается отсутствие философско-методологических и теоретических противоречий советского правоведения — с одной стороны, и постмарксистского — с другой. Аргументируется тезис о том, что историческому движению российской теории права после 1991 года характерны признаки не столько развития, сколько стагнации, возникновение которых обусловлено недостаточным вниманием правоведов к методологическим вопросам юридической науки. **Ключевые слова:** юридическая наука, методология науки, развитие знания, советское правоведение, постмарксистское правоведение, теория права.

THE UNREACHED REACHED: DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGAL THEORY DURING THE POST-MARXIST PERIOD AS THE METHODOLOGICAL ISSUE

Abstract. The proposed article discusses the issue of Russian legal science' development as the methodological inquiry. The study shows that development models design by philosophy of science cannot be applied to account of legal science' historical movement whereas the models focuses on natural science. The authors propose epistemological approach to the knowledge development as a conceptual model reflecting the alteration of scientifico-cognitive tools and units of scientific knowledge due to its initial state contradictions. Based

ПУЧКОВ Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург
ПУЧКОВ Владислав Олегович — кандидат юридических наук, ведущий юрисконсульт ООО «Урал Импортер Лимитед», г. Екатеринбург

on the proposed model, the authors substantiate the absence of philosophico-methodological and theoretical contradictions of Soviet jurisprudence, on the one hand, and post-Marxist one, on the other. The research argues thesis stating that the historical movement of Russian legal theory after 1991 could be characterized not so much by signs of development as by stagnation, the emergence of which is due to insufficient attention from legal scholars to the methodological issues of legal science.

Keywords: legal science, methodology of science, development of knowledge, Soviet jurisprudence, post-Marxist jurisprudence, theory of law.

Существующие ныне философские модели развития науки объединяет итоговый вывод о том, что историческое движение научного знания сопровождается его количественным и качественным ростом [8, с. 511–512; 18, р. 145]. Кажущийся если не бесспорным, то, во всяком случае, правдоподобным, этот тезис, между тем имеет свои основания проблематизации, главным образом связанные с *концепцией* науки, с философски постулируемым *ее идеалом*. В этом смысле, по замечанию В. Когге, еще со времен контовского позитивизма гносеологическим идеалом науки выступало опытное естествознание [20, s. 55 et seq.], которое по крайней мере с XVII века заявляло свои претензии на соответствующий статус. Характерны, к примеру, попытки физикализации естественного права, ставшие общим местом в первых философских рефлексиях науки [14, с. 50 и след.].

Размежевание естественных и гуманитарных наук — как по линии метода, так и в плане особенностей разрабатываемых ими теоретических моделей — связано с формированием во многом оппозиционного позитивизму герменевтико-диалектической традиции, обозначившей, в числе прочего, проблему развития данных *типов* науки, критерии какового в этом смысле не могут быть для них общими [1, с. 68 и след.]. В то же время дальнейшая генерализация представлений об историческом движении научного познания продолжала ориентироваться на естественную науку как образец последнего.

Здесь показательна предложенная В.С. Степиным типология научной рациональности [15, с. 3–18], которая применима весьма ограниченно — если применима вообще — в моделировании парадигм социогуманитаристики (хотя бы по той причине, что постнеклассические черты, ставшие, по мысли Степина, характерными для науки ближе к концу XX века, та же юриспруденция наглядно демонстрирует как минимум с начала прошлого столетия¹). Упоминание разработанной Степиным модели развития науки неслучайно: интенсивность методологически несостоятельных попыток, предпринимаемых правоведами в использовании данной модели для описания юридической науки [3, с. 19, 138 и далее; 6, с. 16; 9, с. 24–29], является косвенным подтверждением того обстоятельства, что в правовом сознании естествознание по-прежнему доминирует как образец науки.

¹ Наглядной иллюстрацией сказанному является раннесоветская (1920–1930 гг.) теория права.

Отсюда формируется центральный вопрос предлагаемого исследования: справедливо ли утверждение о росте научного знания в отношении отечественной юриспруденции; действительно ли отказ от методологического монизма привел к качественному обновлению правовой теории, к появлению концептуальных положений, значительно более состоятельных в эвристическом плане, чем их советские предшественники?

Философско-методологические замечания

Оправданно считать, что ответы на поставленные выше вопросы требуют введения представлений о *развитии знания*, понимаемого в широких гносеологических, а не в философско-научных контекстах. Обоснованием этого тезиса служит следующая совокупность исходных положений: (а) поскольку философская концепция науки преимущественно ориентирована на естествознание, (b) но — в то же время — естественные и гуманитарные науки принадлежат к качественно различным типам науки, (с) постольку философские модели развития науки экстраполируют доминирующие в естествознании критерии такового на область гуманитарных наук и (d), следовательно, не могут быть использованы в качестве объяснительных принципов в рамках настоящего исследования. Отсюда философски обоснованным к исследованию развития гуманитарно-научного знания является именно гносеологический (также обозначаемый в данной работе как теоретико-познавательный) подход.

В теоретико-познавательном контексте знание как развивающаяся система рассматривается в двух планах, обозначаемых как «инструментальный» и «концептуальный».

В *инструментальном плане* развитие знания представляется как процесс его движения от гипотетической формы к теоретической [22, р. 38–43; 19, р. 107–108]; с течением времени теория достигает предела развития, когда «при включении в нее новых фактов обнаруживаются противоречия, неразрешимые в данной системе знания» [7, с. 240]. Это, в свою очередь, требует пересмотра методологических принципов первоначального теоретического построения, существенного изменения познавательных средств, в результате которого и формируется новая теория, способная разрешить противоречия предыдущей. Таким образом, в *инструментальном плане* критерием развития знания выступает изменение средств его формирования, обусловленное его *внутренними противоречиями*.

Концептуальный план развития знания фиксирует содержательное изменение его единиц (понятий); последнее, взятое в логической форме, однако означает не то, что предшествующее суждение (S есть P) полностью заменяется новым (S есть X и не есть P), а то, что в системе знания утверждаются «границы применения» прежних предикатов (S есть P и не есть X до тех пор, пока S не есть X) [17, с. 60 и след.]. В то же время говоря о «границах применения» предикатов, следует сделать оговорку, что такие модальности

неизвестны формальной логике; для нее суждение S есть Р и не есть Х до тех пор, пока S не есть Х принимает форму *логического противоречия*: S есть Р и не есть Х и есть Х.

Г.П. Щедровицкий по этому поводу замечал: «Лишь только какое-нибудь свойство, считавшееся до того простым и абсолютно сходным в ряде объектов мысли, начинают рассматривать с *новой точки зрения*, то есть в других условиях и при других отношениях между предметами и явлениями, как оказывается, что это свойство не абсолютно сходно во всех рассматриваемых объектах, что оно наряду со сходными моментами несет в себе различия» [17, с. 63]. Отсюда, концептуальный план развития знания представляет данный процесс как содержательную динамику понятий, при которой *противоречие предшествующего знания* обуславливает формирование последующего, которое в то же время задает пределы применения предшествующего.

Таким образом, в контекстах теоретико-познавательного подхода допустимо утверждать, что *развитие знания представляет собой такое изменение средств его получения и единиц (понятий), которое обусловлено выведенными противоречиями знания; развитие знания состоит в его обновлении, когда наряду с появлением новых единиц и средств получения знания определяются пределы применения предшествующих.*

Существуют ли противоречия между советской и постмарксистской теорией права?

В современных теоретико-правовых работах советский (с 1920-х гг. до 1991 г.) и постмарксистский (с 1992 г.) «образцы» правовой науки зачастую рассматриваются если не как антиподы, то во всяком случае как системы, во многом *противоречащие* друг другу. На первый взгляд, этот тезис не обнаруживает каких-либо оснований для критики. С одной стороны, наука, существующая в условиях жесткого государственно-идеологического диктата, с другой — наука, функционирующая в свободном обществе. В общей теории права обусловленные этим различия кажутся принципиальными и выраженными наиболее ярко; обнаруживаются они и в частных вопросах отраслевого правоведения (например, относительно круга субъектов доказывания в науке цивилистического процесса [13, с. 236 и след.] или относительно владения и владельческой защиты в гражданско-правовой науке [5, с. 67 и след.]), где фундаментальность таких различий закрепляется господством позитивного правопонимания.

Заключительным аргументом в пользу противоречия советской и постмарксистской теорий права стали суждения ведущих ученых-юристов в 1990–2000 годы. В этом смысле наиболее характерны оценки С.С. Алексеева: если в 1979 году он пребывал в убеждении о «подлинно научном» характере советского правоведения и полагал концепцию социального правового государства средством «извращения» правовой науки [12, с. 25], то уже в 1997 году он обратился к юридическому сообществу с покаянием в том,

что «проповедовал ленинско-сталинские юридические постулаты, фантазии и фальсификации, всюду играл в фальшивые околонучные игры» [2, с. 4].

Упоминание марксизма-ленинизма как идеологического фактора, обусловившего «несостоятельность» советского правоведения, неслучайно: правовая наука постсоветской России изначально рассматривала себя в качестве антипода своей предшественницы, противопоставляя социалистической плановой экономике юридически обоснованные принципы свободного рынка, а диктатуре пролетариата — конституционные ценности либеральной демократии. Между тем уже эти, кажущиеся фундаментальными противоречия советской и постсоветской теорий права, образуют не что иное, как научный миф.

Выдвигая такой тезис, было бы оправданно прежде всего отметить, что противоречие есть взаимоисключение, то есть ситуация, при которой одновременное существование тех или иных объектов, отношений, тенденций и тому подобного признается невозможным. Между тем разработанная К. Марксом материалистическая диалектика постулирует «внутреннее единство и взаимопроникновение» противоположных явлений, «выступающее источником самодвижения и развития объективного мира и познания» [16, с. 545]. В этом смысле противоположность явлений не выступает в роли некоей априорной данности, а *формируется* с течением времени вследствие *последовательного качественного изменения одного и того же явления*; в частности, в формационной теории государства и права противоречия буржуазного и социалистического государства и права выявляются тогда, когда *первое становится вторым*. С данной позиции ни буржуазная демократия, ни капиталистическая экономика не вступают в противоречие с социализмом постольку, поскольку в процессе своего развития становятся диктатурой пролетариата и социалистическим способом производства соответственно. Тем самым главный аргумент сторонников антиномии советского и постсоветского правоведения обесмысливается.

Можно, конечно, возразить, что изложенное справедливо именно с точки зрения марксистского, диалектико-материалистического подхода, следование которому уже не вменяется правоведам. Однако здесь примечательно то, что отказ российской юриспруденции от марксизма оказался преимущественно декларативным. Прежде всего, само противопоставление демократии диктатуре пролетариата, а рынка — социалистической экономике осуществляется *именно в философских контекстах марксизма*. Единицами теоретического мышления выступают понятия. В данном восприятии, продолжая пользоваться понятиями, характерными для советского правоведения, российская юриспруденция расписалась в собственном марксистском характере (дополнительным аргументом сказанному служит и то, что в большинстве диссертационных исследований юристов материалистическая диалектика Маркса прямо называется в числе их методологических оснований). Таким образом, не будучи марксистской *идеологически*, российская теория права во многом осталась ею *понятийно*.

Единство философско-методологической основы советского и пост-марксистского правоведения обусловило их мировоззренческую общность, исключаящую формирование качественно различных теоретических моделей. Показательно, что за более чем тридцатилетний период своего развития российская юриспруденция не выработала понятия о праве, отличного от утвердившегося в советской правовой науке. Неизменными остались и иные базовые теоретико-правовые понятия, — о структуре правоотношения, юридическом факте, составе правонарушения и тому подобном.

Заявленным тезисам можно найти возражение: по крайней мере в 1990-х — начале 2000-х годов предпринимались попытки обоснования альтернативных типов правопонимания: либертарно-юридическая теория В.С. Нерсисянца, интегративная концепция В.В. Ершова, коммуникативное правопонимание А.В. Полякова и другие.

Но ни в одной из обозначенных концепций утвержденное в советском правоведении позитивное правопонимание *не отрицается и не отвергается*. Так, В.С. Нерсисянц, не рассматривая проблему позитивного права как такового, рассуждает *о либертарной сущности* права, тем самым помещая свою концепцию в предметную область не столько науки, сколько философии как совершенно иной формы познания [10, с. 16 и след.]. Отсюда, либертарная концепция права не может считаться научной, так как сама философия не может считаться наукой.

В.В. Ершов, в свою очередь, утверждает, что «в соответствии с интегративным пониманием права право и закон не различаются как разные феномены и понятия» [4, с. 9]; тем самым, предлагаемое автором понимание права, заявленное им как интегративное, в действительности является позитивистским.

Наконец, коммуникативная теория А.В. Полякова, по его собственному утверждению, основывается на том постулате, что правовая коммуникация опосредована правовыми текстами, и право, как таковое, создается именно деятельностью субъектов, интерпретирующих и реализующих положения правовых текстов [11, с. 9–10]. В данной констатации ученого нетрудно заметить концептуальный подход правового реализма, который возник на почве юридического позитивизма как реакция на его практические недостатки, не отказываясь при этом от базового представления юспозитивистов о праве как системе социальных норм, изложенных в государственно-властных актах [21, р. 581].

Таким образом, попытки постсоветского правоведения отыскать новое понимание права неизбежно приводили его (в той или иной форме) к юридическому позитивизму; на последнем основывалась и советская правовая наука, и в этом смысле отличие советского правопонимания от постсоветского состоит не более чем в целях и ценностях, атрибутируемых позитивному праву.

В заданном контексте противоречия между советской и постсоветской теорией права оправданно было бы охарактеризовать как в большей мере

идеологические, чем теоретические или методологические. Следовательно, не удастся обнаружить оснований для теоретического развития российского правоведения в том смысле, в котором это понятие используется в данной работе. Социальная революция, по факту свершившаяся в 1991 году, в рассматриваемом понимании не сопровождалась *научной революцией* и, более того, не должна была сопровождаться ею в силу того, что правоведение как наука основывается на догматическом методе, восходящем к глоссаторам, демонстрируя неизменную приверженность устоявшимся и ставшим традиционными правовым понятиям и принципам вне зависимости от социальных, культурных, технологических и других подобных факторов.

Наконец, обращает на себя внимание то, что, несмотря на идеологическое давление, советское правоведение разработало ряд оригинальных концепций, впоследствии закрепившихся в качестве общепризнанных теоретических моделей (речь идет, в частности, о теории состава преступления А.Н. Трайнина, понятии механизма правового регулирования С.С. Алексеева, поведенческой концепции вины О.С. Иоффе и др.). Между тем российское правоведение, не стесненное диктатурой и общеобязательной идеологией, не может похвастаться подобными достижениями, а это, в сущности, является свидетельством того, что в своем историческом движении постсоветская правовая наука до сих пор не вошла в фазу развития.

Заключение

Каковы причины стагнации российского теоретического правоведения, признаки которой зачастую отмечают в методологических исследованиях? Можно полагать, что в качестве одной из таковых выступает то, что в постсоветский период общетеоретическое и методологическое направления правовых исследований в значительной мере уступили (во всяком случае количественно) отраслевым разработкам. При этом последние зачастую ориентированы не столько на создание научных абстракций, сколько на разрешение прикладных вопросов. В этом плане вопрос методологического самоопределения (а, значит, и развития) правовой науки оставлен учеными-юристами без должного внимания. Устойчивость обозначенной тенденции создает для юриспруденции риск деградации от уровня науки до уровня инструктивного, технического по своей сути знания и тем самым актуализирует вопрос о принципиальном будущем юридической профессии в XXI столетии.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1. Механистическая теория общества. Исторический материализм. М.: Типография Императорского Московского университета, 1912.

2. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х — 2009 годов. М.: Статут, 2010.
3. Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019.
4. Ершов В.В. Российское право с позиции легизма и интегративного понимания // Российское правосудие. 2011. № 10(66).
5. Жужжалов М.Б. Понятия титульного и законного владения в российском гражданском праве // Закон. 2011. № 1.
6. Калинин С.А. Методология юриспруденции в контексте парадигм научной рациональности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48).
7. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974.
8. Лебедев С.А. Основные модели развития научного знания // Вестник Российской Академии Наук. 2014. Т. 84. № 6.
9. Михель Д.Е. Коммуникативная теория права в системе постнеклассической юридической науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4.
10. Нерсисянц В.С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996.
11. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002.
12. Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1979.
13. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019.
14. Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. В 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 2006.
15. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10.
16. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
17. Щедровицкий Г.П. О некоторых моментах в развитии понятий // Вопросы философии. 1958. № 6.
18. Haufe Ch. How Knowledge Grows. The Evolutionary Development of Scientific Practice. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 2022.
19. Jong T. de, Ferguson-Hessler M. Types and Qualities of Knowledge // Educational Psychologist. 1996. Vol. 31. № 2.
20. Kogge W. Einführung in die Wissenschaften. Wissenschaftstypen — Deutungskämpfe — Interdisziplinäre Kooperation. Berlin: Transcript Verlag, 2022.
21. Llewellyn K.N. On Reading and Using the Newer Jurisprudence // Columbia Law Review. 1940. Vol. 40.
22. Maeng J., Bell R. Theories, Laws, and Hypotheses // The Science Teacher. 2013. Vol. 80. № 7.

Г.Д. САДОВНИКОВА
С.Н. МАКСИМОВА

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ В НОВОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ЦИКЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются траектории развития свободных выборов во внутригосударственном измерении. Показано, что в новом конституционном цикле России необходимо комплексно исследовать свободные выборы через призму особых правовых режимов; запрета иностранного влияния на проведение выборов; экспериментальных правовых систем в сфере цифровых инноваций; цифровизации голосования. Подчеркивается, что подобная конвергентность определяет современный проактивный подход государства к воплощению свободных выборов в модели национальной конституционной идентичности Российской Федерации.

Ключевые слова: народовластие, свободные выборы, конституционная поправка, дистанционное электронное голосование, избирательный процесс.

TRAJECTORIES OF FREE ELECTIONS IN THE NEW CONSTITUTIONAL CYCLE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article explores the trajectories of free elections in the intrastate dimension. It is shown that in the new constitutional cycle of Russia it is necessary to explore free elections comprehensively through the prism of special legal regimes; prohibition of foreign influence on the conduct of elections; experimental legal regimes in the field of digital innovation; digitalization of voting. It is emphasized that such convergence determines the modern proactive approach of the state to the embodiment of free elections in the model of national constitutional identity of the Russian Federation.

Keywords: democracy, free elections, constitutional amendment, remote electronic voting, electoral process.

Значимость свободных выборов как основы конституционного строя и избирательного стандарта для личности, общества и Российского государства невозможно переоценить. Избирательная парадигма затрагивает

САДОВНИКОВА Галина Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва

МАКСИМОВА Светлана Николаевна — доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва

почти 114 миллионов избирателей, включая не только граждан, зарегистрированных на территории Российской Федерации, но и проживающих за пределами государства, а также на территории города Байконур¹.

В современном конституционном государстве формирование доктрины национальной конституционной идентичности основывается на синтезе традиции и прогресса [1, с. 5]. Конституционная материя не статична, она может трансформироваться и отражать политико-правовые идеалы общества и государства [2, с. 31–44; 2, с. 13–24]. Так, в январе 2020 года главой государства был инициирован процесс совершенствования модели публичной власти через принятие конституционной поправки. Безусловно, Законом о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 года² охватывались изменения конституционного текста в диапазоне глав 3–8, однако границы существующих основ конституционного строя, в частности принципа народовластия, расширились. Подобное обуславливает исследование в новом конституционном цикле траекторий развития свободных выборов в порядке их последовательного проявления.

Свободные выборы и особые правовые режимы

В октябре 2022 года на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей на основании Указа Президента от 19 октября 2022 года № 756, утвержденного в тот же день Постановлением Совета Федерации № 462-СФ, было введено военное положение в целях защиты территориальной целостности Российской Федерации. В федеральном конституционном законодательстве на дату введения военного положения в данных субъектах Российской Федерации устанавливался запрет проведения выборов на территории, где введен особый правовой режим. Однако в мае 2023 года при подготовке изменений в законодательство о замене понятий «член Совета Федерации» на «сенатор Российской Федерации» в таблице поправок ко второму чтению в Государственной Думе появилось предложение о дополнении пункта 4 статьи 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении» словами о возможности проведения выборов во время действия военного положения, если решение об их назначении (проведении) принимается ЦИК России по результатам консультаций с Министерством обороны и ФСБ Российской Федерации³.

¹ Сведения о численности зарегистрированных в Российской Федерации и за пределами территории Российской Федерации избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 июля 2024 года. URL: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/01072024.php> (дата обращения: 15.10.2024).

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ СЗ РФ. 2023. № 23. Ст. 3998; СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 7978.

В условиях законодательных трансформаций в Федеральном законе от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) с 1 апреля 2020 года появилась статья 10.1, установившая особенности проведения выборов во время действия режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации⁴. Вместе с тем в ноябре 2023 года данная статья, во-первых, была дополнена нормами о военном положении, во-вторых, отразила роль высшего должностного лица субъекта Федерации в части направления предложения в ЦИК России о проведении выборов в условиях военного положения, в-третьих, предписала ей незамедлительно информировать ключевые органы государственной власти о принятии решения о назначении (проведении) выборов во время действия военного положения⁵.

В правоприменительной плоскости Центральная избирательная комиссия Российской Федерации дважды принимала решение о проведении выборов на территории регионов, где введено военное положение: 15 июня 2023 года в отношении выборов депутатов законодательных органов субъектов Федерации и депутатов представительных органов муниципальных образований⁶; 11 декабря 2023 года — применительно к выборам Президента⁷. Кроме того, избирательные комиссии субъектов Федерации, где было введено военное положение, в целях реализации гражданами активного избирательного права при проведении обозначенных выборов принимали решения об изменении времени голосования и о документах, использование которых допускалось помимо паспорта гражданина Российской Федерации или документа, его заменяющего.

Так, в ДНР на выборах в единый день голосования 10 сентября 2023 года время голосования в помещении было установлено в диапазоне с 8 часов до 15 часов по местному времени⁸. В ЛНР на выборах Президента Российской Федерации (на основании решения ЦИК России об особенностях подготовки и проведения выборов Президента в период действия военного положения⁹)

⁴ СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2028.

⁵ СЗ РФ. 2023. № 23. Ст. 4004; СЗ РФ. 2023. № 47. Ст. 8308.

⁶ Постановление ЦИК России от 15 июня 2023 г. № 119/946-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/53351/> (дата обращения: 20.10.2024); Постановление ЦИК России от 15 июня 2023 г. № 119/947-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/53352/> (дата обращения: 20.10.2024); Постановление ЦИК России от 15 июня 2023 г. № 119/948-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/53353/> (дата обращения: 20.10.2024); Постановление ЦИК России от 15 июня 2023 г. № 119/949-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/53354/> (дата обращения: 20.10.2024).

⁷ Постановление ЦИК России от 11 декабря 2023 г. № 141/1084-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54213/> (дата обращения: 20.10.2024).

⁸ Постановление Избирательной комиссии Донецкой Народной Республики от 9 сентября 2023 г. № 37/221. URL: http://www.dnr.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/postanovleniya/2023/221_ob%20изменении%20времени2.docx (дата обращения: 20.10.2024).

⁹ Постановление ЦИК России от 13 декабря 2023 г. № 142/1086-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54224/> (дата обращения: 20.10.2024).

время окончания голосования 17 марта 2024 года было установлено в 16 часов по местному времени, а время окончания подачи заявлений о предоставлении возможности проголосовать вне помещения — 12 часов по местному времени¹⁰. В Херсонской области в качестве документа, содержащего персональные данные об избирателе, помимо паспорта гражданина Российской Федерации или документа, его заменяющего (перечень таких документов дан в пп. 16 ст. 2 Закона об основных гарантиях), указаны и паспорт гражданина Украины, ID-карта гражданина Украины с приложением (без приложения) о регистрации по месту жительства на территории Херсонской области, а также иной документ, удостоверяющий личность, выданный органами власти Украины не позднее 30 сентября 2022 года¹¹.

Таким образом, в данной траектории проведение свободных выборов в условиях особых правовых режимов — повышенной готовности, чрезвычайной ситуации и особенно военного положения, задействует целый комплекс органов государственной власти и государственных органов федерального и регионального уровней, призванных с учетом тех вызовов, которые встают перед законодателем и правоприменителем, слаженно обеспечить реализацию избирательных прав граждан.

Свободные выборы и принцип запрета иностранного влияния на проведение выборов

Конституционная поправка 2020 года детерминировала новые требования к членам выборных органов публичной власти и выборным должностным лицам в Российской Федерации. Новеллы затрагивают лиц, получивших статус иностранного агента. В целях консолидации и актуализации федерального законодательства правовое регулирование статуса иностранного агента нашло свое воплощение в Федеральном законе «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее — Закон об иноагентах)¹². Данный закон относит к иноагентам лиц, получивших иностранную поддержку (в виде денежных средств, иного имущества, помощи в различных сферах), находящихся под иностранным влиянием и осуществляющих деятельность, установленную в законодательстве об иноагентах (например, политическую деятельность в целях оказания влияния на государственную политику, организацию и деятельность органов публичной власти).

¹⁰ Постановление Избирательной комиссии Луганской Народной Республики от 13 февраля 2024 г. № 142/1086-8. URL: <http://www.lnr избирком.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/postanovleniya/2024/380%20O%20сокращении%20продолжительности%20голосования.docx> (дата обращения: 20.10.2024).

¹¹ Постановление Избирательной комиссии Херсонской области от 15 января 2024 г. № 39/204. URL: [http://www.kherson избирком.ru/upload/news/2024/Повестка%20дня%2039/\(3\) Перечень%20 документов_XO.docx](http://www.kherson избирком.ru/upload/news/2024/Повестка%20дня%2039/(3) Перечень%20 документов_XO.docx) (дата обращения: 20.10.2024).

¹² СЗ РФ. 2022. № 29. Ст. 5222.

В российском законодательстве об иноагентах предусматривается широкий перечень ограничений для лиц с подобным статусом. В частности, с 2022 года включение лица в реестр иноагентов согласно федеральному законодательству об иноагентах стало основанием для запрета быть членом избирательной комиссии, поддержки кандидатов на выборах всех уровней, пожертвований политическим партиям.

Однако 15 мая 2024 года в Закон об основных гарантиях были внесены изменения, значительно усиливающие гарантии противодействия иностранному вмешательству в дела государства, российского общества и обеспечивающие реализацию конституционных прав и свобод¹³. Изначально проект федерального закона был направлен на исполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2023 года № 31-П в части отказа избирательной комиссией в заверении списка кандидатов из-за ошибок (опечаток), допущенных в оформлении представленных в избирательную комиссию документов в отношении отдельных кандидатов в списке кандидатов, что приводило к отстранению от участия в выборах всех кандидатов в списке, включая тех, о выдвижении которых при оформлении документов не было допущено никаких неточностей. Подобное порождает недопустимые ограничения избирательных прав¹⁴. Вместе с тем в процессе подготовки законопроекта ко второму чтению федеральный законодатель отразил маркеры совершенствования принципа запрета иностранного влияния на проведение выборов в Российской Федерации. К новым элементам содержательного наполнения данного принципа, внесенным в Закон об основных гарантиях, можно отнести следующее:

- зарегистрированный кандидат не может иметь статус иноагента и обязан при регистрации предоставить уведомление Министерства юстиции об исключении из реестра или соответствующее решение суда, если в заявлении о согласии баллотироваться были указаны сведения о наличии соответствующего статуса (п. 3.4 ст. 33; п. 1.7 ст. 38);
- зарегистрированный кандидат не может быть включен в реестр иноагентов (п. 4.1 ст. 41);
- иностранный агент не может быть уполномоченным представителем или доверенным лицом кандидата или избирательного объединения, а также наблюдателем (п. 13.2 ст. 35; п. 2 ст. 43; п. 4 ст. 30);
- регистрация кандидата (кандидата, включенного в зарегистрированный список кандидатов) может быть отменена судом в случае установления

¹³ СЗ РФ. 2024. № 21. Ст. 2650.

¹⁴ По делу о проверке конституционности пункта 14.2 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 31-П // Российская газета. 2023. 22 июня.

факта наличия у зарегистрированного кандидата статуса иноагента (пп. «к» п. 7 и п. 9 ст. 76).

Отметим, что Закон об иноагентах (ст. 6) установил различия между лицами, имеющими статус иноагента, и физическими лицами, аффилированными с иностранными агентами. На последних не распространяются требования и ограничения, установленные для иностранных агентов, соответственно, сведения о физических лицах, аффилированных с иностранными агентами, подлежат включению в отдельный реестр. Так, в отличие от иноагентов кандидаты, аффилированные с иноагентами, могут участвовать в выборах при соблюдении следующих требований:

- информация о том, что кандидат аффилирован с иноагентом, должна обозначаться при проведении совместного агитационного мероприятия на каналах телерадиовещания и во всех агитационных материалах, размещаемых в периодических печатных изданиях (п. 4.1 ст. 51; п. 6 ст. 52);
- информация о кандидате, аффилированном с иноагентом, должна быть размещена на информационном стенде в помещении для голосования, а также в избирательном бюллетене (п. 4 ст. 61; п. 7.1 ст. 63).

На основании изложенного в рамках дальнейшего развития траектории свободных выборов и принципа запрета иностранного влияния на проведение выборов в Российской Федерации видятся два направления.

Во-первых, внесение обозначенных изменений в федеральное и региональное законодательство. К примеру, параллельно процессу обновления Закона об основных гарантиях в мае 2023 года подобные изменения вносились в Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹⁵ (в отношении статуса иноагента — ч. 13.1 ст. 4; ч. 2 ст. 33; п. 4 ч. 1 ст. 46; п. 4 ч. 1 ст. 47; п. 12 ч. 4 ст. 50; п. 18 ч. 7 ст. 51; ч. 3 ст. 52; ч. 3 ст. 55; п. 7 ч. 11 и п. 11 ч. 12 ст. 99; в отношении кандидатов, аффилированных с иностранными агентами, — в ч. 9 ст. 65; ч. 18 ст. 66; ч. 5 ст. 78; ч. 9.1 ст. 79) и в Федеральный закон «О федеральной территории „Сириус“»¹⁶ (только в отношении статуса иноагента — ч. 2 и ч. 3.1 ст. 29). Работа по внесению подобных изменений проведена в некоторых регионах (напр., в Республике Татарстан)¹⁷, однако далеко не во всех. Кроме того, в Федеральном законе от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»¹⁸ соответствующие новеллы пока не нашли своего отражения, хотя они необходимы в целях обеспечения устойчивой политико-правовой связи главы государства с Отечеством, значимость которой отмечал Конституционный Суд

¹⁵ СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

¹⁶ СЗ РФ. 2020. № 52. Ст. 8583.

¹⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Татарстан от 6 июня 2024 г. № 29-ЗРТ // Газета «Республика Татарстан». 2024. 11 июня.

¹⁸ СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

в своем решении по конституционной поправке 2020 года¹⁹. Устранение существующей дифференциации в требованиях к кандидатам на выборах депутатов Государственной Думы и выборах президента в части наличия (отсутствия) статуса иноагента также необходимо в обеспечение закрепленного в статье 75.1 Основного закона конституционного принципа взаимного доверия государства и общества, в частности, доверия к закону и действиям государства. Важность соблюдения данного принципа неоднократно подчеркивал Конституционный Суд²⁰. Представляется, что в федеральном законодательстве о выборах президента (п. 2 ст. 34) также должны найти отражение как запрет поддержки иноагентами самовыдвижения кандидата в рамках создания группы избирателей, так и запрет предвыборной агитации иноагентами (п. 4 ст. 49), что согласуется с особым конституционно-правовым статусом главы государства.

Во-вторых, возможно введение запрета на участие в выборах для кандидатов, аффилированных с иноагентами и внесенными в соответствующий реестр, до момента их исключения из реестра в целях недопущения вмешательства иностранных государств во внутренние дела Российской Федерации. Эволюция федерального законодательства об иноагентах идет поэтапно, начиная с 2012 года [4, с. 98], когда положения об иноагентах нашли свое отражение в Федеральном законе от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»²¹, а затем — в принятом в 2022 году Законе об иноагентах, дополненном изменениями в мае 2024 года. Представляется, что в подобном ключе законодательство может выйти на следующий виток развития в части новых ограничений для лиц, аффилированных с иноагентами. Безусловно, предложенные ограничения, дабы не допустить их чрезмерности, должны подвергаться законодателем тесту на пропорциональность конституционно значимым целям в обеспечение признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека как высшей ценности.

¹⁹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Российская газета. 2020. 17 марта.

²⁰ Напр., см.: По делу о проверке конституционности положения части 1.3-3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «НТСИ Телеком»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2024 г. № 39-П // Российская газета. 2024. 26 июля.

²¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

Свободные выборы и экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций

Трансформация свободных выборов как избирательного стандарта обусловливает поиск современных решений, направленных на обеспечение конституционного права избирать и быть избранным. Особое звучание данный довод приобретает в условиях внедрения инновационных способов обеспечения голосования на избирательных участках, образованных в труднодоступных или отдаленных местностях.

В январе 2020 года Президентом России была обозначена задача внедрения в правовую материю государства механизма экспериментальных правовых режимов²². Во исполнение поставленной задачи законодатель принял Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровой инновации в Российской Федерации»²³. Согласно статье 10 данного закона Правительство наделено полномочиями по установлению изъятий из отдельных требований законодательства посредством введения экспериментального правового режима на определенной территории. Так, в феврале 2024 года подобный режим в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем сроком на 3 года был установлен в Ненецком автономном округе²⁴. Применительно к теме данного исследования беспилотные летательные аппараты здесь были использованы на выборах в сентябре 2024 года для доставки избирательных бюллетеней в село Тельвиска и деревню Макарово Заполярного района²⁵.

Представляется, что данное нововведение в рамках досрочного голосования в труднодоступных или отдаленных местностях позволит оперативно и экономически оптимизированно доставлять избирательные бюллетени по запланированным траекториям в целях внедрения проактивного правового регулирования реализации избирательных прав граждан. Подобного рода экспериментальные правовые режимы также установлены в Республике Башкортостан, городе Иннополисе Республики Татарстан, Камчатском крае, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах, Нижегородской, Самарской, Томской областях, на территории, прилегающей к индустриальному парку «Руднево»,

²² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 января.

²³ СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.

²⁴ Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Ненецком автономном округе: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 100 // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. 2024. 7 февраля.

²⁵ В глубинку НАО бюллетени доставили на дронах // Российская газета. URL: <https://rg.ru/amp/2024/09/03/reg-szfo/s-neba-upali.html> (дата обращения: 03.09.2024).

в городе Москве²⁶. Безусловно, перечень территорий может быть расширен, а практика Ненецкого автономного округа по доставке избирательных бюллетеней в труднодоступные или отдаленные местности может быть применена и в других субъектах Федерации.

Свободные выборы и цифровизация голосования

В России дистанционное электронное голосование (ДЭГ) применяется уже шестой год: на выборах федерального (2021, 2024 гг.), регионального и местного (2019, 2022, 2023, 2024 гг.) уровней, а также в рамках Общероссийского голосования по вопросу одобрения конституционной поправки (2020 г.). Однако отечественной правовой действительности известна и более ранняя практика. Например, экспериментальный опрос избирателей с использованием Интернета в единые дни голосования 12 октября 2008 года (в г. Новомосковске Тульской области) и 1 марта 2009 года (в муниципальных образованиях Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Томской областей и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры), который заложил начало решению таких задач, как бесперебойность программно-технических средств при передаче данных от участников голосования, обеспечение информационной безопасности, идентификации участника голосования, тайны волеизъявления, достоверности переданных данных [5, с. 6]. Подобные решения актуальны и сегодня в условиях введения в марте 2022 года в Закон об основных гарантиях статьи 64.1, посвященной ДЭГ, с целью установления основных принципов и параметров дистанционного голосования²⁷.

Как отмечалось в пояснительной записке к законопроекту № 40921-8, содержащему положения о ДЭГ, оно направлено на создание дополнительных возможностей и гарантий реализации избирательных прав граждан²⁸.

Позитивную оценку использованию информационных технологий в избирательном процессе, в том числе по процедуре голосования, дал Конституционный Суд: «Нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует и росту числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской активности». При этом Суд указал, что для обеспечения подлинности и справедливости избирательного процесса и его результатов должны быть гарантированы надежность и эффективность субсидиарных механизмов, применяемых для организации голосования,

²⁶ Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/28d38c27f6f78cc1f404ac2d19a76227/reestr_15112024.xlsx (дата обращения: 09.11.2024.)

²⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1787.

²⁸ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40921-8> (дата обращения: 20.10.2024).

соблюдение принципов свободных выборов и адекватное отображение волеизъявления избирателей, реализующих в процессе выборов свое право на участие в управлении делами государства²⁹.

Итоги выборов в единый день голосования 8 сентября 2024 года показали, что, к примеру, на территории города Москвы разница между результатами выборов по округам и данными о ДЭГ минимальна, а это свидетельствует о легитимности подобного голосования и выявлении действительной воли избирателей³⁰.

Так как ДЭГ представляет собой голосование без избирательного бюллетеня на бумажном носителе и предполагает использование специального программного обеспечения, можно установить некоторые различия между дистанционным и традиционным голосованием.

Во-первых, избиратель, имеющий подтвержденную запись на Портале государственных и муниципальных услуг (для г. Москвы — на Портале Москвы), должен пройти процедуру идентификации — подтверждение личности через код подтверждения участия в голосовании, отправляемый на мобильный телефон. Данные о мобильном телефоне также отражаются в списке участников ДЭГ наряду с Ф.И.О., датой рождения и адресом места жительства.

Во-вторых, после корректного ввода кода подтверждения запускается процедура анонимизации, обеспечивающая посредством программно-технических решений невозможность установления связи между персональными данными избирателя и его волеизъявлением.

В-третьих, в случае проведения многодневного голосования избиратель может голосовать в любое время, начиная с 8:00 первого дня до 20:00 по местному времени последнего дня голосования, и не связан временем работы избирательных участков.

В-четвертых, с момента получения электронного бюллетеня избирателю дается один час на принятие решения и голосование. Если бюллетень получен в последнюю минуту перед окончанием времени голосования, то программой предусматривается еще 15 минут для принятия решения.

В-пятых, ДЭГ предусматривает необходимость сделать конкретный выбор. Кнопка «Проголосовать» становится активной только после того, как избиратель поставит отметку напротив фамилии выбранного кандидата. После осуществления волеизъявления его изменение (повторное волеизъявление) не допускается.

²⁹ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 11-П // СЗ РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.

³⁰ Московская городская избирательная комиссия. URL: http://www.moscow-city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow-city?action=show&root=1&tvd=27720002833652&vrn=27720002833626®ion=77&global=&sub_region=77&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720002833652&type=423 (дата обращения: 20.10.2024).

* * *

В данной статье представлены лишь некоторые отличительные аспекты ДЭГ, однако его включение в Закон об основных гарантиях, определение порядка и особенностей проведения, расширение географии применения обуславливает дальнейшую трансформацию свободных выборов в эпоху цифровизации общественных отношений. В то же время как перед законодателем и правоприменителем, так и перед научным сообществом стоит задача правового осмысления содержания конституционного принципа взаимного доверия государства и общества по отношению к ДЭГ в части понимания всеми участниками избирательных правоотношений процессов зашифрования и расшифрования, контроля неизменности и сохранности результатов волеизъявления, достоверности установления итогов голосования.

Следует признать, что в обществе присутствует некоторый скептицизм в отношении дистанционного электронного голосования. Согласно данным ВЦИОМ, опубликованным 2 сентября 2024 года, только 30 процентов опрошенных граждан выразили готовность голосовать онлайн при наличии такой возможности. При этом большинство респондентов (63%) сообщили, что даже при наличии выбора предпочтут традиционный способ голосования³¹.

Пути преодоления сохраняющегося недоверия и снижения рисков видятся в комплексе правовых, технологических, просветительско-разъяснительных и иных мер со стороны государства и гражданского общества, прежде всего, в законодательном обеспечении гарантий избирательных прав граждан на каждом этапе ДЭГ, включая нормативно предусмотренные требования к соответствующему оборудованию; повышении электорально-правовой культуры, цифровой грамотности населения. Необходимо также надежное и в то же время понятное технологическое решение, включающее в себя, например, создание единой федеральной платформы ДЭГ, обеспечение максимально надежной проверки его систем со стороны независимых экспертов на предмет уязвимости, сертификация всей аппаратуры на базе единого сертификационного центра.

Таким образом, качественное воплощение свободных выборов как конституционной основы демократического государства и избирательного стандарта возможно через понимание траекторий развития данной формы высшего непосредственного выражения власти народа. Комплексный взгляд на трансформацию свободных выборов в новом конституционном цикле отражает современный вектор развития взаимоотношений личности, общества и государства в России. Подобный подход может привести к формированию новых правовых догм, сопряженности традиций и прогресса через призму таких констант, как верховенство права, гарантии реализации конституционных прав и свобод личности, доверие к закону и действиям государства.

³¹ Россияне избирают участки // Коммерсантъ. 2024. 2 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6932916> (дата обращения: 06.09.2024).

Список литературы

1. Кабышев С.В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024.
2. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1.
3. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Инфра-М, 2020.
4. Кондрашев А.А. Иностранные агенты в России: как заимствованный американский правовой институт приобрел иной смысл в российском законодательстве и правоприменительной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 4(143).
5. Экспериментальный электронный опрос избирателей с использованием сети Интернет в единые дни голосования 12 октября 2008 года и 1 марта 2009 года. М.: РЦИОИТ при ЦИК России, 2009.

КАТЕГОРИЯ «СРОКИ» В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: СУТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты избирательного процесса в контексте сути и содержания категории «сроки». Оценены имеющиеся подходы к установлению периодов времени функционирования избирательных округов, их формирования, исследованы особенности агитации, голосования и определения результатов выборов. Подчеркнуто, что крайние сроки — достаточно важная категория, так как их соблюдение обеспечивает стабильность и корректность всех отношений избирательного и электорального характера. Дополнительно описаны разные виды сроков, их значимость, последствия несоблюдения. Полученные результаты и сформулированные выводы могут быть использованы специалистами в сфере избирательного права, а также экспертами, разрабатывающими проблематику выборов в целом.

Ключевые слова: выборы, избирательный процесс, электоральный процесс, крайние сроки, последствия несоблюдения сроков в избирательном процессе.

CATEGORY «TERMS» IN ELECTORAL PRACTICE: ESSENCE AND CONTENT

Abstract. This article considers theoretical and practical aspects of the electoral process in the context of the essence and content of the category «deadlines». The available approaches to the establishment of time periods for the functioning of electoral districts and their formation are evaluated, the peculiarities of campaigning, voting and determination of election results are studied. It is emphasized that deadlines are a rather important category, their observance ensures stability and correctness of all relations of electoral and electoral nature. Additionally, the article describes different types of deadlines, their significance, consequences of non-compliance. The obtained results and formulated conclusions can be used by specialists in the field of electoral law, as well as by experts developing the problems of elections in general.

Keywords: elections, electoral process, electoral process, deadlines, consequences of non-compliance with deadlines in the electoral process.

Выборы как таковые — специальная форма реализации избирательных прав посредством участия заинтересованных субъектов в той или иной соответствующей кампании. Законодательством Российской Федерации предусмотрено такое определение термина, согласно которому граждане

и приравненные к ним лица в разных статусах могут выбирать Президента, депутатов Государственной Думы, и других субъектов, входящих в состав государственных органов на всех уровнях. Особая категория в данном контексте — право выбора. В Конституции России отмечено, что свободные выборы — выражение власти, имеющейся у народа (ч. 3 ст. 3).

При этом именно обозначенному праву в контексте избирательного и электорального процессов отводится особое место в плане выражения политической воли граждан. Значимость выборов можно объяснить и тем фактом, что они гарантируют некоторые конституционные права, связанные с участием в делах государства. Признание соответствующих действий в качестве одного из источников силы народного представительства — важный момент. Именно благодаря им удастся реализовать так называемую социальную власть.

Н.И. Лазаревский еще в дореволюционные годы небезосновательно подчеркивал: выборность — это источник политической силы народа [1, с. 345]. Аналогичная точка зрения предложена К. Каутским [2, с. 38]. Им отмечено, что избирательное право — средство обеспечения реальной зависимости государства от граждан. Он же, говоря о выборах, вел речь об инструменте выражения господствующих идей, принятых большинством.

Здесь следует особо отметить, что народное представительство — способ выражения мысли, единой для всех, и форма проявления власти народа, гарантирующая демократическое развитие как общностей, образующих общество, так и целого государства.

Как обоснованно указывает Б.С. Эбзеев, особая форма власти народа и гарант демократического развития общества — это народное представительство, в актах которого выражается воля народа [3, с. 768].

Обратимся к обобщенному толкованию избирательного и электорального процессов, сопряженных с ними и часто неотъемлемых действий. В данном смысле можно говорить о совокупности этапов организации и реализации непосредственных выборов, которые основаны на положениях действующего законодательства и предполагают реализацию действий, нацеленных на претворение в жизнь избирательных прав человека и гражданина. Они же гарантируют законность и целостность всех стадий назначения субъектов, впоследствии способных реализовать властные полномочия на федеральном, районном и местном уровнях [4, с. 91–92].

Этапы в данном контексте — совокупность шагов, включающая назначение выборов, финансовое обеспечение их проведения, создание специальных комиссий и так далее. Здесь важно выделить:

- первичное выдвижение и обязательную вторичную регистрацию кандидатов;
- расходование средств из специальных фондов;
- подготовку списков избирателей;
- организацию работы и деятельности членов избирательных участков.

Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфилова верно отметила, что совершенствование и развитие набора регламентов, правовых нормативных предписаний, гарантирующих полностью законное избрание лиц на те или иные должности в России, — комплексный процесс, нацеленный на достижение состояния необратимости всех шагов на пути к обеспечению корректности и законности результатов выборов на всех уровнях. И здесь достаточно важным является понятие «крайние сроки», в особенности в контексте практического претворения этих сроков в жизнь [5].

* * *

Избирательные права — сложная категория, которая может быть описана во временной протяженности. Установление сроков их возникновения, реализации, изменения или прекращения — значительный момент, особенно в контексте обеспечения устойчивости и ясности избирательных и электоральных отношений.

С.П. Гришаева говорит о сроке как о временном отрезке, который может быть описан началом, непосредственным протеканием, а также завершением. При этом первые две части в заявленном контексте детерминированы волей людей, а последняя — естественным порядком и течением вещей. Налицо некоторая двойственность, которая делает термин «срок» самостоятельной категорией и двусмысленным юридическим фактом избирательного и электорального процессов [6, с. 82].

Избирательные сроки играют ключевую роль в осуществлении избирательных прав граждан России, выступая в качестве главного связующего элемента всех избирательных действий участников выборов, а также определяют последовательность их соблюдения [7, с. 65–70].

Анализируемая временная характеристика — одна из основ реализации некоторых прав человека. Именно срок — компонент избирательных и электоральных действий. Дело в том, что он определяет базовые аспекты последовательности любых выборов, что не зависит от их уровня и масштаба.

Необходимо подчеркнуть, что законодателем пока не предложено ни одного исчерпывающего определения понятия «избирательный срок». Это существенный пробел на фоне того, что рассматриваемая в данной работе категория в исследуемых процессах характеризуется как обладающая особой значимостью в аспектах политики и права. Она обозначает периоды времени, отведенные для практической реализации выборов, формирования округов и участков, регистрации кандидатов, а также для всех прочих действий и шагов соответствующих субъектов, которые в процессном плане были обозначены ранее. Наличие множества условий, обстоятельств и факторов, а также процессов, в отношении которых должны устанавливаться вполне четкие и недвусмысленные крайние сроки, можно объяснить особенностями проведения выборов. Речь идет о множественности субъектов и потребности

в установлении специальных регламентов и правил. Всё отмеченное позволяет утверждать, что значимость категории «сроки» в контексте электро-альных процессов обусловлена в том числе аспектом в виде установления оснований для наступления юридически значимых последствий.

Сроки реализации выборов

Законодательно установлено, что избирательные комиссии, члены которых обеспечивают все операции по проведению выборов, должны завершить свою работу в срок, предусмотренный в законе. В нашей стране выборы могут быть регулярными (очередными), досрочными, дополнительными, а также повторными. Первые реализуются в момент, когда завершается период действия полномочий исполнительного или иного органа, либо выборного должностного лица.

Досрочные выборы проводятся, когда те или иные властные полномочия конкретного субъекта прекращены раньше отведенного для этого времени, дополнительные — когда конкретный депутат покидает должность или занимаемый пост. Особо следует отметить повторный вариант выборов. В случае признания выборов недействительными или несостоявшимися, а также если избранный кандидат не сложил с себя полномочия, несовместимые со статусом депутата в одномандатном (многомандатном) избирательном округе, или если избранный на выборную должность кандидат не может выполнять полномочия из-за несовместимости со статусом, то согласно закону повторные выборы назначаются соответственным уполномоченным органом. Также предусмотрено проведение повторных выборов в случаях, установленных пунктом 5 статьи 70 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях¹).

Повторный вариант выборов должен быть реализован в срок до трех месяцев после осуществления предшествующей кампании соответствующего уровня. В прочих случаях применяется регламент, который можно обнаружить в Законе об основных гарантиях, который гласит, что повторные выборы возможны в день голосования либо спустя время, но исключительно до года с момента, когда появилось основание для инициирования и реализации соответствующей работы (п. 3 ст. 10).

Здесь нужно особо отметить следующее: при претворении в жизнь последнего варианта той или иной кампании возможно сокращение сроков на треть. Соответствующее решение, принимаемое на уровне компетентных органов, должно быть четко мотивированным, обоснованным и официально представленным в общедоступных источниках информации в период

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

времени не более трех дней. Крайний срок здесь отсчитывается с даты принятия обозначенного решения.

В отношении временных границ реализации выборов предусмотрены иные правила. Установлена четкая зависимость от типа и масштабов, а также от реального уровня конкретной кампании.

Сроки назначения выборов и голосования

Поговорим о некоторых временных границах, предусмотренных и закрепленных законодателем, специально отведенных для избрания состава:

- федеральных органов государственной власти;
- органов государственной власти субъектов;
- органов местного самоуправления;
- депутатов и прочих субъектов.

Сроки в данном контексте устанавливаются Конституцией и другими нормативными актами в виде законов, подчиненных им документов и так далее. Минимальный срок составляет 2 года, максимальный — 5 лет.

В отношении избрания органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также их официальных лиц днем окончания установлено второе воскресенье сентября. Важно, чтобы дело касалось текущего года прекращения действия реальных полномочий представленных субъектов. Если второе воскресенье сентября, на которое должны быть назначены выборы, совпадает с нерабочим праздничным днем, или предшествующим ему днем, или днем, следующим за нерабочим праздничным днем, либо второе воскресенье сентября объявлено в установленном порядке рабочим днем, выборы назначаются на третье воскресенье сентября. Соответствующие решения принимаются уполномоченным на это государственным органом или лицом, его представляющим.

Голосование должно быть проведено не ранее 110 и не позднее 90 дней (при назначении выборов в федеральный орган государственной власти), не ранее 100 дней и не позднее 90 дней до дня голосования (при назначении выборов в орган государственной власти субъекта Федерации), не ранее 90 дней и не позднее 80 дней до дня голосования (при назначении выборов в орган местного самоуправления), после подтверждения того факта, что выборы были назначены в официальном порядке.

Сведения о реализации изучаемых процессов должны быть опубликованы в срок до пяти дней с момента принятия решения об их проведении.

Если данный государственный орган не может быть организован по объективным причинам, к делу привлекаются избиратели, их объединения, органы местного самоуправления или прочие субъекты. Предельное количество участников одной «временной избирательной комиссии» составляет 15 человек. Максимальный срок, отведенный для инициирования соответствующей работы, не должен превышать десяти дней с даты, когда судом или иным уполномоченным органом принято решение о проведении голосования.

В случае с досрочными выборами применяются практически те же правила — речь идет о втором воскресенье, а также о возможности сокращения сроков на треть.

Здесь важно подчеркнуть, что пока не выработаны законодательные механизмы, которые способствовали бы унификации практики в части установления минимальных сроков, отведенных для дополнительного выдвижения кандидатов. Многие вопросы соответствующего характера рассматриваются по факту членами комиссий, руководствующимися часто лишь собственным усмотрением. Это порождает некоторые объективные пробелы и преобладание субъективного фактора. Здесь полномочия соответствующих лиц могут быть неоправданно завышенными. Это крайне негативный аспект, требующий устранения на законодательном уровне.

Сроки выборов

При проведении выборов президента Российской Федерации дата голосования назначается на второе воскресенье месяца, в котором были проведены предшествующие мероприятия подобного плана 6 лет назад. Сведения о назначении выборов должны публиковаться в срок до пяти дней после принятия соответствующего решения.

Все происходит несколько иначе в случае с выборами депутатов Государственной Думы. Здесь назначение сроков — прерогатива Президента России (ст. 5 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ²). В то же время, как правило, принято отталкиваться от таких сроков: не ранее 110 и не позднее 90 дней до даты непосредственного голосования.

Выборы в федеральные органы государственной власти устанавливаются в порядке, регламентированном федеральным законодательством. Их временные значения аналогичны выборам депутатов Государственной Думы. В обоих случаях предполагается, что сведения о проведении выборов требуют опубликования в течение пяти дней с даты принятия решения уполномоченным органом.

В отношении выборов органов государственной власти на уровне субъектов сроки детерминированы конституционным законодательством и другими нормативными правовыми источниками, в том числе местными. Правила по срокам аналогичны: не ранее 100 и не позднее 90 дней до дня голосования; второе воскресенье сентября года, в котором прекращается официальное действие полномочий конкретного органа власти и представляющих его должностных лиц; опубликование сведений в СМИ в срок до пяти дней и так далее.

Особо стоит сказать о выборах органов местного самоуправления, где действуют положения муниципальных уставов. Хотя есть и общие требования, касающиеся сроков проведения выборов: не ранее 90 и не позднее

² Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 24 мая.

80 дней до дня голосования, дата которого, как и время публикации результатов голосования, устанавливается в порядке, типичном для выборов органов государственной власти.

Все же существуют некоторые отличия, определяемые политикой субъектов Федерации и непосредственно самими муниципалитетами. В частности, в Чеченской Республике при проведении выборов в органы местного самоуправления соответствующее решение принимается не ранее 90 и не позднее 80 дней до голосования³.

Сроки формирования избирательных округов, участков, графика их функционирования и электоральных списков

Формирование избирательных округов — комплексная процедура, способствующая, помимо прочего, реализации прав человека и гражданина в части избрания или переизбрания лиц в органы власти. Одно из условий формирования одномандатных избирательных округов в Чеченской Республике следующее: недопустимо отклонение от нормы представительства на одного депутата в размере не более 10 процентов (величина втрое больше на территориях, признанных труднодоступными).

В случае с многомандатными избирательными округами первое значение такое же; а второе составляет 15 процентов. Это закреплено положениями статьи 18 Закона об основных гарантиях. Такие требования не применяются при условии проведения федеральных выборов.

Сведения об избирателях, участниках референдума формирует и уточняет руководитель местной администрации муниципального района, муниципального округа или городского округа. Эти сведения затем передаются уполномоченным органом или должностным лицом в территориальные комиссии, а при их отсутствии — в окружные избирательные комиссии. После этого данные направляются в избирательную комиссию Чеченской Республики, а затем представляются на подпись главе республики.

На практике регламент образования избирательных округов отличается от случая к случаю. Процедура регулируется федеральным законодательством, положениями нижестоящих законов и подзаконных актов, в том числе издаваемых на уровне муниципалитетов. Но всякий раз имеет место подчиненность вышестоящим законодательным источникам.

Законом может быть установлено, что избиратели и участники референдума, не имеющие регистрации по месту жительства в Российской Федерации, могут быть включены в списки избирателей на соответствующем участке. Это решение принимается участковой комиссией на основании личного письменного заявления, которое должно быть подано не позднее дня голосования.

³ Закон Чеченской Республики от 29 декабря 2014 г. № 59-РЗ «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Чеченской Республике» (с изменениями на 31 января 2024 года).

После того как все сведения о количестве представителей электората собраны, реализуется их передача в участковые избирательные комиссии. Избирательные комиссии, организующие выборы, должны формировать списки и передавать их на уровень участков в рамках временного отрезка, составляющего 10 дней до практической реализации конкретного голосования.

Сроки выдвижения и обязательной регистрации кандидатов

Срок формирования списка кандидатов зависит от уровня проводимых выборов. По Закону об основных гарантиях он не должен составлять менее 40 дней при условии определения президента и депутатов Государственной Думы, 30 дней (до даты назначения выборов) — для выборов органов государственной власти, 20 — органов местного самоуправления (п. 9 ст. 33).

Предельные сроки во всех случаях устанавливаются соответствующим законодательством. При этом есть возможность применения специально предусмотренного порядка, предполагающего сокращение временного отрезка в той или иной ситуации. Это допустимо лишь при условии, что дело касается досрочных или повторных выборов. При проведении выборов президента возможно сокращение на 25 процентов (это справедливо и для депутатов Государственной Думы). Это лишь пример. Важнее другое: все соответствующие решения должны приниматься на уровне конкретной комиссии в обязательном порядке.

Срок проверки достоверности и законности сведений, предоставляемых при выдвижении кандидатов, и срок формирования перечней кандидатов составляет от 10 дней с даты подачи соответствующих документов заинтересованными в этом лицами. Детально регламент для выборов президента России описан в пункте 1 статьи 39 № 19-ФЗ от 10.01.2003⁴. В ситуациях с иными субъектами применимо отраслевое законодательство.

Если комиссией принято решение об отказе в регистрации, соответствующий кандидат должен быть уведомлен в течение одного дня. Формат представлен подготовкой копии соответствующего решения. По Закону об основных гарантиях оно должно содержать в себе мотивированные и обоснованные указания на причины отказа (п. 23 ст. 38).

Сроки агитации

Процесс агитации — один из важнейших компонентов избирательной и электоральной деятельности. Он предполагает системность реализации мероприятий, нацеленных, помимо прочего, на информирование избирателей о кандидатах, о содержательных аспектах предлагаемых ими программ.

⁴ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 17.

Сроки агитации четко обозначены законодателем в Законе об основных гарантиях. Они начинаются в момент регистрации конкретного кандидата или соответствующего списка, и заканчиваются в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования (ст. 49).

Сроки голосования

Действующее избирательное законодательство Российской Федерации позволяет утверждать, что представители электората должны быть проинформированы членами комиссии о проведении выборов в аспектах даты, времени и места в срок до десяти дней до голосования. Если дело касается досрочного и повторного сценариев, временной отрезок уменьшается вдвое.

Непосредственный срок, отведенный Законом об основных гарантиях для голосования, составляет не менее 10 часов (пп. 1, 2 ст. 64).

Сроки определения результатов голосования, подведения итогов, опубликования соответствующих сведений

Все указанные в подзаголовке шаги основаны на подсчете голосов. При этом предполагается исключительно объективное определение результатов. Это последний этап избирательного процесса, который характеризуется особым значением с точки зрения объективного выражения воли избирателей.

После завершения голосования комиссия инициирует подсчет голосов. Эта работа предшествует объявлению итогов. Результаты оглашаются с учетом ранее зарегистрированных списков. В течение суток обязательным является опубликование в СМИ.

Пункты 2, 3 статьи 72 Закона об основных гарантиях содержат в себе особое указание на необходимость в учете голосов, отданных против всех субъектов в статусе кандидатов. Назначение конкретного лица на ту или иную должность в органах государственной власти и органах местного самоуправления признается состоявшимся при условии, что он набрал более 50 процентов голосов (ст. 70).

Последствия несоблюдения крайних сроков

Во всех ситуациях, когда не соблюдаются рассмотренные временные отрезки, результаты выборов должны быть признаны недействительными. Именно поэтому законодатель с особой щепетильностью подходит к рассмотрению вопросов по поводу регулирования временных параметров избирательного и электорального процессов.

Ответственность за нарушение соответствующей отрасли законодательства выражается в том числе и некоторыми мерами принуждения в отношении виновных лиц. Это способ обеспечения общественного интереса в части реализации избирательных прав [8].

Закон гласит, что всякие нарушения в данном контексте могут быть наказаны посредством использования инструментов административного и уголовного законодательства. В ряде ситуаций к рассмотрению соответствующих дел требуется привлечь суд.

Выводы и заключения

На основании проведенного исследования можно утверждать, что крайние сроки — категория, которая необходима для избирательного процесса. Дело в том, что соответствующие временные отрезки фиксируют начало и конец периодов, отведенных для возникновения, реализации или прекращения избирательных прав.

Также стоит особо подчеркнуть, что крайние сроки регламентируют некоторые избирательные и электоральные действия как в части подготовки к их реализации, так и в плане сопровождения при активном претворении в жизнь соответствующих правомочий.

Список литературы

1. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв.: хрестоматия. М.: Весь мир, 2003.
2. Каутский К. Представительное правление. СПб. 1905.
3. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: Учебник. М.: Проспект, 2019.
4. Дамаскин О.В. Актуальные вопросы теории и практики избирательного процесса // Избирательное законодательство и выборы в регионах: теория и практика. М., 2005.
5. Памфилова Э.А. «Цифровой рывок». Элла Памфилова — о развитии избирательной системы в России // ЦИК России, 2021. URL: <http://www.cikrf.ru/news/сес/48675/> (дата обращения: 25.04.2024).
6. Гражданское право: Учебник / Под ред. С.П. Гришаева. М.: Юристъ, 1998.
7. Байханов У.Б., Магомадов Х.Х. Сроки в Российском избирательном праве: Общеправовой аспект // Международный научно-аналитический журнал «Евразийское пространство: Экономика, Право, Общество». 2024. № 3.
8. Матейкович М. Необходимо усовершенствовать механизм судебной защиты избирательных прав граждан // Российская юстиция. 2003. № 3.

В.И. ЗАХАРОВА
С.А. НОВАК

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Избирательные системы являются важнейшим фактором, влияющим на исход выборов и количество поданных голосов. В контексте избирательных систем именно различные способы подсчета голосов влияют на распределение мест и определение победителей. На базовом уровне избирательные системы преобразуют голоса, поданные на всеобщих выборах, в места, которые получают партии и кандидаты. Другими словами, применяемая избирательная система определяет состав политического пространства и, следовательно, то, как интересы общества представлены в государственных институтах. У каждой избирательной системы есть свои преимущества и недостатки.

Ключевые слова: оценка устойчивости, избирательная система, выборы.

ASSESSING THE STABILITY OF THE ELECTORAL SYSTEM: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstract. Electoral systems are the most important factor influencing the outcome of elections and the number of votes cast. In the context of electoral systems, it is the different ways in which votes are counted that affect the distribution of seats and the determination of winners. At a basic level, electoral systems convert votes cast in general elections into seats that parties and candidates receive. In other words, the electoral system used determines the composition of the political space and, consequently, how the interests of society are represented in state institutions. Each electoral system has its advantages and disadvantages.

Keywords: assessment of stability, electoral system, elections.

Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, состоявшиеся 19 сентября 2021 года, проходили по смешанной избирательной системе и интересны для исследования тем, что они изменили укоренившуюся структуру палаты парламента: восьмой созыв Государственной Думы имеет пять фракций. К существующим парламентским

ЗАХАРОВА Вера Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры парламентаризма и межпарламентского сотрудничества ИГСУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры государственного и муниципального управления РЭУ имени Г.В. Плеханова, г. Москва
НОВАК Сергей Александрович — магистрант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Москва

партиям — «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия — За правду» (которая прошла в Государственную Думу в новом объединенном формате) — добавилась партия «Новые люди», создавшая свою небольшую фракцию, что говорит о позитивной динамике в развитии демократических институтов выборов в нашей стране.

В эпоху глобализации технологические инновации способствуют изменениям избирательных систем. Дискуссия о том, какая из таких систем более демократичная, в современном мире продолжается практически в перманентном режиме.

Адам Сандл попытался осуществить анализ того, почему британская избирательная система не самая лучшая. Он считает, что существует множество других избирательных систем, которые более оптимальны. В рамках своей стажировки в Британском аналитическом центре Citizen Network Research¹ А. Сандл провел масштабный обзор избирательных систем при поддержке Дэйва Госуэлла и пришел к выводу, что избирательная система Великобритании — одна из наименее демократических систем по мировым стандартам, в то же время ее применяют некоторые бывшие британские колонии [1].

Парламент Великобритании в Вестминстере избирается по системе, которая обычно называется «победитель получает всё». По данной системе на одну должность могут баллотироваться несколько человек. Победа на выборах достается кандидату, набравшему большее количество голосов. Некоторые специалисты считают это лучшим способом организации выборов.

В большинстве государств мира пропорциональная избирательная система не применяется. Но есть несколько стран, в которых проживает значительная часть населения планеты (Индия, Пакистан, Бангладеш и др.), где предпочтение отдается данной системе.

Исходя из своего анализа избирательных систем, А. Сандл разделяет их на 7 групп:

1. *Пропорциональное представительство (PR)* — каждая партия составляет список потенциальных кандидатов для каждого многомандатного округа, а количество избранных из каждого списка лиц пропорционально количеству голосов².

¹ Citizen Network Research, ранее Центр реформы социального обеспечения (домен citizen-networks.org включен Федеральной налоговой службой России в реестр заблокированных сайтов), — аналитический центр в Шеффилде, который работает по всему миру и позиционирует себя как глобальное сообщество, стремящееся создать «мир, в котором каждый имеет значение». Основан в 2009 году; в 2022 году изменил свое название и опубликовал ряд материалов, предлагающих прогрессивные инновации в реформе социального обеспечения. Центр не связан с какой-либо конкретной политической партией.

² Существует множество различных форм пропорционального представительства, включая систему единого передаваемого голоса (ЕПГ). В определении пропорционального представительства объединены различные формы, которые может принимать PR (Чехия, Сербия, Швеция, Колумбия).

2. *Альтернативное голосование (AV)* — избиратели распределяют кандидатов в соответствии со своими предпочтениями³.

3. *Смешанная система*, также известная как система дополнительных членов (AMS), представляет собой избирательную систему, сочетающую пропорциональное и мажоритарное голосование⁴.

4. При *двухтуровой системе (2RS)* избиратели отмечают конкретного кандидата⁵, которого предпочитают лично.

5. *Параллельная система (PS)* — гибрид систем, который является «смесью» пропорциональной избирательной системы (FPTP) и пропорционального представительства (PR)⁶.

6. *Пропорциональная избирательная система (FPTP)* — избиратели выбирают местного кандидата, который обычно представляет определенную партию⁷.

7. *Партийное блочное голосование (PBV)* — избиратели голосуют одним голосом за список кандидатов⁸.

Для ранжирования этих систем британские исследователи использовали следующие четыре фактора:

представительство — баланс голосов действительно отражается в балансе мест в законодательной палате;

прочная связь с избирательным округом — в системе представлена местность, в которой проживают избиратели;

многопартийная система — система голосования, поощряющая реальный выбор между разными кандидатами;

мало потраченных впустую голосов — система обеспечивает максимальную ценность для всех голосов.

³ Если кандидат набирает более 50% голосов, он автоматически получает место. Если кандидат не набирает большинства голосов, то его соперник с наименьшим количеством голосов за первое предпочтение выбывает, а голоса за второе предпочтение распределяются между остальными кандидатами. Этот процесс продолжается до тех пор, пока один кандидат не получит более 50% голосов (Австралия).

⁴ В ней применяются два типа бюллетеней: один из них предназначен для голосования за членов местных советов, другой — за список кандидатов от политических партий (Германия, выборы в парламент Шотландии, выборы в Национальную ассамблею Уэльса).

⁵ Если кандидат получает не менее 50% голосов, то он побеждает на выборах. Если нет, то проводится второй тур голосования между двумя кандидатами, набравшими наибольшее количество голосов. Кандидат, получивший наибольшее количество голосов во втором туре, становится победителем (Франция).

⁶ Здесь в отличие от таких смешанных систем, как AMS, компонент PR в параллельной системе не компенсирует диспропорции в системе FPTP (Сенегал, Андорра).

⁷ Кандидат, набравший наибольшее количество голосов, становится членом правительства и формирует законодательное собрание штата (США, Великобритания, Индия).

⁸ Партия, набравшая наибольшее количество голосов, побеждает со всем списком кандидатов (Маврикий, Джибути).

* * *

Избирательная система играет основополагающую роль в формировании органов власти и определении политических предпочтений граждан. Устойчивость избирательной системы — важный фактор стабильности политической системы и обеспечения демократии. Она определяется способностью системы противостоять внешним и внутренним воздействиям, поддерживать свое функционирование и обеспечивать справедливость выборов. Ее можно рассматривать в трех основных аспектах:

Основные аспекты устойчивости избирательной системы

Институциональный аспект определяет стабильность институтов и процедур, обеспечивающих проведение выборов. Он включает правовые акты, регулирующие процесс голосования, и организационные структуры, ответственные за проведение выборов.

Функциональный аспект касается эффективности избирательной системы в избирательном процессе и оценивает ее способность обеспечивать прозрачность, справедливость и равенство голосования, а также предотвращать возможные нарушения и манипуляции.

Что касается *политического аспекта*, то он отражает степень влияния внешних и внутренних факторов на устойчивость избирательной системы, к которым относятся политическая культура, традиции, общественное мнение и восприятие гражданами избирательной системы.

* * *

Для оценки устойчивости избирательной системы используются различные методы и подходы, среди которых можно выделить следующие:

экспертные оценки — привлечение специалистов и экспертов для анализа состояния избирательной системы и выявления имеющихся проблем;

социологические исследования — опросы общественного мнения и анализ восприятия гражданами избирательной системы;

анализ статистических данных и результатов выборов — позволяет выявить тенденции и закономерности в ходе выборов;

сравнительный анализ — сравнение избирательной системы с аналогичными системами других стран для выявления общих тенденций и проблем.

Рассмотрим представленные методы и подходы более детально. Так, *анализ статистических данных и результатов выборов* предполагает сбор и обработку информации о результатах выборов, количестве избирателей и участников выборов, явке на избирательные участки. Такой подход помогает определить общие тенденции и закономерности в ходе выборов: *определяет популярные партии и кандидатов; помогает оценить уровень общественной поддержки.*

Экспертные оценки включают в себя анализ избирательных систем, проводимый специалистами в области права, политологии и социологии. Эксперты оценивают правовую базу, организацию выборов, работу избирательных комиссий и наблюдателей, указывают на проблемы и недостатки избирательной системы.

Социологические исследования проводятся путем опросов общественного мнения и анализа восприятия гражданами избирательной системы. Соответственно, они позволяют получить представление о мнении населения о функционировании избирательной системы, уровне доверия к ней, выявить основные проблемы и ожидания относительно выборов.

Сравнительный анализ предполагает сравнение избирательной системы с аналогичными системами, что дает возможность выявить общие тенденции и проблемы, существующие в избирательных системах разных стран, а также выявить успешные практики и подходы к решению этих проблем.

* * *

Оценка устойчивости избирательной системы является важным аспектом обеспечения стабильности политической системы и показателем ее демократичности. Для эффективного функционирования избирательной системы необходимо использовать различные методы и подходы, в том числе — анализировать статистические данные, проводить экспертные оценки и социологические исследования. Только комплексный подход позволит выявить проблемы и разработать меры по повышению устойчивости избирательной системы.

На устойчивость избирательной системы влияет *ряд факторов*, среди которых можно выделить следующие:

Факторы, влияющие на устойчивость избирательной системы достаточно разнообразны, в частности, *правовая база* предусматривает четкие и прозрачные законы, регулирующие проведение выборов. Эти законы должны быть стабильными и неизменными, чтобы обеспечить стабильность институтов и процедур, ответственных за выборы.

Политическая культура и традиции влияют на развитие демократических институтов и формирование политической жизни общества. В частности, высокий уровень политической культуры способствует стабильности избирательной системы, поскольку граждане лучше понимают систему и доверяют избирательному процессу.

Финансирование избирательной системы обеспечивает наличие достаточных финансовых ресурсов для проведения выборов и обеспечения их прозрачности. Недостаток финансирования может привести к коррупции, манипуляциям и снижению доверия к результатам выборов.

Организация и мониторинг выборов зависят от эффективности избирательных комиссий и наблюдателей. Они должны быть независимыми и беспристрастными, чтобы обеспечить справедливое и равное голосование.

Общественное мнение и восприятие избирательной системы отражают уровень доверия граждан к избирательной системе и результатам выборов. Если граждане доверяют избирательной системе, они с большей вероятностью примут участие в выборах и поддержат результаты.

* * *

Понятие устойчивости многогранно, а для достоверной оценки эффективности избирательной системы необходим комплексный анализ, включающий себя множество критериев. Например, устойчивость той или иной системы можно охарактеризовать как некую способность системы сохранять свою работоспособность и функциональность при изменении условий внешней среды и внутренних параметров. Это является одним из ключевых показателей эффективности любой системы. Для того чтобы система была устойчивой, у нее должна быть возможность использовать следующие принципы:

резервирование — наличие у системы запасных компонентов, которые могут заменить вышедшие из строя;

регулирование — возможности системы изменять свои параметры работы в зависимости от изменений параметров внешней среды;

мониторинг — умение системы контролировать свои параметры работы и вовремя определять признаки нарушения;

адаптация — присутствие у системы потенциала для того, чтобы приспособляться к изменениям внешней среды.

Устойчивость системы, опираясь на данные принципы, работает на обеспечение бесперебойного функционирования многих важных объектов, в том числе, и на проведение выборов и порядок формирования законодательных органов. Система должна быть готова к быстрому расширению и интеграции новых компонентов без значительного ущерба ее работоспособности и без необходимости перестройки ее основных элементов. Лишившись устойчивости, система может выйти из строя при малейших изменениях условий, а это может привести к серьезным последствиям и угрозам для жизни и здоровья людей.

Наиболее значимые факторы для устойчивости любой системы — ее обновление и модернизация. Это помогает поддерживать ее работоспособность на достаточном уровне и предотвращает устаревание ее элементов. Важным моментом для устойчивости любой избирательной системы является совершенствование законодательства, применение новых форм контроля за ходом проведения выборов, формированием и функционированием политической системы и так далее.

* * *

В разных сферах жизнедеятельности устойчивость имеет свое наполнение. В социальной сфере она означает продолжительное сохранение общественно значимых ценностей, стабильных социальных отношений, образа жизни

и благополучия. Устойчивость общества может зависеть от качества управления, экономического развития, культурных и межличностных контактов. Устойчивость системы образования зависит от успехов в противодействии влиянию массовых коммуникаций и изменяющимся требованиям обучения и воспитания.

Говоря об устойчивости и эффективности избирательных систем, следует отметить, что необходимо сочетать географические особенности избирательных систем и временные колебания электоральной поддержки, а также законодательные и социальные аспекты. Эффективность избирательных систем фокусируется в первую очередь на описании пространственных электоральных моделей, отслеживании причинно-следственных связей, которые объясняют, как различные социальные расслоения отражаются в пространственном представительстве на выборах. Устойчивость избирательных систем зависит от объединения электората вокруг сильного национального лидера, а также вокруг доминирующей партии, поддерживающей главу государства и объединяющей большинство региональных элит. В целом, устойчивость избирательной системы является ключевым показателем ее значимости и эффективности в любой стране, так как от этого зависит не только развитие, но и длительное существование государства.

В политической системе с доминирующей партией, как в России, по девиантности регионы делятся на две разные группы. Первая из них отличается лояльными отклонениями, характеризующими регионы с очень высоким уровнем поддержки правительства. В другой преобладают протестные отклонения, — здесь лояльность населения к оппозиции наиболее высока. В России до установления доминирующей партийной системы девиантные регионы оказывались либо наиболее пролиберальными, либо прокоммунистическими из-за чрезвычайно высокой поддержки той или иной партии [2, р. 355–380].

Отечественная избирательная система стала максимально открытой и прозрачной во многом из-за критики Запада. Как заявила глава ЦИК России Э.А. Памфилова на встрече с международными экспертами, для того, чтобы отвлечь внимание от «бревен» в своих глазах, некоторые западные наблюдатели выискивают «соринки» в организации и проведении российских выборов⁹.

Список литературы

1. Sundler A. Global Ranking of Electoral Systems // URL: <https://citizen-network.org/library/global-ranking-of-electoral-systems.html> (дата обращения: 03.03.2025)
2. Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia / C. Ross, P. Panov // *Regional & Federal Studies*. 2019. Т. 29. № 3.

⁹ Памфилова поблагодарила критиков российской избирательной системы // URL: <https://ria.ru/20230910/vybory-1895359595.html?ysclid=m8r11190br544972181> (дата обращения: 10.03.2025).

Я.К. ЧЕПЕНКО
П.А. БОГДАНОВА

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОТЗЫВА ДЕПУТАТОВ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. Статья анализирует современное состояние института отзыва депутатов, которые осуществляют свою деятельность на муниципальном уровне. Авторы акцентируют внимание на пробелах и коллизиях законодательства, препятствующих осуществлению процедуры отзыва депутатов. На примере Ленинградской области анализируется региональное законодательство о процедуре отзыва депутата.

Ключевые слова: отзыв депутата, демократия, муниципальный округ, избирательное право.

PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF RECALL OF DEPUTIES AT THE MUNICIPAL LEVEL

Abstract. The article analyzes the current state of the institution of recall of deputies who carry out their activities at the municipal level. The authors focus on the gaps and conflicts of legislation that hinder the implementation of the procedure for the recall of deputies. Using the example of the Leningrad Region, the authors analyze the regional legislation on the procedure for recalling a deputy.

Keywords: deputy's review, democracy, municipal district, electoral law.

Конституция Российской Федерации провозглашает народ единственным источником власти. На практике одним из вариантов реализации вышеупомянутого положения является процедура выборов депутатов на разных уровнях законодательной власти. То есть выборы депутатов в представительные органы муниципального образования — форма выражения народной власти. Однако здесь необходимо не упускать из виду право граждан на отзыв депутатов в соответствии нормами законодательства.

Правовой статус муниципальных депутатов регулируется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации, а также на местном уровне [1, с. 186]. Так, например, отзыв депутата муниципального звена

ЧЕПЕНКО Яна Константиновна — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры публичного права Государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург
БОГДАНОВА Полина Александровна — студент юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

по инициативе избирателей закреплён в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ), что является существенным отличием от института отзыва депутатов федерального уровня, где дискуссии о необходимости введения ответственности депутатов перед гражданами продолжаются до сих пор [2]. Представляется, что вышеуказанная норма нашла закрепление в российском законодательстве, поскольку депутаты муниципального звена выполняют свою работу, а также несут ответственность только в рамках муниципального округа и его жителей, в то время как депутаты федерального уровня отвечают перед всей страной.

В качестве ещё одной причины подобных отличий можно назвать подотчётность муниципальных депутатов более узкому кругу граждан — жителям муниципального образования. Соответственно, их работа, а также законы, принимаемые ими, могут в более короткий срок получить общественное одобрение или же недовольство. При этом важно отметить, что при осуществлении властных полномочий на местном уровне значение активности жителей района является существенным. «Деятельность депутатов представительного органа местного самоуправления может быть эффективной в том случае, если избиратели будут более требовательны и активны, а сам депутат будет более компетентен и коммуникабелен» [3, с. 8].

Основные положения ответственности депутатов местного уровня определены в главе 10 Федерального закона № 131-ФЗ. Более конкретные положения закреплённой на федеральном уровне процедуры конкретизируются на региональном и местном уровнях. На наш взгляд, конкретизация законодательства, касающаяся регламентации деятельности одной из ветвей власти, на «местах» имеет как свои достоинства, так и недостатки. Преимущества такой регламентации заключаются в возможности учета особенностей регионов, в частности, корректировки демографических показателей в случае выдвижения инициативы отзыва при наличии согласия определённого круга избирателей.

Однако на практике возникает множество вопросов по поводу целесообразности регулирования вопросов выражения власти народа на региональном и местных уровнях, так как каждый регион самостоятельно устанавливает основания и процедуры отзыва депутатов, тем более возможность на муниципальном уровне устанавливать правила отзыва даёт право полагать, что и в пределах одного субъекта основания отзыва депутатов могут быть разными. Нельзя не упомянуть факт, который является немаловажным недостатком анализируемого института: вопрос об отзыве имеет персонально-субъектный характер, что требует особых гарантий прав инициаторов отзыва

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

и отзываемого лица в ходе агитации. Такие гарантии не предусмотрены законодательством о местном референдуме, а это представляет собой проблему в применении нормативных положений на практике [4, с. 67].

* * *

Исходя из уровня правового регламентирования общественных отношений уставы российских муниципалитетов можно разделить на две группы: одни ограничиваются закреплением возможности отзыва, другие достаточно подробно определяют процедуру отзыва, дают характеристику форм документов [5, с. 98].

Так, Устав Свирьстройского городского поселения Лодейнопольского муниципального района Ленинградской области² предполагает следующие основания отзыва депутатов: невыполнение депутатских полномочий и нарушение федерального закона, областного закона, устава поселения, а также муниципальных актов поселения. При этом, соседний по административному делению Ленинградской области Волховский район, в своем Уставе³ закрепляет в подобном качестве лишь конкретные противоправные действия депутата, подкрепленные судебным решением. Сопоставление двух уставов одного субъекта наглядно демонстрирует, что право избирателей на отзыв депутатов муниципального уровня различаются даже в рамках одного субъекта.

Одним из препятствий осуществления права на отзыв депутата со стороны избирателей является норма федерального законодательства, определяющая случай, когда отзыв депутата не применяется. Федеральный закон № 131-ФЗ регламентирует: «Если все депутатские мандаты или часть депутатских мандатов в представительном органе муниципального образования замещаются депутатами, избранными в составе списков кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями, отзыв депутата не применяется» (ч. 2.1 ст. 24).

В целом представляется, что выборы по спискам на уровне муниципалитетов не имеют должной необходимости, поскольку, как выше было отмечено, именно депутаты местной власти имеют более тесные связи с населением. Исходя из этого, мы разделяем мнение А.Н. Станкина и М.С. Шайхуллина о необходимости проведения выборов в местное самоуправление через мажоритарную избирательную систему, поскольку «введение пропорциональной или смешанной избирательной системы отдаляет от населения местных депутатов и порождает безответственность последних» [6, с. 191]. Некоторые авторы выражают мнение о необходимости «упростить процедуру отзыва депутатов представительных органов

² Устав Свирьстройского городского поселения Лодейнопольского муниципального района Ленинградской области от 14.05.2009 № 186 // СПС «Гарант». Ст. 37.

³ Устав муниципального образования город Волхов Волховского муниципального района Ленинградской области от 26.05.2009 № 37 // СПС «Гарант». Ст. 3.

муниципальных образований и расширить перечень оснований, по которым их можно отозвать» [7, с. 224].

На наш взгляд, правильным решением законодателя было бы уточнение процедуры отзыва путем закрепления в федеральном законодательстве минимального порога, необходимого для отзыва депутата. Это могло бы быть гарантом обеспечения единообразия применения положений местных законов. Таким образом, каждый субъект, устанавливающий на своей территории дополнительные требования к процедуре отзыва, так или иначе руководствуется мнением половины своих избирателей, зарегистрированных в избирательном округе, которые должны проголосовать за отзыв.

Подтверждение вышеуказанной позиции заключается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2002 № 7-П: «Законодатель субъекта Российской Федерации, защищая такие конституционно-правовые ценности, как стабильность и непрерывность функционирования публичной власти, осуществляемой в том числе выборными органами местного самоуправления, обязан исходить из того, что за отзыв должно проголосовать по крайней мере не меньшее число граждан, чем то, которым отзываемое лицо было избрано, чтобы голосованием по отзыву не умалялось значение выявленного в ходе выборов волеизъявления избирателей и обеспечивалась охрана его результатов. Иначе создаются условия не только для произвольного, не основанного на действительной воле населения досрочного прекращения полномочий конкретных должностных лиц местного самоуправления, но и для сужения сферы действия представительной демократии, что может приводить (тем более в случае неназначения новых выборов) к нарушению баланса институтов народовластия и дестабилизации муниципальной власти»⁴.

Следовательно, немалое значение имеет и количество избирателей, голосовавших как за избрание депутата, так и за его отзыв. По официальной статистике, на прошедших выборах депутатов муниципальных районов явка в Лодейнопольском районе составила 36,73 процента (к слову, это самый высокий показатель по Ленинградской области на прошедших выборах)⁵. При этом законодательно закреплено, что за отзыв депутата должно проголосовать не менее половины зарегистрированных в избирательном округе граждан. Напрашивается вопрос: является ли справедливым такое неравенство между двумя формами прямой демократии? В данном случае представляется возможным пересмотреть положения Федерального закона

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ленобласть проголосовала // Правительство Ленинградской области. URL: <https://lenobl.ru/ru/dlya-smi/news/76260/> (дата обращения: 28.09.2024).

№ 131-ФЗ и установить иной порог, который позволит эффективно работать институту отзыва депутата.

Нельзя обойти и вопрос сроков, так как в уставах муниципальных образований наблюдается ненормальное «разнообразие» подходов, что нарушает принцип правовой определенности. Поскольку сам смысл процедуры отзыва депутата муниципального звена предполагает длительные временные затраты, возможна ситуация, когда инициаторы отзыва не укладываются во временные рамки, установленные уставом муниципального образования. Именно поэтому некоторыми экспертами поддерживается идея об установлении на федеральном уровне ограничений по минимальному отрезку времени, в течение которого возможно произвести процедуру отзыва [8, с. 192].

Таким образом, институт отзыва депутата муниципального уровня в Российской Федерации имеет множество пробелов, которые, на наш взгляд, должны решаться как на федеральном уровне путем изменения и принятия новых законодательных актов, так и на местном уровне в части совершенствования действующих уставов, — правотворческие органы муниципальных образований должны обеспечивать высокий уровень юридической техники издания правовых актов, в строгом соответствии с нормами федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации [9, с. 29].

К наиболее острым проблемам современного состояния института отзыва депутатов муниципального уровня можно отнести: различие в основаниях отзыва на территории страны, из-за чего граждане России изначально лишены равенства в голосовании по отзыву депутатов; количественный ценз, который не учитывает реально существующий процент явки населения на выборы. Как итог, граждане лишены возможности качественно и результативно выразить свою волю путем отзыва депутатов.

При нерешенности перечисленных проблем на муниципальном уровне, дискуссия о попытке внедрения такого института на федеральном уровне бессмысленна, поскольку сама идея о его введении должна являться стабилизирующим фактором, способным повысить уровень доверия граждан к органам государственной власти, а также наладить механизм обратной связи, так как, согласно Конституции Российской Федерации, народ является единственным источником власти в нашем государстве [10, с. 89].

Список литературы

1. Клевцов И.А., Шикова Е.Р., Дубровский Н.С. К вопросу о правовом статусе депутатов представительных органов муниципальных образований // Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023.
2. Гребенюк В.В. Отзыв депутата Государственной Думы как элемент системы народного представительства: проблемы и перспективы

- конституционно-правового регулирования в России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 1.
3. Ногайлиева М.Х., Чомаев Ш.Х. Регулирование выборов и правовой статус депутатов представительных органов местного самоуправления // Кронос. 2022. Т. 6. № 1(63).
 4. Макарецв А.А., Шерстобоев О.Н. Отзыв выборных лиц местного самоуправления: правовая регламентация и проблемы реализации // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1.
 5. Макарецв А.А. Институт отзыва на муниципальном уровне: проблемы правового регулирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 27–29 января 2022 года. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2022.
 6. Автономов А.С. Правовая онтология политики. М.: Инфограф, 1999.
 7. Николаева М.Д. Институт отзыва депутата представительного органа муниципального образования // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2022.
 8. Станкин А.Н., Шайхуллин М.С. Отзыв депутата представительного органа муниципального образования // Образование и право. 2023. № 6.
 9. Шайхуллин М.С. О некоторых вопросах юридической ответственности депутатов на муниципальном уровне // Инновационная наука. 2022. № 3–1.
 10. Ушаков Р.М. Институт отзыва депутата как мера конституционно-правовой ответственности: PRO ET CONTRA // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1.

Ф.В. НИТОЧКИН
В.А. ЧУМАКОВ

20 ЛЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Аннотация. В 2025 году отмечается двадцатилетие со дня создания Общественной палаты Российской Федерации и формирования ее первого состава. В статье делается попытка понять, состоялся ли этот высший организованный институт российского гражданского общества, выполняет ли он свое предназначение, имеет ли он перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: гражданское общество и участие, делиберативная и партиципаторная демократия, общественные палаты, общественные советы, общественный контроль, общественная экспертиза.

20th ANNIVERSARY OF THE CIVIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION: PAST, PRESENT, FUTURE

Abstract. In 2025, the twentieth anniversary of the creation of the Civic Chamber of the Russian Federation and the formation of its first composition is celebrated. The article attempts to understand whether this highest organized institution of Russian civil society has succeeded, whether it fulfills its purpose, and whether it has prospects for further development.

Keywords: civil society and participation, deliberative and participatory democracy, civic chambers, public councils, public control, public expertise.

Памяти первого и почетного секретаря
Общественной палаты Российской Федерации
Евгения Павловича Велихова (1935–2024)

В 2025 году исполняется 20 лет с момента принятия Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (далее — Закон). Представляется, что это достаточный срок для того, чтобы понять, состоялся ли тот или иной публичный орган или

НИТОЧКИН Федор Васильевич — ответственный секретарь Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по общественному контролю и работе с обращениями граждан, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва
ЧУМАКОВ Виталий Александрович — помощник руководителя ФКУ «Аппарат Общественной палаты России», кандидат политических наук, г. Москва

общественный институт; выполняет ли он свое предназначение; имеет ли он перспективы дальнейшего развития. Однако сделать это не так просто, — слишком много мифов, ошибочных представлений и несбывшихся ожиданий связывают с Общественной палатой Российской Федерации (далее — Общественная палата). Даже вопрос, что такое Общественная палата, может поставить обывателя в тупик.

С одной стороны, в статье 2 Закона ясно сказано, что Общественная палата обеспечивает согласование общественно значимых интересов граждан и государства путем выдвижения и поддержки гражданских инициатив, общественного контроля за властью, общественной экспертизы законопроектов и так далее¹. С другой — законодатель не дает определения Общественной палаты как таковой. Это порождает обилие трактовок, в которых их авторы исходят из собственной оценки автономности Общественной палаты от органов публичной власти, степени ее влияния на разработку и принятие тех или иных государственных решений.

Политологи, как правило, низко оценивают роль Общественной палаты в политико-правовой системе страны, считая ее «пятым колесом», квазине-зависимым придатком власти, фикцией, ширмой или муляжом гражданского общества, «дистиллированным обществом» и тому подобное. В профессиональной среде, несмотря на характерную для научной дискуссии большую взвешенность и политкорректность, также распространились пессимистичные представления об Общественной палате как о «смешанной общественно-государственной консультативной организации» [1, с. 32–36], «постоянно действующем консультативном коллегиальном совещательном органе» [2].

Если предположить, что Общественная палата есть орган гражданского общества, то мы должны признать, что гражданское общество в России все-таки определенным образом структурировано и иерархически организовано. В то же время, если Общественная палата является органом в системе властной организации, что также не соответствует действительности, то и не стоит ее выделять из массы временных и назначаемых «сверху» консультативных и совещательных институций, которые учреждались при органах власти всех уровней до ее появления и создаются по сей день. Однако федеральная общественная палата, как и региональные общественные палаты, — не «при власти». Это не властный орган или организация (она не имеет юридического лица), а особый институт гражданского общества, призванный обеспечивать взаимодействие граждан и государства.

* * *

Согласно общепризнанному определению, институты гражданского общества — это совокупность политически и экономически самостоятельных и независимых объединений людей, основанных на добровольном участии

¹ Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

для достижения общих целей в демократическом обществе, в том числе для участия в разработке, принятии и реализации управленческих решений [3]. Этому определению общественные палаты соответствуют ничуть не меньше, чем такие институты гражданского общества, как средства массовой информации, религиозные организации или адвокатура. Вернее было бы сказать, что не Общественная палата одна, а общественные палаты в совокупности (федеральная, региональные и муниципальные) и общественные советы при органах власти как организационная форма взаимодействия граждан и государства, обеспечивающая представительство общественных интересов, являются институтом гражданского общества.

Политическая независимость Общественной палаты определяется «сложносочиненной» процедурой ее формирования, в соответствии с которой 40 ее членов назначаются Президентом Российской Федерации, 89 — делегируются общественными палатами субъектов Федерации и еще 43 — избираются из числа общероссийских, межрегиональных и иных некоммерческих организаций в результате конкурсного отбора. При этом члены Общественной палаты обладают равными правами вне зависимости от того, по какой из трех квот они в нее прошли. Важнейшее условие политической независимости Общественной палаты, отличающее ее от коллегиальных и совещательных структур при органах публичной власти, — запрет на членство в ней для государственных и муниципальных служащих, а также лиц, замещающих государственные должности. Немаловажным фактором является также «свободный мандат» члена Общественной палаты, то есть невозможность его отозвать.

Экономическая независимость Общественной палаты обеспечивается тем, что ее члены работают на безвозмездной основе и не получают никакой материальной выгоды, а ее самостоятельность — коллегиальным способом принятия решений и отсутствием у нее какой-либо подотчетности перед любыми государственными ведомствами и должностными лицами. Даже Аппарат Общественной палаты не является органом исполнительной власти, а его сотрудники не состоят на государственной службе.

С 2006 года сменилось 8 составов Общественной палаты, через нее прошло порядка 2 тысяч общественников. Среди них академики Е.П. Велихов, Р.В. Петров, К.В. Фролов; космонавты А.А. Леонов, М.В. Сураев; деятели культуры и искусства И.А. Антонова, Д.Г. Гурцкая, А.Д. Дементьев, А.Б. Пугачева, К.Г. Шахназаров, З.К. Церетели; известные юристы О.Е. Кутафин, В.В. Гриб, А.Г. Кучерена, Г.М. Резник; журналисты и правозащитники А.С. Брод, А.Е. Гербер, П.Н. Гусев, Н.К. Сванидзе; представители бизнес-сообщества С.Р. Борисов, С.Н. Катырин, А.Н. Шохин; ректоры крупнейших высших учебных заведений Я.И. Кузьминов, М.А. Погосян, С.Ф. Багненко; лидеры традиционных конфессий митрополит Климент (Г.М. Капалин), лама Д.Б. Аюшеев, муфтий А.Р. Крганов, епископ С.В. Ряховский, раввин Берл Лазар; известные

врачи Л.А. Бокерия, В.А. Порханов, Л.М. Рошаль; спортсмены И.К. Роднина, И.А. Винер-Усманова, С.А. Карякин и многие другие.

Общественная палата, впервые объединив в своем составе руководителей крупнейших российских некоммерческих организаций, фактически стала высшим органом общественного представительства, политический вес которого основывался на их личном влиянии и энтузиазме, так как никаких особых полномочий ни тогда, ни сейчас членство в Общественной палате не предполагает. Для власти же присутствие лидеров общественного мнения в одной структуре безусловно облегчало осуществление контроля за общественными инициативами и обратной связи с некоммерческим сектором.

В то же время далеко не все члены Общественной палаты смогли реализовать себя в новой организации: кто-то так и не понял, зачем туда попал, отбывая в ней «номер». Значительная часть, напротив, смогла использовать ее как «карьерный лифт», перейдя на более значимую и престижную работу. Так, выходцы из Общественной палаты в разные годы становились уполномоченными при Президенте Российской Федерации по правам ребенка (П.А. Астахов, М.А. Львова-Белова) и по защите прав предпринимателей (Б.Ю. Титов), советниками главы государства (В.И. Толстой, Е.Л. Юрьев), членами ЦИК России (П.В. Андреев, И.Н. Федоров, А.Ю. Шутов), многие избраны депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, губернаторами субъектов Российской Федерации.

Относительно небольшое число членов Общественной палаты искренне и безвозмездно делились своим опытом, авторитетом, профессиональными знаниями с новым институтом гражданского общества. И это несмотря на то, что потраченные усилия, личное время и риск «ссоры с начальством» значительно перевешивали возможные преимущества в виде оплачиваемых командировок и «туманных» карьерных перспектив. Впрочем, конфликты с властью случались у Общественной палаты неоднократно. Чего стоит одно только противостояние детского доктора Л.М. Рошалья и министра здравоохранения и социального развития М.Ю. Зурабова, в результате которого министерство было разделено на две части, а министр покинул свой пост².

Секретарь Общественной палаты первых четырех составов, являвшийся ее почетным секретарем вплоть до своей кончины, Е.П. Велихов говорил: «Наверное, кто-то из чиновников и в самом деле мечтает, чтобы Общественная палата стала департаментом по связям с общественностью Думы, Правительства или Администрации Президента. Но люди, собравшиеся в Палате, достаточно независимы и слишком дорожат своей репутацией, для того чтобы менять ее на „похлебку“. Да, кроме того, и „похлебки“ нам

² Михаила Зурабова хотят лишить здоровья. Общественная палата предлагает разделить Минздрав и соцразвитие // Коммерсантъ. 2006. 2 октября. № 183/П.

никто не предлагает: зарплату не получаем, напротив — сплошной ущерб для финансов и карьеры»³.

Общественная палата с 2006 по 2014 год — это даже не институт и не учреждение, это прежде всего собрание выдающихся людей, благодаря личным усилиям которых удалось запустить процессы, приведшие к созданию институциональной среды для суверенного развития всего гражданского общества. Этот период, пользуясь терминологией К. Ясперса, можно назвать своеобразным «осевым временем» [4] для российского гражданского общества — этапом значительных институциональных изменений и выбора путей дальнейшего развития. В это время при самом активном участии Общественной палаты были приняты ключевые нормативные правовые акты, так или иначе затрагивающие вопросы ее развития. В результате в нашей стране появились новые возможности поддержки социально ориентированных организаций⁴, их участия в социальном обслуживании граждан в качестве независимых поставщиков социальных услуг⁵, обеспечения открытости федеральных органов исполнительной власти⁶, независимой оценки качества условий оказания государственных и муниципальных услуг⁷, общественного контроля⁸, обеспечения прав человека в местах принудительного содержания⁹, рассмотрения общественных инициатив граждан¹⁰. В разработке всех этих законодательных инициатив и в их реализации ключевая роль была отведена Общественной палате — она фактически создала инфраструктуру современного российского гражданского общества. Была сформирована система общественных палат субъектов Российской Федерации¹¹, общественных

³ «Дистиллированное гражданское общество»: зачем власти нужна Общественная палата // МК.ру. 2022. 1 октября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/10/01/distillirovannoe-grazhdanskoe-obshchestvo-zachem-vlasti-nuzhna-obshhestvennaya-palata.html> (дата обращения: 14.01.2025).

⁴ Федеральный закон от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» // СЗ РФ. 2010. № 15. Ст. 1736.

⁵ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 52. Ст. 7007.

⁶ Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

⁷ Федеральный закон от 05.12.2017 № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» // СЗ РФ. 2017. № 50. Ст. 7563.

⁸ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4213.

⁹ Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса „Российская общественная инициатива“» // СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

¹¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3852.

советов при органах исполнительной власти¹², общественных наблюдательных комиссий в местах принудительного содержания, общественной экспертизы законопроектов и иных НПА¹³.

В 2006 году состоялся первый конкурс президентских грантов на развитие институтов гражданского общества, оператором которого также выступила Общественная палата. Тогда же она вступила в Международную ассоциацию экономических и социальных советов и схожих институтов (МАЭСССИ), а в 2013 году возглавила ее благодаря дипломатическому таланту Е.П. Велихова как всемирно известного ученого и выдающегося общественного деятеля.

Председатель Комиссии по вопросам развития культуры Общественной палаты первого состава А.А. Калягин так определил открывшееся тогда окно возможностей: «Нас 126 человек, все состоявшиеся, лично для себя никому ничего не нужно. Все работают действительно на благо общества и могут усилить общественные импульсы до такой степени, когда не заметить их уже невозможно»¹⁴.

Готовность членов Общественной палаты первых составов стать рупором гражданского общества и арбитром социальных конфликтов вылилась в ряд резонансных дискуссий. Общественная палата стала центром общественно-государственного диалога вокруг нарушений устава в армии («дедовщины») в связи с так называемым «делом рядового Сычева»; межнациональных отношений и миграции по следам межэтнического конфликта и погромов в карельском городе Кондопога; долевого строительства жилья в контексте проблем обманутых дольщиков; экологических проблем применительно к планам строительства трубопровода около озера Байкал.

Об интересе к новому институту гражданского общества свидетельствует порядка 54 тысяч обращений граждан, поступивших за первые два года работы, — результат, так и непревзойденный в последующих составах. Выявляемые в ходе рассмотрения обращений граждан, выездных мероприятий, общественных проверок, общения с пострадавшими заявителями и другой работы «в полях» системные проблемы становились основанием для проведения пленарных заседаний Общественной палаты, которые в то время проходили при большом интересе средств массовой информации.

В большинстве случаев Общественная палата выступала в защиту прав граждан, но это не мешало политической оппозиции критиковать ее членов

¹² Указ Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» // СЗ РФ. 2006. № 32. Ст. 3539.

¹³ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (принят постановлением Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-III ГД).

¹⁴ О судьбе демократии в России // HISTORICA: форум сайта. 10 октября 2008. URL: <https://historica.ru/threads/o-sudbe-demokratii-v-rossii.4204/page-20> (дата обращения: 14.01.2025).

за лояльность и соглашательство с властью. Например, российский оппозиционный общественный деятель, а ныне иностранный агент Л.А. Пономарев заявлял, что «правозащитникам в Общественную палату идти нельзя, а попавшие туда представители благотворительных и социальных организаций могут заняться разложением ее изнутри» [5].

В точном следовании этому призыву находилось стремление оппозиции выдать медиацию социальных конфликтов за профанацию общественно-государственного диалога. Якобы Общественная палата не нацелена на решение проблем, а работает как «парвсвисток» для снижения градуса общественного напряжения и недовольства. Стремление Общественной палаты выработать общие правила для функционирования некоммерческого сектора выдавалось комментаторами за попытку его «зарегулировать», лишить самостоятельности и свободы.

Эволюция, которую претерпела идея создания в России общенационального института, который взял бы на себя функции диалога и партнерства власти и гражданского общества, хорошо видна при сравнении Общественной палаты, созданной в 2005 году, и I Гражданского форума, состоявшегося в Кремле в 2001 году. Инициаторы и многие участники этого первого в своем роде форума, среди которых были такие непримиримые диссиденты, как глава Московской Хельсинкской группы Л.М. Алексеева, исходили из того, что гражданское общество не может быть сформировано по инициативе власти. Подтверждение этой позиции они услышали из уст самого Президента России, который на открытии форума поспешил уверить их, что разделяет такую точку зрения: «Более того, я считаю абсолютно непродуктивным, практически невозможным и даже опасным пытаться создавать гражданское общество „сверху“, его вообще невозможно создать „по указке“»¹⁵. Однако, как показала развернувшаяся на форуме, в его кулуарах и прессе дискуссия, идея В.В. Путина не была воспринята правильно и рассматривалась как проявление слабости власти. В конечном счете, как справедливо отмечал участник форума и впоследствии член Общественной палаты С.А. Абакумов, рука, протянутая властью участникам Гражданского форума, «повисла в воздухе без ответного крепкого рукопожатия...»¹⁶. Представляется, что тогда российская либеральная оппозиция потеряла шанс на конструктивное сотрудничество с властью в деле построения российского гражданского общества.

Возвращаясь к становлению Общественной палаты, стоит оговориться, что претензии к ней со стороны либеральной общественности далеко не всегда были разумны и конструктивны. Вместо того чтобы видеть в ней союзника в борьбе за гражданские права, оппозиция обрушивалась

¹⁵ Выступление Президента Российской Федерации на открытии Гражданского форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21408> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁶ От Гражданского Форума до создания Общественной Палаты РФ (2001–2005 гг.) / Абакумов С.А.; Независимая орг. «Гражд. общ-во» [и др.]. М.: Галерея, 2005. 342 с.

на нее с критикой. Вместе с тем, несмотря на распространенную точку зрения, развитое гражданское общество не должно противостоять государству, — и так обстоят дела не только в России. Напротив, и в российской «суверенной демократии» [5], и при «немецком социальном государстве», «шведском социализме», «французских свободе, равенстве и братстве» и других моделях народовластия, основанных на романо-германской доктрине права, за государством признается основополагающая, иницирующая роль в формировании институтов гражданского общества. Они создаются и видоизменяются не на основе умозрительного «общественного договора», а по инициативе и при непосредственном участии государства, которое формирует для этого благоприятные условия и среду. При этом важнейшими ценностями являются взаимное доверие между государством и обществом, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей граждан, социальное партнерство, согласование общественно значимых интересов, экономическая, политическая и социальная солидарность. Все эти традиционные ценности, на которых строилось и строится российская государственность, в 2020 году нашли свое отражение в поправках к Конституции Российской Федерации¹⁷.

Одним из распространенных представлений о причинах недостаточной эффективности функционирования Общественной палаты как института гражданского общества является мнение о якобы отсутствии у нее властных полномочий. Рекомендации, заключения и иные документы Палаты действительно носят декларативный характер и не являются обязательными к исполнению органами власти. В теории государства и права полномочие понимается как право и обязанность субъекта юридических отношений действовать в их конкретной сфере в течение определенного срока и способом, предусмотренным действующим законодательством [6]. Императивов, имеющих непосредственные правовые последствия в виде конкретных обязанностей для органов власти, у Общественной палаты не так много. В связи с этим неоднократно высказывались предложения наделить Общественную палату правом законодательной инициативы [7, с. 55] (в том числе при продвижении инициатив граждан, поданных с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»); предоставить право на обращение в суд в защиту неопределенного круга лиц¹⁸; обеспечить ей эфирное время на федеральных каналах для обсуждения социально значимых проблем¹⁹; установить устойчивую деятельность

¹⁷ Ст. 75.1 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

¹⁸ ОП РФ просит права на обращение в суд // Адвокатская газета. 2017. 21 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/op-rf-prosit-prava-na-obrashchenie-v-sud/> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁹ Дебаты для народа: Общественная палата просит час эфирного времени на федеральных каналах // RT. 2016. 6 декабря. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/339185-chas-televideniye-obschestvo-problemy?ysclid=m5xlqriex8733306119> (дата обращения: 14.01.2025).

региональных общественных палат за счет местных бюджетов²⁰; ввести ответственность органов власти за игнорирование итоговых документов общественного контроля [8].

К сожалению, эти важные и своевременные предложения до сих пор не были реализованы. Однако у Общественной палаты и без того имеется широкий арсенал средств, относящийся к категориям «мягкого права» и «мягкой силы», то есть к совокупности правил поведения (принципов, критериев, стандартов), которые, хотя и носят рекомендательный характер и не санкционированы публичной властью, все же признаются авторитетными в определенных сферах. Общественный контроль, общественная экспертиза, публичная дипломатия при должном отношении к этим политико-правовым инструментам могут стать мощным оружием «мягкого права» в борьбе с коррупцией, злоупотреблениями и нарушениями прав человека, способствовать развитию правовой культуры граждан.

Общественная палата — не исключительно российское изобретение. Ее создатели в России опирались на широко распространенный мировой опыт представительства общественности в экономических, экологических и социальных советах и схожих институтах (такие структуры есть более чем в 75 странах мира на 4 континентах). Многие видят в ней апелляцию к отечественной традиции вечевой соборности: народных сходов, соборов, съездов, то есть исторически укорененных и идейно более близких нам, чем западная партийная политическая система. Вне зависимости от того, так ли это, концепция Общественной палаты имеет под собой и другое глубокое теоретическое обоснование. Институционализация гражданского общества в России связана с концепцией делиберативной демократии (от лат. *deliberatio* — обсуждение, размышление) или партиципаторной демократии (от англ. *participation* — участие), которая стала реакцией на общемировой кризис представительной демократии [9, с. 26–39].

Последний вызван растущей обособленностью элит и отчуждением граждан от реальных механизмов принятия политических решений [10]. Граждане перестают быть субъектами политики и превращаются в ее объект: в заявителей, потребителей, пользователей и электорат. В то же время вместе с ростом политической сознательности и правовой культуры они все более заявляют о своем праве на допуск к обсуждению вопросов, прямо или косвенно затрагивающих их законные права и интересы. Кризис представительной демократии, затронувший и Россию, «непроизвольно» подметил председатель Государственной Думы четвертого и пятого созывов (2003–2011 гг.) Б.В. Грызлов, когда объявил, что «Дума — не место для дискуссий». Здесь закономерен вопрос: если Государственная Дума не место для дискуссий, то где их место? Таким местом была «невольнойно»

²⁰ ОП РФ предлагает законодательно обязать все регионы финансировать работу местных палат // ТАСС. 2019. 9 декабря. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7295925?ysclid=m5xmutdvrs834621238> (дата обращения: 14.01.2025).

определена Общественная палата, что стало важным шагом на пути к де-либеративной демократии в нашей стране.

* * *

Следующий этап в деятельности Общественной палаты, начавшийся с 2014 года и продолжающийся по сей день, знаменуется, с одной стороны, реализацией идей и возможностей, заложенных в предыдущий период, а с другой — постепенным устареванием привычных для нее каналов общественно-государственного диалога. Общественная палата претерпела изменения как в персональном составе, так и в своей роли по поддержанию социального равновесия. У нее появилось много «конкурентов», которые успешно воспользовались созданными ею инструментами, методами и формами работы, постепенно отодвинув ее на второстепенные роли общественно-политической жизни страны.

Общероссийский народный фронт, созданный в 2011 году, возглавил работу по контролю за исполнением указов и поручений Президента России, борьбу с коррупцией и расточительством, неэффективными тратами бюджетных средств. Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов с того же года определяет ключевые направления поддержки не только технологического сектора, но и инноваций в социальной сфере. «Открытое правительство», действующее с 2012 года, инициировало продвижение принципов прозрачности, открытости и подотчетности в деятельности органов публичной власти. Фонд президентских грантов, пришедший в 2017 году на смену отдельным грантооператорам, создал крупнейшую государственную систему финансовой поддержки и повышения устойчивости функционирования некоммерческого сектора. Совет при Правительстве Российской Федерации по вопросам попечительства в социальной сфере с 2012 года объединяет видных представителей гражданского общества, работающих в области социальной защиты населения. Платформа «Россия — страна возможностей», созданная в 2018 году, стала ведущей организацией для кадрового роста и развития управленческих навыков. В условиях диверсификации общественного сектора Общественная палата вынуждена была снова «искать себя», оправдывать свое существование в изобретении новых форматов работы.

При втором секретаре Общественной палаты — предпринимателе А.В. Бречалове (2014–2017 гг.) — произошло объединение в одной фигуре позиций руководителя Общественной палаты и сопредседателя центрального штаба Общероссийского народного фронта, что формально должно было усилить роль обеих площадок. Претензии на повышение статуса главного института российского гражданского общества были сразу заявлены новым руководством и выразились в серии открытых диалогов с властью.

Президент Российской Федерации ежегодно встречался в Кремле с членами Общественной палаты. В проектах «Час с министром» и «Диалог

с прокурором», организованных Общественной палатой и построенных в формате «вопрос-ответ», в 2016–2017 годах приняли участие руководители почти всех социальных ведомств и Генеральной прокуратуры. Однако одной из значительных проблем для Палаты было несоответствие заявленного ей статуса и реальных полномочий. Это самым непосредственным образом сказывалось на эффективности решения конкретных проблем граждан.

К примеру, проблему добросовестных собственников жилья, которые лишались своих квартир по искам государственных органов в связи с тем, что прежними собственниками ранее они были неправомерно изъяты (попросту украдены) из государственной собственности, Палата так и не могла решить несмотря на значительные усилия заместителя секретаря, профессионального правозащитника А.И. Музыкантского. Это лишь в некоторой степени удалось сделать с привлечением правоохранительных органов, парламентариев и внимания Президента.

Одновременно с А.В. Бречаловым в Общественную палату пришли малоизвестные широкой публике, но полные энтузиазма молодые активисты, которые должны были оживить общественно-политический ландшафт, привнести в ее работу напряжение и «драйв». Лидерами медийной активности среди членов Общественной палаты прежде всего за счет ярких акций и проектов, резких и громких высказываний стали: глава общественного движения «СтопХам» Д.А. Чугунов; руководитель общественного движения «Трезвая Россия» Б.С. Хамзаев; руководитель организации «Офицеры России» А.В. Цветков; чемпион высшей лиги КВН С.А. Тарбаев; активист «Молодой гвардии Единой России» П.А. Сычев.

Новые формы «активности» членов Общественной палаты вызвали живой интерес у средств массовой информации и непонимание со стороны чиновников. Так, Д.А. Чугунов начал свою работу в Общественной палате с того, что пронес муляжи гранаты Ф-1 («лимонка») и автомата АК-47 «Калашников» через систему безопасности Московского метрополитена, Павелецкого и Ленинградского вокзалов, тем самым выявив серьезные недостатки в работе служб безопасности²¹. Б.С. Хамзаев организовывал «антиалкогольные» рейды активистов движения «Трезвая Россия» по так называемым «наливайкам», сопровождавшиеся драками с продавцами и покупателями. П.А. Сычев заказывал онлайн-доставку сыров и мясных деликатесов из Европы на слушания в Общественную палату, продемонстрировав неэффективность российской санкционной политики²². Активисты движения «Офицеры России», возглавляемого А.В. Цветковым, блокировали фотовыставку «Джон Стердженс. Без смущения», проходившую в Центре

²¹ Член Общественной палаты трижды пронес гранату на Ленинградский вокзал // Вести.ру. 2014. 6 августа. URL: <https://www.vesti.ru/article/1799036> (дата обращения: 14.01.2025).

²² СМИ: ОП попросила пресечь торговлю санкционными продуктами в интернете // РИА Новости. 2015. 27 февраля. URL: <https://ria.ru/20150227/1049896380.html> (дата обращения: 14.01.2025).

фотографии имени братьев Люмьер в Москве, обвиняя ее авторов в пропаганде педофилии²³.

Таким незамысловатым образом на площадке Общественной палаты отрабатывалась известная «теория малых дел» — довольно популярная в России с 80-х годов XIX века в кругах народovolьческой интеллигенции, которая, разочаровавшись в возможности в одночасье путем революции изменить жизнь в стране в лучшую сторону, как тогда говорили, «пошла в народ». Земские врачи, учителя, агрономы старались улучшить и облегчить жизнь простого народа. Современное прочтение их деятельности выразилось в поддержке «низовой» гражданской активности: ТОСы, благоустройство, вывоз мусора и другие вопросы были взяты на вооружение Общественной палатой. «Лыжи мечты», «купи дрова», «самая красивая деревня» — все эти микропроекты поддерживались ею финансово, организационно, а также путем предоставления трибуны для местных активистов.

В 2015 году члены Общественной палаты со стажем обнаружили, что первый день двухдневного пленарного заседания был отдан «на откуп» представителям малоизвестных НКО для презентации своих проектов. Такой подход к «теории малых дел» далеко не всеми был воспринят благосклонно. Общественные палаты из института гражданского общества фактически превращались в «площадку для общения», из активного субъекта общественно-политического диалога — в инфраструктуру («сервис») для презентации проектов гражданских активистов. А члены Общественной палаты становились «модераторами» дискуссий, менторами и наставниками для активистов. Тогда же в субъектах Федерации стал проводиться форум «Сообщество», который позиционировался как площадка для встречи инициативных, равнодушных граждан и региональных властей, — «Форум для тех, кто действует». Одновременно он был попыткой возглавить и направить в конструктивное русло протестную активность «рассерженных горожан». Форумы начинались как серьезный «стресс-тест» для местных чиновников, вынужденных угадывать возможный ход дискуссии и заблаговременно улаживать имеющиеся в регионах конфликты.

Общественная палата перезапустила систему общественной экспертизы, сделав ставку на «нулевое чтение» законопроектов, то есть их рассмотрение на общественных слушаниях до внесения в Государственную Думу. Тем самым она стремилась компенсировать отсутствие у нее права законодательной инициативы, «самовольно» вторгаясь в отлаженный механизм отраслевого лоббирования. Законопроекты «О полиции», «О беби-боксах», «О продаже пива на АЗС», «О территориях опережающего развития», «О налоговых каникулах» и многие другие резонансные документы прошли обсуждение на площадке Общественной палаты, получили ее заключение и были направлены

²³ «Офицеры России» изменили мнение насчет скандальной выставки Стерджеса // BFM.ru. 2016. 28 сентября. URL: <https://www.bfm.ru/news/334726> (дата обращения: 14.01.2025).

в Государственную Думу. Однако в дальнейшем судьба большинства таких заключений (за исключением факта обязательного размещения в системе обеспечения законодательной деятельности — СОЗД) остается невыясненной. Одним из существенных недостатков полномочия общественной экспертизы является отсутствие оценки эффективности и результативности этой работы.

Одновременно с этим была запущена работа по созданию в регионах параллельной ветви общественного «активизма». «Не секрет, что во многих регионах общественные палаты — это декорации. Общественники по большей части назначаются, а не становятся ими вследствие своего влияния и тех своих проектов, которые реализуют»²⁴, — считал А.В. Бречалов. Сознательное дистанцирование нового руководства Общественной палаты от прежних каналов взаимодействия с региональными властями в виде региональных палат и общественных советов определялось несколькими причинами. Это было связано с признанием работы «карманного» гражданского общества неэффективной и попыткой создать систему «социальных лифтов» для молодых активистов, нового независимого от власти сообщества граждан. Они, заручившись поддержкой Общественной палаты, в том числе, оказываемой им в рамках флагманского проекта «Перспектива», должны были приходить в органы исполнительной и законодательной власти на муниципальном, региональном и федеральном уровне. Тем самым Общественная палата того времени предвосхитила появление таких программ подготовки резерва управленческих кадров, как Высшая школа государственного управления РАНХиГС («Школа губернаторов»), конкурс «Лидеры России» и программа развития для участников СВО «Время героев».

Поиск возможностей вернуть Общественную палату в общенациональную «повестку» продолжил в 2017–2019 годах следующий секретарь Общественной палаты — журналист и обозреватель В.А. Фадеев. В качестве приоритета для нее он определил рассмотрение «острых, злободневных и порой судьбоносных вопросов развития России»²⁵. Действительно, Общественная палата в составе стала площадкой для обсуждения пенсионной реформы, стратегии пространственного развития, прогрессивного налогообложения, цифровизации и дистанционного образования и, наконец, поправок к Конституции.

Последние не только обсуждались, но и формировались с участием Общественной палаты. В ней работала специальная группа, которая анализировала и обобщала поступающие со всей страны предложения, возражения, конкретные формулировки. По итогам этой работы Общественная палата направила в Государственную Думу ко второму чтению 18 конкретных поправок, большинство из которых были учтены.

²⁴ Бречалов: многие региональные общественные палаты — декорации // ТАСС. 2015. 29 мая. URL: <https://tass.ru/politika/2004609> (дата обращения: 14.01.2025).

²⁵ Общественную палату возглавил журналист Валерий Фадеев // РИА Новости. 2017. 19 июня. URL: <https://ria.ru/20170619/1496798300.html> (дата обращения: 14.01.2025).

Членам Палаты нравилась причастность к «большим задачам и грандиозным свершениям». Снова показалось, что они могут принять участие в поиске ответов на вопрос, за счет каких ресурсов Россия должна совершить рывок в развитии, и предложить свои пути реализации нацпроектов, «мусорной реформы», развития Дальнего Востока и другие. Однако одной из самых ярких и запоминающихся инициатив Общественной палаты в это время стал «выставочный» проект по наименованию аэропортов именами выдающихся соотечественников на основании выбора жителей регионов.

Конечно, голос Общественной палаты при обсуждении сложных вопросов не был решающим, она не так смело и однозначно, как раньше, становилась на позицию граждан, однако по-прежнему видела свою силу именно в поддержке народа, а не в дополнительных полномочиях. «Сила государства — в законе, а сила народа — во мнении. Вот там, на стороне народа, место Общественной палаты»²⁶, — называл вещи своими именами В.А. Фадеев. Таким образом, он подытожил длительную дискуссию о возможности наделения Общественной палаты правом законодательной инициативы.

Для выявления «мнения народа» о волнующих граждан проблемах, или так называемой «народной повестки», а также медиации социальных конфликтов Общественная палата провела в 2018 году в регионах России серию круглых столов под общим названием «#ЧТОНЕТАК»²⁷. В дальнейшем этот проект не получил развития.

Не увенчалась успехом очередная попытка повысить независимость региональных общественных палат, установив для них устойчивое финансирование не ниже 5 процентов от уровня бюджетного финансирования законодательных собраний субъектов Российской Федерации²⁸. Сложно продвигалось реформатирование работы общественных советов, которые «шли на поводу у министерств», а должны были «отстаивать народную повестку» [8]. В какой-то момент Фадеев даже предложил расформировать общественный совет при Росавиации из-за его неэффективности. Поводом стала ситуация с авиакомпанией «ВИМ-Авиа», которая прекратила полеты из-за финансовых проблем, оставив за рубежом почти 40 тысяч пассажиров²⁹.

Наиболее успешными стали те проекты Палаты, где интересы социума и власти полностью совпадали, а государство видело в обществе равного партнера. Примером такого взаимодействия стала созданная после выборов

²⁶ Валерий Фадеев объяснил, в чем сила Общественной палаты России // Парламентская газета. 2020. 19 июня. URL: <https://www.pnp.ru/social/valeriy-fadeev-obyasnil-v-chyom-sila-obshhestvennoy-palaty-rossii.html> (дата обращения: 14.01.2025).

²⁷ #ЧТОНЕТАК: результаты региональных исследований диалога // Центр прикладных исследовательских программ. 2018. 12 июня. URL: <http://www.prisp.ru/analytics/750-htonetak-analytics>. (дата обращения: 14.01.2025).

²⁸ Проблему финансирования общественных палат обещают решить в течение года // Агентство социальной информации. 2018. 16 апреля. URL: <https://asi.org.ru/news/2018/04/16/problemu-finansirovaniya-obshhestvennyh-palat-obeshhayut-reshit-v-techenie-goda/> (дата обращения: 14.01.2025).

²⁹ ОП РФ рекомендует распустить Общественный совет при Росавиации // РАПСИ. 2017. 6 октября. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20171006/280413248.html (дата обращения: 14.01.2025).

Президента в 2018 году система общественного наблюдения за голосованием на выборах. В сфере общественного контроля за выборами Общественной палате удалось полностью перехватить повестку у политической оппозиции и финансируемых из-за рубежа общественных организаций, признанных иностранными агентами, в частности таких, как Ассоциация «Голос». Последние еще в 2012 году, казалось бы, торжествовали победу над властью, сумев мобилизовать сотни тысяч россиян на протесты против «массовых фальсификаций» выборов. Созданная на базе Общественной палаты и общественных палат субъектов Федерации система независимого общественного мониторинга помогла вернуть выборам доверие народа и легитимность.

* * *

Надежды на профессионализацию работы Общественной палаты связывают с приходом в 2019 году на пост секретаря Общественной палаты опытного юриста-цивилиста Л.Ю. Михеевой. «Нулевые чтения» законопроектов, мониторинг правоприменения, рассмотрение обращений граждан, общественный контроль за деятельностью власти традиционно и уже «буднично» были объявлены приоритетами Общественной палаты.

Однако жизнь, как это всегда бывает, вносит свои коррективы даже в самые надежные планы. Пандемия COVID-19 в 2020 году и особенно начало СВО в 2022 году существенным образом изменили российский третий сектор, сделав его более патриотичным и сплоченным. Голосом новой правды неожиданно для многих стали военкоры, а важнейшей заботой гражданского общества — помощь фронту: стихийное волонтерское движение освоило шитье маскировочных сетей, изготовление блиндажных свечей и даже производство дронов с помощью так называемого «народного» ВПК.

Общественная палата не стоит в стороне от важнейшего события современности, помогая участникам СВО отстаивать право на социальное обеспечение³⁰, собирает доказательства военных преступлений украинских вооруженных сил³¹, способствует преодолению последствий международной изоляции и «культуры отмены»³² (несмотря на протесты западников в 2021–2023 гг., она как ключевой донор вновь председательствовала в МАЭСССИ). Очередной состав Общественной палаты пополнился представителями новых регионов и «новой элиты» России, а также патриотической общественности.

Таким образом, можно констатировать, что за истекшие 20 лет Общественная палата приобрела черты своеобразного «института развития»

³⁰ Правовая помощь участникам специальной военной операции и их семьям // ОП РФ. URL: https://opr.ru/detail_project/52 (дата обращения: 14.01.2025).

³¹ Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников // ОП РФ. URL: https://opr.ru/detail_project/36 (дата обращения: 14.01.2025).

³² В Общественной палате РФ состоялась международная конференция «Современная русофобия: „культура отмены“ как тоталитарный культ» // Рамблер/новости. 2023. 14 сентября. URL: https://news.rambler.ru/science/51419643/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.01.2025).

российского гражданского общества. И сегодня она остается в центре его магистральных трансформаций, включая процессы институционализации, суверенизации и консолидации.

Представляется, что потенциал Общественной палаты в решении системных задач, стоящих перед нашей страной, далеко не исчерпан. Основной угрозой для демократии и ценностей гражданского общества нам видится распространение бездушных практик сервисного и клиентоориентированного государства. Эта концепция подразумевает модель общественно-государственных отношений, в которых гражданин выступает в качестве клиента, благополучателя или пользователя государственных и муниципальных услуг, а государство — в качестве предельно обезличенного и дистанционного поставщика этих услуг. Оно предоставляет их адресно и преимущественно в цифровой форме через единые multifunctional центры или электронные порталы. Однако в такой модели государству не нужны никакие дополнительные посредники для общения с гражданином. Возможности гражданского контроля в таком случае сужаются до пользовательской оценки качества оказанной услуги, реализованной в формах обратной связи цифровых приложений. Государство как бы удаляется от общества, предстает для него в виде виртуального системного администратора — всесильного, недоступного и анонимного. Возникает новая пропасть между бюрократией и отдельным человеком.

Внимание к человеку, его проблемам и конкретной жизненной ситуации может позволить Общественной палате стать независимым от всех правительственных сервисов барометром социального самочувствия. В конечном счете и для государства Общественная палата может быть ценна как возможность самодиагностики. К тому же подлинная инклюзивность подразумевает именно такой индивидуальный подход при рассмотрении обращений граждан, внимание к «голосу народа» при экспертизе законопроектов и сигналам «с мест» при проведении общественных проверок нарушений прав граждан — вот простой и достаточный перечень дел, который не требует новых полномочий и дополнительных бюджетов.

Представляется, что так Общественная палата сможет следовать своему девизу, однажды коллегиально сформулированному ее членами на пленарном заседании: «Объединять гражданские силы в общественном служении для достижения системных изменений и справедливых решений для всех» [11].

Список литературы

1. Тиховодова А.В. Эффективность правозащитной деятельности Общественной палаты Российской Федерации / Актуальные социально-гуманитарные исследования и технологии. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород. 2021.
2. Методические рекомендации органам государственной власти и органам местного самоуправления по вопросам реализации механизмов поддержки

- социально ориентированных некоммерческих организаций (утверждены Минэкономразвития России 15.10.2012) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456056059> (дата обращения: 14.01.2025).
3. Современная российская политика: учебное пособие / Под общ. ред. В.И. Коваленко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета. 2020. 379 с.
 4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика. 1991. 528 с.
 5. Сурков В. Национализация будущего // Эксперт. 2006. 20 нояб. № 43(537).
 6. Правоохранительные органы: курс лекций и учебно-методические материалы / Под ред. Ю.А. Лукичева. СПб.: Астерион. 2020. 336 с.
 7. Михеева Т.Н. Актуальные проблемы формирования региональных общественных палат // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8.
 8. Доклад Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2019 год // ОП РФ. URL: <https://report2019.oprf.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).
 9. Савин Н.Ю. Между субстанцией и процедурой: две традиции в делиберативной демократической теории // Полис. Политические исследования. 2019. № 4.
 10. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М.: Логос: Прогресс. 2002. 224 с.
 11. Доклад Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2020 год // ОП РФ. URL: <https://report2020.oprf.ru/6/index.html> (дата обращения: 14.01.2025).

И.Г. ЧИСТОБОРОДОВ
А.И. ЧИСТОБОРОВА

РАЗВИТИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СФЕРУ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты развития атомной энергетики и проанализированы современное состояние и перспективы развития этой отрасли. Отмечается, что развитие атомной энергетики — один из методов воздействия на общественно-политическую сферу зарубежных стран. Обосновывается вывод о том, что в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию совершенствование научно-технологических процессов использования атомной энергии является самым эффективным направлением, в котором наша страна обладает возможностью выстраивать диалог на международном уровне. Очевидно, что Россия обязана воспользоваться имеющимся у нее преимуществом с целью недопущения экономической и политической изоляции, которую в настоящий момент пытаются установить страны Запада.

Ключевые слова: воздействие, влияние, общественно-политическая сфера, технологический суверенитет, энергетическая безопасность, Северный морской путь, атомная энергетика, атомная электростанция.

DEVELOPMENT OF NUCLEAR ENERGY AS ONE OF THE METHODS OF INFLUENCING THE SOCIO-POLITICAL SPHERE

Abstract. In this article, the authors systematize the historical aspects of the development of nuclear energy. The authors consider the current state and prospects for the development of this industry. Researchers note that the development of nuclear energy is one of the methods of influencing the socio-political sphere of foreign countries. They note that in the context of sanctions pressure on the Russian Federation, the improvement of scientific and technological processes for the use of nuclear energy is one of the most effective ways in which our country has the opportunity to build a dialogue at the international level. It is obvious that Russia is obliged to take advantage of its advantage in this area in order to prevent economic and political isolation, which Western countries are currently trying to establish.

Keywords: impact, influence, socio-political sphere, technological sovereignty, energy security, Northern Sea Route, nuclear energy, nuclear power plant.

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич — доктор юридических наук, г. Москва
ЧИСТОБОРОВА Анна Ильинична — студент факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В современном мире атомная отрасль играет значительную роль в обеспечении энергетической безопасности и устойчивого развития. Сегодня Россия нарастила значительный потенциал и опыт в производстве атомной энергии; создана и функционирует соответствующая государственная корпорация (Росатом), занимающая лидирующие позиции в мире и располагающая обширными активами и компетенциями на всех этапах производства атомной энергии, начиная с геологоразведки и добычи урана и заканчивая строительством атомных электростанций. Очевидно, что результативность ее работы влияет на особенности складывающегося многополярного мира. В то же время развитие атомной энергетики вкупе с ее экспансией — один из методов воздействия на общественно-политическую сферу зарубежных стран с целью выстраивания взаимовыгодного диалога.

Для понимания сущности этого метода необходимо обратиться к его истокам. Началом формирования рассматриваемой отрасли можно считать проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, результатом которых должна была стать атомная бомба. Тогда и была заложена промышленная основа производства материалов для гражданской атомной энергетики. В 1944 году в США были построены первые газодиффузионные заводы¹, а во второй половине 1940-х годов — еще до окончания работ по созданию ядерного оружия, началась разработка первых проектов мирного использования ядерной энергии, генеральным направлением которого стало производство электроэнергии [1, с. 44].

Для периодизации истории развития атомной энергии необходимо выделить несколько исторических этапов, характеризующих динамику создания и функционирования данной отрасли:

1 этап — 1930–1950 годы — характеризуется начальными исследованиями² в области ядерного оружия³ и разработками проектов мирного использования ядерной энергетики⁴. Развитие этой отрасли получило распространение в США и СССР.

Суть 2 этапа — 1950–1960 годы — заключается в расширении использования атомной энергетики. Особое внимание данному вопросу было уделено в США, СССР и Франции. Эти страны начали активно развивать

¹ Газодиффузионный метод стал первым, использованным для разделения изотопов.

² В декабре 1938 года немецкие физики О. Ган и Ф. Штрассман впервые в мире осуществили искусственное расщепление ядра атома урана. 24 апреля 1939 года в высшие военные инстанции Германии поступило письмо за подписью профессора Гамбургского университета П. Хартека и его сотрудника доктора В. Грота, в котором указывалось на принципиальную возможность создания нового вида высокоэффективного взрывчатого вещества.

³ Проект «Манхэттен» — кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которой формально началось 13 августа 1942 года. Перед этим с 1939 года исследования велись в «Урановом комитете». В проекте принимали участие ученые из Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Германии и Канады.

⁴ Началом мирного использования ядерной энергии принято считать день 26 июля 1954 года, когда в подмосковном Обнинске заработала первая в мире атомная электростанция (АЭС). Мощность ее была 5 МВт(эл). Пуск первой АЭС породил надежды на экологически чистую энергетику с практически неограниченными ресурсными возможностями.

новое направление производства энергии, создавая собственные атомные электростанции, так как послевоенный экономический рост потребовал новых, более мощных источников электроэнергии.

3 этап — 1970–1980 годы — был связан с мировым энергетическим кризисом 1970 годов, приведшим к резкому росту цен на нефть и газ. США стали отказываться от строительства новых атомных электростанций. Кроме того, в 1980 годы авария на Чернобыльской АЭС⁵ привела к частичному торможению развития атомной энергетики, а в последующем — к существенному изменению отношения мировой общественности к этому виду энергии.

На 4 этапе — в 1990–2000 годах — в связи с развитием международных нормативных стандартов безопасности интерес к атомной энергетике стал снижаться. Вступил в силу Совместный протокол о применении Венской⁶ и Парижской⁷ конвенций об ответственности за ядерный ущерб.

На 5 этапе, охватывающем период с 2000 года по настоящее время, произошло смещение центра развития атомной энергетики, — в ответ на трагические аварии на Чернобыльской и Фукусимской⁸ атомных электростанциях страны Запада начали проявлять интерес к развитию возобновляемых источников энергии. Это время характеризуется и резким скачком в развитии атомной отрасли в таких странах, как Китай и Южная Корея, а также дальнейшим развитием атомной энергетики в России.

Таким образом, в настоящее время мировая ядерная энергетика переживает ряд изменений, значение которых заключается в том, что некоторые страны продолжают развивать свои ядерные программы, в то время как другие стремятся к сокращению собственной ядерной мощности в пользу возобновляемых источников энергии. В то же время очевидно, что атомный энергетический фактор оказывает ключевое влияние на общественно-политическую сферу. Стратегия ядерных держав в атомном секторе направлена на создание и поддержание глобальной энергетической безопасности, которая позволяет приобрести союзников. Развитие ядерной энергетики

⁵ Авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 года, — разрушение реактора четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, расположенной около города Припяти. Происшествие носило взрывной характер, активная зона реактора была полностью уничтожена, а в окружающую среду выброшено большое количество радиоактивных веществ.

⁶ Венская конвенция устанавливает презумпцию неделимости ядерного ущерба: если ущерб был причинен ядерным инцидентом и инцидентом иного характера, в итоге неядерный ущерб невозможно обоснованно выделить из ядерного ущерба, то весь причиненный ущерб считается ядерным.

⁷ Международный правовой режим гражданской ответственности за ядерный ущерб, установленный Венской конвенцией, в значительной степени отражен в Парижской конвенции об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии. Совместный протокол предназначен для установления договорных отношений между договаривающимися сторонами Венской конвенции и договаривающимися сторонами Парижской конвенции и устранения коллизий, которые могут возникнуть при одновременном применении норм обеих конвенций в отношении одного и того же ядерного инцидента.

⁸ Крупная радиационная авария максимального 7-го уровня по Международной шкале ядерных событий произошла 12 марта 2011 года в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения и последовавшего за ним цунами.

сказывается на общественно-политическом и экономическом интересах отдельных стран. К тому же разработку крупных месторождений, добычу урана, способов обращения и хранения радиоактивных отходов возможно так же отнести к методам влияния на общественно-политическую сферу.

Представляется, что государства, обладающие инновационными ядерными технологиями, способны применять их для усиления своего авторитета на международной арене. Они предлагают собственные технологические разработки другим странам в рамках сотрудничества в области ядерной энергетики, что может создавать новые возможности для политического и экономического взаимодействия. Важное значение для обеспечения внешнеэкономических и внешнеполитических интересов государств имеют конструктивные отношения между странами-экспортерами и странами-потребителями ядерной энергии.

Сотрудничество в сфере атомной энергетики может стать одним из способов, с помощью которого экспортер может оказывать не только экономическое, но и политическое влияние на страну, в которую ввозятся технологии. Импортёр, зависящий от поставок атомных технологий, топлива для АЭС, оборудования, может попасть в некую подчиненность от страны-экспортера, что в свою очередь используется как инструмент воздействия на внутриполитические и внешнеполитические решения импортера. Таким образом, атомная энергетика имеет широкий спектр влияния на общественно-политическую сферу и требует внимания со стороны государственной администрации для обеспечения устойчивого и безопасного развития России.

* * *

Благодаря своим передовым технологиям и мощному ядерному комплексу Россия занимает четвертое место в мире по производству электроэнергии на атомных станциях. В стране сейчас действует 11 атомных электростанций с общей установленной мощностью более 28,5 гигаватт, включающих 36 энергоблоков⁹. Планируется увеличить долю выработки электроэнергии атомными станциями до 25 процентов к 2045 году¹⁰. Российская атомная энергетика практически не зависит от импорта, поскольку 99 процентов товаров, работ и услуг, используемых на атомных станциях, производятся внутри страны. Это позволяет проводить самостоятельную энергетическую политику.

Корпорация Росатом активно участвует в международных проектах по строительству атомных электростанций, предоставляет услуги по ядерной энергетике, а также разрабатывает передовые технологии в этой области.

⁹ Генерация электроэнергии // Росатом. URL: <https://rosatom.ru/production/generation/> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁰ Росэнергоатом: выработка электроэнергии АЭС России с начала 2023 года превысила 100 млрд кВт·ч // Росатом. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosenergoatom-vyrabotka-elektroenergii-aes-rossii-s-nachala-2023-goda-prevysila-100-mlrd-kvt#:~:text=%D0%94%D0%BE%D0%BB%> (дата обращения: 01.08.2024).

В портфеле ее зарубежных заказов на разных стадиях реализации находится строительство 33 энергоблоков в 10 странах мира; 22 из них в 7 странах — на стадии сооружения. На протяжении многих лет Росатом занимает первое место на мировом рынке по обогащению урана (35% рынка), третье место по добыче урана (14%) и третье место по фабрикации ядерного топлива (17%)¹¹.

На данный момент российская корпорация ведет строительство первой для Турции АЭС «Аккую»¹². Большая часть необходимого оборудования для реализации данного проекта производится российскими предприятиями. Однако с лета 2023 года немецкая компания Siemens ограничила поставки оборудования распределительных устройств, что может повлиять на сроки строительства и сдачи атомной электростанции, так как требуется время на поиск новых поставщиков данного оборудования¹³. В рамках Протокола о сотрудничестве в области разработки совместных образовательных программ в сфере высшего образования, подписанного в 2022 году между Россией и Турцией, ведется целевая программа для подготовки турецких студентов в российских вузах: Московском энергетическом институте (НИУ «МЭИ») и Московском инженерно-физическом институте (НИЯУ «МИФИ»), а также в Стамбульском техническом университете (СТУ) для подготовки высококвалифицированных специалистов в области атомной энергетики¹⁴.

Стоит упомянуть и проект Росатома на Африканском континенте: строительство в Египте первой в стране АЭС «Эль-Дабаа», в которую входят 4 энергоблока с реакторами ВВЭР-1200¹⁵. Строительство атомной электростанции — ключевой проект сотрудничества между Россией и Египтом. 23 января 2024 года во время церемонии заливки бетона для 4-го энергоблока Президент России В.В. Путин отметил: «Новый этап строительства первой АЭС в Египте, важнейшего для российско-египетских отношений проекта,

¹¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об информации генерального директора Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» А.Е. Лихачева на тему «Роль атомной промышленности в обеспечении технологического суверенитета» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=606532047&page=1&rdk=0&intelsearch=%E6%E8%EB%E8%F9%ED%FB%E9+%EA%EE%E4%E5%EA%F1++&link_id=135#I0 (дата обращения: 01.08.2024).

¹² Росатом отметил проблемы с проектом АЭС в Турции из-за третьих стран // Интерфакс. 2024. 3 июля. URL: <https://www.interfax.ru/russia/969103/> (дата обращения: 01.08.2024).

¹³ Германия устроила саботаж строящейся Росатомом АЭС в Турции // Eadaily. 2024. 9 июля. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/07/09/germaniya-ustroila-sabotazh-stroyashcheysya-rosatomom-aes-v-turcii> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁴ Стартует совместная Российско-Турецкая образовательная программа магистратуры двойного диплома для подготовки турецких инженеров на АЭС «Аккую» // АККУЮ НУКЛЕАР. URL: <https://akkuyu.com/ru/news/startuet-sovmestnaya-rossiysko-turetskaya-obrazovatel'naya-programma-magistratury-dvoynogo-diploma-dlya-podgotovki-turetskikh-inzhenerov-na-aes-akkuyu> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁵ На энергоблоке № 4 АЭС «Эль-Дабаа» начался основной этап строительства // АСЭ Росатом. 2024. 23 января. URL: <https://ase-ec.ru/for-journalists/news/2024/jan/na-energobloke-4-aes-el-dabaanachalsya-osnovnoy-etap-stroitelstva/> (дата обращения: 01.08.2024).

реализация которого, без сомнения, несет значимый вклад в развитие египетской экономики, поможет укрепить ее энергетическую базу»¹⁶.

В Боливии Росатом ведет активную работу и по сооружению центров ядерной науки и технологий совместно с Боливийским агентством по ядерной энергетике. Здесь развивается проект, являющийся стратегически важным как для самой Боливии, так и для всего латиноамериканского региона¹⁷: в частности, в этой стране на базе Центра ядерных технологий будут производиться радиофармпрепараты для первого в Боливии Центра ядерной медицины, что позволит местным жителям получать лечение от онкологических заболеваний на месте, не выезжая за пределы региона. Центр создаст новые возможности для развития сельского хозяйства и увеличения экспорта. Здесь будут обучаться специалисты по ядерной физике и смежным областям. Таким образом, Центр ядерных технологий Боливии станет катализатором научного сотрудничества и технологического развития всего латиноамериканского региона.

В Китае продолжается долгосрочная совместная работа по строительству АЭС «Тяньвань»¹⁸. Первые два энергоблока станции были построены и введены в эксплуатацию еще в 2007 году, в 2020 году начали функционировать третий и четвертый энергоблоки. 8 июня 2018 года при подписании Стратегического пакета документов в Пекине были определены общие цели развития атомной энергетики на долгосрочную перспективу между Россией и Китаем¹⁹.

Идет работа над проектами по сооружению атомных электростанций «Сюйдапу» (Китай), «Руппур» (Бангладеш), «Пакш-2» (Венгрия) и «Куданкулам» (Индия)²⁰.

Россия — один из крупнейших поставщиков обогащенного урана на мировом рынке. Наша страна обладает современными технологиями, что позволяет ей удовлетворять спрос на этот ресурс не только на внутреннем, но и на мировом рынке. В обогащении урана большую роль играет отечественное производство газовых центрифуг. Акционерное общество

¹⁶ Церемония заливки первого бетона в основание энергоблока АЭС «Эль-Дабаа» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73294> (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁷ Росатом и Агентство по атомной энергии Боливии подписали контракты по проекту сооружения в стране Центра ядерных исследований и технологий // Росатом. URL: <https://rosatom-energy.ru/media/rosatom-news/rosatom-i-agentstvo-po-atomnoy-energii-bolivii-podpisali-kontrakty-po-proektu-sooruzheniya-v-strane/> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁸ Тяньваньская атомная электростанция расположена в Китае, в местечке Тяньвань района Ляньюнь городского округа Ляньюньган в провинции Цзянсу, на берегу Желтого моря. Данная АЭС — самый крупный объект экономического сотрудничества Китая с Россией. В основу сооружения Тяньваньской АЭС был положен российский проект АЭС-91 с реактором типа ВВЭР-1000.

¹⁹ Россия и Китай подписали рекордный пакет соглашений о сотрудничестве в ядерной сфере // Росатом. URL: <https://www.rusatom-energy.ru/media/rosatom-news/rossiya-i-kitay-podpisali-rekordnyy-paket-soglasheniy-o-sotrudnichestve-v-yadernoy-sfere/?ysclid=lsv4ds1uts817921867> (дата обращения: 01.08.2024).

²⁰ Строящиеся АЭС // Росатом. URL: <https://rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/> (дата обращения: 01.08.2024).

«ТВЭЛ»²¹ поставляет его на 78 реакторов в 15 странах. На российских тепловыделяющих сборках работает практически вся атомная энергетика Восточной Европы.

19 февраля 2024 года глава МАГАТЭ Р. Гросси заявил, что несмотря на санкции со стороны западных стран, Россия за последние два года только нарастила свое присутствие на мировом рынке обогащения урана. Она имеет значительные перспективы в области экспорта урана, поскольку обеспечивает почти половину всех ядерных реакторов в мире и около 25 процентов потребностей США в уране²².

Благодаря высокому качеству своей продукции в ближайшие годы Россия в условиях увеличения спроса на уран продолжит занимать лидирующие позиции. Наша страна производит топливо для ядерных энергоблоков, построенных еще при Советском Союзе, которые эксплуатируются в таких странах, как Болгария, Финляндия, Словакия, Венгрия, Чехия и Румыния. В перспективе Турция и Египет также увеличат спрос на российский обогащенный уран. На наш взгляд, данным обстоятельством также необходимо воспользоваться как методом воздействия на общественно-политическую сферу за рубежом.

* * *

В настоящее время в Росатоме получают развитие свыше 80 новых бизнес-направлений. Самыми значимыми из них являются перевозки товаров по Северному морскому пути и создание арктической портовой инфраструктуры. Особое внимание уделяется развитию Арктики, где уже действуют 7 атомных и 3 неатомных ледокола; еще 5 атомных ледоколов находятся в стадии строительства²³. Объем грузоперевозок по Северному морскому пути продолжает расти и достиг в прошлом году более 36 миллионов тонн, превысив целевые показатели.

Северный морской путь представляет собой морское сообщение, проходящее через 6 северных морей России, соединяющее Атлантический и Тихий океаны. Этот маршрут становится все более привлекательным для транспортировки грузов и топлива. В условиях усиливающейся международной конкуренции за ресурсы арктического шельфа, российский атомный ледокольный флот становится ключевым инструментом обеспечения транспортной и хозяйственно-экономической деятельности в Арктике.

²¹ АО «ТВЭЛ» — один из мировых лидеров по обогащению урана и производству безопасного и эффективного ядерного топлива. Деятельность компании включает в себя обогащение урановой продукции, изготовление тепловыделяющих сборок и комплектующих для них, услуги по разработке, лицензированию и научно-техническому сопровождению эксплуатации топлива.

²² Глава МАГАТЭ заявил об увеличении присутствия РФ на рынке обогащения урана // Известия. 2024. 19 февраля. URL: <https://iz.ru/1652807/2024-02-19/glava-magate-zaiavil-ob-uvlichenii-prisutstviia-rf-na-rynke-obogashcheniia-urana> (дата обращения: 01.08.2024).

²³ Стенограмма Правительственного часа «Роль атомной промышленности в обеспечении технологического суверенитета» в Государственной думе РФ // Атомная энергия 2.0 [сайт]. URL: <https://www.atomic-energy.ru/interviews/2024/03/01/143601> (дата обращения: 03.08.2024).

Особое значение имеет создание мощных атомных ледоколов, включая атомоход «Арктика», который в 1977 году впервые достиг географической точки Северного полюса²⁴. Благодаря сокращению времени транспортировки и расходов на логистику в долгосрочной перспективе возможно создание высокоширотного транзитного морского пути в Арктике, который может стать альтернативой существующим межконтинентальным маршрутам между странами Атлантического и Тихоокеанского бассейнов через Суэцкий²⁵ и Панамский²⁶ каналы.

В 2023 году Росатом и DP World (ОАЭ) создали совместное предприятие «Международная контейнерная логистика» с целью развития транзитных перевозок через Северный морской путь²⁷. Уже начата разработка маршрута для доставки грузов из Токио в Лондон, который будет почти вдвое короче, чем путь через Суэцкий канал — 13 тысяч километров вместо 24 тысяч. Реализация этого проекта позволит влиять на общественно-политическую обстановку в странах, которые хотят использовать Северный морской путь.

Однако на данный момент существуют угрозы безопасности при реализации данного проекта в следующих сферах: военно-политической, технологической, экономической и экологической. Что касается военно-политической угрозы, то на территории Арктики резко возросла активность государств-членов НАТО, что может в обозримом будущем стать основой для давления на Россию. Могут быть оспорены ее права, связанные с закреплением за ней особого статуса Северного морского пути. Технологическая и экономическая угрозы подразумевают под собой введение санкций и запретов на экспорт определенных видов оборудования, что уже негативно сказывается на некоторых проектах по развитию и бурению глубоководных скважин в Арктике, а также на рентабельности перевозок по Северному морскому пути. Экологическая угроза в первую очередь связана с увеличением объемов добычи полезных ископаемых в Арктике, что повысит риск возникновения аварий при транспортировке.

²⁴ 17 августа 1977 г. впервые в истории мореплавания надводный корабль, советский атомный ледокол «Арктика», достиг географической точки Северного полюса в активном плавании. Атомный ледокол «Арктика» был построен в 1971–1972 гг. на Балтийском заводе и спущен на воду 26 декабря 1972 г. По техническим показателям он являлся крупнейшим ледоколом своего времени.

²⁵ Суэцкий канал — судоходный бесшлюзовой морской канал на северо-востоке Египта, соединяющий Средиземное и Красное моря, кратчайший водный путь между портами Атлантического и Индийского океанов (на 8–15 тыс. км меньше пути вокруг Африки). Канал был открыт для судоходства 17 ноября 1869 года.

²⁶ Панамский канал — судоходный искусственный канал протяженностью 82 км, расположенный в Центральной Америке, на Панамском перешейке, в Республике Панама. Соединяет Атлантический и Тихий океаны и имеет важнейшее значение для международного судоходства и морской торговли. Строительство канала началось в 1881 и закончилось в 1914 году.

²⁷ Росатом и DP World создали СП для транзитных контейнерных перевозок по СМП // Интерфакс. 2023. 24 октября. URL: <https://www.interfax.ru/business/927329> (дата обращения: 01.08.2024).

* * *

Основными конкурентами России на глобальном рынке атомной энергетики выступают США, Франция, Корея и Китай, которые за последние годы нарастили экспорт ядерных технологий за рубеж. В 2023–2024 годах Китай активно развивает атомную энергетику, тем самым укрепляя свои позиции на мировом рынке. В стране действует несколько крупных ядерных компаний {China National Nuclear Corporation (CNNC) и China General Nuclear Power Group (CGN)}²⁸. Вызывают озабоченность новости о начале работ по обогащению урана в США, где планируется произвести первую тонну обогащенного урана для атомных реакторов²⁹.

Сейчас на глобальном рынке атомных технологий происходит своеобразная «гонка» инноваций, в том числе в области строительства и эксплуатации атомных станций малой мощности³⁰. Государственная корпорация «Росатом», обладающая рядом преимуществ, выделяет для себя это направление как одно из самых перспективных. В первую очередь это связано с экологически чистым производством энергии и обеспечением энергетической независимости на отдаленных территориях.

Корпорация вносит огромный вклад в развитие ядерных технологий 4-го поколения³¹. Внедрение инновационных реакторов призвано повысить устойчивость атомной энергетики, решить проблему большого количества ядерных отходов путем выжигания долгоживущих изотопов и тем самым — замыкания топливного цикла.

Несмотря на внушительные преимущества отечественной атомной отрасли на мировом рынке, здесь существует ряд проблем и рисков. Атомная энергетика является стратегически важным направлением, поэтому в условиях турбулентного миропорядка и геополитической напряженности между Россией и странами Запада, данная сфера может сталкиваться с политическими ограничениями или санкциями, что может нарушить тенденцию сотрудничества отечественных атомщиков с зарубежными партнерами и снизить экспорт атомных технологий.

Еще одной возможной преградой в дальнейшем увеличении присутствия России на глобальном рынке атомной энергетики является жесткая конкуренция. Как упоминалось выше, сейчас одним из основных наших конкурентов является Китай, который, во-первых, по своим показателям

²⁸ The Database on Nuclear Power Reactors // IAEA PRIS. URL: <https://pris.iaea.org/pris/> (дата обращения: 05.04.2024).

²⁹ Remarks by President Biden at the IBEW Construction and Maintenance Conference // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/04/19/remarks-by-president-biden-at-the-ibew-construction-and-maintenance-conference/> (дата обращения: 05.04.2024).

³⁰ Станции малой мощности имеют целый ряд очевидных преимуществ, связанных непосредственно с энергетической составляющей: обеспечение энергонеизменности труднодоступных территорий, а также экологически чистое производство энергии.

³¹ Это фундаментальный прорыв, когда отработавшее топливо перестает быть отходом и становится сырьем для реакторов на быстрых нейтронах.

в области строительства новых АЭС внутри страны не уступает России, во-вторых, ведет активную работу в сфере разработки ядерных технологий 4-го поколения.

Надо сказать, что, несмотря на сложную общественно-политическую обстановку, страны Евросоюза и США не отказываются от сотрудничества с Россией. По мнению Р. Гросси, «введение санкций против Росатома не-реалистично и непрактично. Это поставило бы атомную промышленность многих стран в тупик»³².

На сегодня отменен договор на строительство атомной электростанции Ханхикиви-1³³ в Финляндии, но Росатом продолжает оставаться главным участником мирового рынка строительства атомных электростанций. В настоящее время ведутся активные переговоры с такими партнерами, как Саудовская Аравия, страны Африки, Узбекистан и Казахстан. Китай и Индия продолжают сотрудничать с Россией, что позволяет развивать атомные проекты на долгосрочной основе. В Турции и Египте специалисты Росатома готовятся к запуску первых энергоблоков.

Стоит упомянуть, что в странах постсоветского пространства электричество вырабатывают ядерные реакторы, которые были созданы на основе советских технологий. И сейчас топливо для них импортируется из России. После начала специальной военной операции Европа пытается уменьшить свою зависимость от поставок ядерного топлива из России. Однако попытка отказаться от экспорта России может поставить под угрозу электроснабжение почти 100 миллионов человек в западных странах.

Анализ текущего состояния атомной энергетики показывает, что Россия обладает значительными конкурентными преимуществами на мировом рынке. Это обусловлено наличием комплекса предложений на всех этапах цикла функционирования атомных электростанций, высоким уровнем безопасности технологий, а также содействием в привлечении финансирования и созданием инфраструктурных проектов. Для укрепления своих позиций на международной арене Россия сосредотачивает усилия на улучшении качества эксплуатации уже существующих и строящихся атомных электростанций и стремится выйти на рынок плавучих атомных электростанций.

³² Exclusive: IAEA chief says Iran's nuclear enrichment activity remains high // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/iaea-chief-says-irans-nuclear-enrichment-activity-remains-high-2024-02-19/> (дата обращения: 25.02.2024).

³³ АЭС Ханхикиви-1 — проект одноблочной атомной электростанции в Финляндии. Предполагалось, что станция будет состоять из одного энергоблока с реактором ВВЭР-1200 по проекту АЭС-2006. Заявка на строительство АЭС «Ханхикиви-1» в правительство Финляндии была подана в 2015 году, однако строительство тормозилось затянувшейся процедурой получения разрешения финского регулятора. В мае 2022 в связи с проведением специальной военной операции финская компания Fennovoima расторгла контракт с Росатомом.

* * *

Таким образом, и в условиях тяжелых санкций атомная отрасль России продолжает демонстрировать рост и развитие. Благодаря стратегической настойчивости и инновационному подходу страна укрепляет свои позиции в качестве важного участника глобального рынка. В свою очередь атомная энергетика является важным инструментом влияния на общественно-политическую обстановку за рубежом. Необходимо продолжать ее развитие, так как она представляет собой в том числе и эффективный метод воздействия на политику других стран. При помощи атомной отрасли мы можем преодолеть политическую и экономическую изоляцию, навязанную России странами Запада.

Список литературы

1. Ядерные технологии: история, состояние, перспективы: уч. пособие / Андрианов А.А., Воропаев А.И., Коровин Ю.А., Мурогов В.М. М.: НИЯУ МИФИ, 2012. 180 с.

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕМ ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ В ВЫБОРЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Хотя внешнее вмешательство в национальные выборы не является политической новеллой, в последние десятилетия эта проблема стала более актуальной. Это связано с тем, что в первые десятилетия XXI века процесс организации выборов и их итоги стали использоваться в качестве основания для отказа от политического сотрудничества оппозиции с действующим правительством, а нарушения внутреннего правопорядка становятся поводом для смены власти. В связи с этим национальный законодатель пытается закрепить гарантии независимости отечественной системы, направленные на предотвращение вмешательства в выборы. Правотворческая практика последних лет демонстрирует, что во многих странах накануне крупных национальных избирательных кампаний инициируется включение в законодательство гарантий, направленных на соблюдение принципа невмешательства в выборы. Распространенным механизмом гарантирования электорального суверенитета стало принятие законов, ограничивающих иностранное влияние. Несмотря на то, что подобные акты включены в законодательство многих ведущих государств, их принятие в бывших социалистических странах почти всегда вызывает критику представителей западных стран, международных организаций. Автором делаются выводы, что содержание гарантий принципа недопустимости иностранного вмешательства в выборы, закрепленных в национальном законодательстве, должно определяться разумностью ограничений, вводимых с целью защиты национальной избирательной системы, и быть пропорциональным по отношению к внешним и внутренним вызовам. **Ключевые слова:** избирательное право, иностранное вмешательство в выборы, иностранный агент, национальная избирательная система.

TO THE QUESTION OF EXTERNAL INTERFERENCE IN ELECTIONS: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Abstract. Although external interference in national elections is not a political novelty, in recent decades this problem has become more pressing. This is due to the fact that in the first decades of the 21st century, the process of organizing elections and their results began to be used as a basis for the refusal of political cooperation between the opposition and the current government, a violation of internal law and order, and a reason for a change of power. In this regard, the national legislator is trying to secure guarantees of independence

for the domestic system, aimed at preventing interference in elections. The law-making practice of recent years demonstrates that in many countries, on the eve of major national election campaigns, the inclusion of guarantees in legislation aimed at observing the principle of «non-interference in elections» is initiated. A common mechanism for guaranteeing electoral sovereignty has been the adoption of laws limiting foreign influence. Despite the fact that similar acts have been adopted in many leading countries of the world, their adoption in former socialist countries almost always provokes criticism from representatives of Western countries and international organizations. The author concludes that the content of guarantees of the principle of inadmissibility of foreign interference in elections, enshrined in national legislation, should be determined by the reasonableness of restrictions introduced to protect the national electoral system, and be proportionate to external and internal challenges.

Keywords: electoral law, foreign interference in elections, foreign agent, national electoral system.

Во второй половине 2024 года в некоторых бывших социалистических странах произошли электоральные скандалы. Первый был связан с выборами Парламента Грузии, которые прошли 26 октября 2024 года. По словам премьер-министра Грузии И. Кобахидзе, в ходе тех выборов было «зафиксировано беспрецедентное вмешательство извне»¹.

Если быть более подробным, то согласно главе 12 Избирательного кодекса Грузии² парламент избирается по пропорциональной избирательной системе. В соответствии с данными ЦИК Грузии на выборах победила правящая политическая партия «Грузинская мечта», набравшая 53,93 процента голосов (1 120 053 голоса)³. Четыре основные оппозиционные партии, которые договорились не сотрудничать с «Грузинской мечтой», в общей сложности набрали 37,79 процента. Их представители, к которым присоединилась и президент С. Зурабишвили, заявили о фактах подкупа, вбросах бюллетеней, запугивании избирателей в ходе голосования и отказались признавать результаты выборов. В дальнейшем ими были инициированы акции протеста, охватившие многие города страны.

Другое подобное событие случилось на выборах президента Румынии, состоявшихся 24 ноября 2024 года. Согласно статье 81 Конституции Румынии⁴ глава государства избирается всеобщим, равным, прямым, тайным и свободно выраженным голосованием. Избранным объявляется кандидат, получивший в первом туре выборов большинство голосов граждан, включенных в списки

¹ Премьер Грузии заявил о беспрецедентном вмешательстве в выборы извне // ТАСС. 31 октября 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22285803> (дата обращения: 15.01.2025).

² Избирательный кодекс Грузии // Законодательный Вестник Грузии : офиц. сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1557168?publication=90> (дата обращения: 15.01.2025).

³ На фоне перепалок и протестов ЦИК объявил окончательные результаты, огласив победу «Грузинской мечты» // Civil Georgia. 2024. 17 ноября. URL: <https://civil.ge/ru/archives/636007> (дата обращения: 11.12.2024).

⁴ Конституция Румынии // Legal NS. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/romania.pdf> (дата обращения: 19.01.2025).

избирателей. В случае если ни один из кандидатов не получает этого большинства, организуется второй тур выборов, в котором участвуют два кандидата, набравшие большинство голосов в первом туре. Избранным объявляется кандидат, получивший наибольшее число голосов по итогам второго тура.

Конституционный суд Румынии решением от 2 декабря 2024 года № 30 утвердил результаты первого тура голосования⁵. В связи с тем, что ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства голосов, 8 декабря 2024 года должен был пройти второй тур. В первом туре президентских выборов победил независимый кандидат К. Джорджеску (22,95% голосов). Как и в Грузии, представители власти заявили о якобы имевших место попытках вмешательства в ход выборов посредством финансирования проведения агитационной кампании в TikTok за победителя первого тура голосования. Правоохранительными органами были рассекречены информационные записки, в которых последний факт будто бы находил подтверждение. На основании этого Конституционный суд решением от 6 декабря 2024 года № 32⁶ отменил результаты голосования⁷.

Свое решение Суд обосновывал подтвержденными фактами манипулирования голосами избирателей, нарушением принципа равного избирательного права, непрозрачным использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта при проведении избирательной кампании, ее финансирования из незаконных источников. Представленный Джорджеску финансовый отчет, подтверждающий отсутствие расходов из избирательного фонда, толковался (п. 14 решения Суда) как демонстрация очевидного несоответствия этого факта масштабам проведенной им избирательной кампании. В итоге Судом был сделан вывод о нарушении принципа прозрачности финансирования избирательной кампании, что ставит под сомнение законность выборов. Фактически Конституционный суд, анализируя обстоятельства дела, без привлечения обоснованной доказательственной базы принял решение о виновности Джорджеску, и как следствие — отменил результаты выборов.

Позже румынская налоговая служба ANAF установила, что кампания поддержки в TikTok победителя отмененного первого тура румынских президентских выборов К. Джорджеску⁸ была оплачена не россиянами,

⁵ Решение Конституционного суда Румынии № 30 от 2 декабря 2024 г. по запросу об отмене выборов на пост президента Румынии // Конституционный суд Румынии : офиц. сайт. URL: https://www.ccr.ro/wp-content/uploads/2024/12/Notarare_30_2024.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ Решение Конституционного суда Румынии № 32 от 6 декабря 2024 г. об отмене избирательного процесса по выборам Президента Румынии с 2024 года // Конституционный суд Румынии: офиц. сайт. URL: https://www.ccr.ro/wp-content/uploads/2024/12/Notarare_32_2024.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

⁷ Вызывает вопрос возможность Суда принять такое решение, при условии, что за четыре дня до этого он утвердил результаты голосования. Согласно п. «е» ст. 146 Конституции Румынии Конституционный суд следит за соблюдением порядка избрания президента Румынии и подтверждает результаты голосования.

⁸ В конце февраля 2025 г. К. Джорджеску задержали в то время, когда он направлялся подавать документы на регистрацию в качестве кандидата в президенты. Его подозревают по делу о создании фашистской организации и незаконном финансировании предвыборной кампании // В Румынии

как предполагала румынская разведка, а проевропейской Национально-либеральной партией Румынии (PNL)⁹.

В контексте обозначенных электоральных споров хочется отметить и изначально скептическое отношение представителей европейского сообщества к завершившимся в январе 2025 года выборам президента Республики Беларусь. Еще в ходе избирательной кампании представители европейских государств заявляли об их нелегитимности и о возможном непризнании их результатов. В итоге совместное заявление Евросоюза о непризнании итогов выборов в Белоруссии не было принято только из-за того, что его заблокировала одна из стран¹⁰.

Подобное отношение к электоральным процессам в Белоруссии проявлялось и ранее. Так, в 2020 году в Бундестаге ФРГ депутатами ХДС/ХСС, СДПГ, СВДП и Альянса 90/Зеленых было принято совместное предложение коалиционных фракций и Партии зеленых под названием «Освободить политических заключенных Беларуси, обеспечить свободные и справедливые новые выборы, укрепить гражданское общество и инициировать конституционную реформу»¹¹. В документе отмечалось: «Выборы не были ни свободными, ни справедливыми. Фальсификация выборов имела большой масштаб, что, вне всякого сомнения, может быть доказано». Делался вывод о том, что избранному Президенту «не хватает демократической легитимности»¹².

Обстоятельства проведения вышеупомянутых национальных избирательных кампаний, реакция на них внутренних политических сил, комментарию представителей зарубежных стран и международных организаций подтверждают, что в современном политико-правовом дискурсе понятие «вмешательство в выборы» является одним из самых популярных [1, с. 128]. В настоящее время обеспечение недопустимости иностранного вмешательства в национальные выборы, сохранение суверенитета в их организации и проведении стало одной из актуальных задач любой страны.

В научной литературе отмечается, что с целью обеспечения права людей определять собственную политическую судьбу появляется необходимость введения в международное право конкретных правил поведения в этой сфере

задержали кандидата в президенты Джорджеску // РБК. 2025. 26 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/02/2025/67befe5a9a79479100044d73> (дата обращения: 11.02.2025).

⁹ В Румынии установили, что кампанию Джорджеску в TikTok оплатила не Россия // РБК. 21 декабря 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2024/6766af4f9a79475cc886f7dd> (дата обращения: 15.02.2025).

¹⁰ «Мне фиолетово» Как Лукашенко в седьмой раз победил на выборах президента Белоруссии и почему их не признали в ЕС? // Lenta.ru. 2025. 27 января. URL: <https://lenta.ru/brief/2025/01/27/lukashenko-the-seventh/> (дата обращения: 15.02.2025).

¹¹ Der Bundestag will die Gewalt beenden und Neuwahlen in Belarus abhalten // Deutscher Bundestag. 04.11.2020. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw45-de-weissrussland-802444> (дата обращения: 15.02.2025).

¹² Antrag der Fraktionen CDU/CSU, SPD und BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN // Deutscher Bundestag. 03.11.2020. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/239/1923943.pdf>.

из общих международных принципов [2, с. 187]. Можно предположить, что именно с этим связано появление термина «электоральный суверенитет» [3, с. 9], который нельзя в полной мере рассматривать в качестве части государственного суверенитета. Но электоральный суверенитет в достаточной мере отражает совокупность элементов национальной избирательной системы любого государства. Его ослабление приведет к умалению права народа на управление государством.

На основе анализа политических событий во многих странах мира и международной обстановки последних десятилетий представляется возможным выделить несколько потенциальных направлений нарушения электорального суверенитета. Если еще 10 лет назад решение какого-либо надгосударственного органа о несоответствии национального законодательства международным актам можно было рассматривать как проблему, связанную с имплементацией международного права в законодательство отдельных стран, то события последних лет в международных отношениях позволяют сделать выводы о том, что можно вести речь о целенаправленном вмешательстве в суверенитет национальной правовой системы посредством попытки изменить текст и содержание национального законодательства.

В нашем случае подобным примером нарушения электорального суверенитета может являться решение ЕСПЧ¹³ по делам № 11157/04 и № 15162/05 «Анчугов и Гладков против России»¹⁴, которым были признаны не соответствующими Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года положения статьи 32 Конституции Российской Федерации, запрещающие участие в выборах лицам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда. По мнению ЕСПЧ, участие в выборах в современном обществе является не привилегией, а презюмируемым правом; усмотрение государства в ограничении избирательного права должно быть соразмерным; лишение права на голосование при заключении на любой срок таковым не является. Суд не принял во внимание аргумент России о невозможности изменения второй главы Основного закона, отметив, что власти могут избрать любой доступный им способ устранить нарушение: например, толкование Конституционным судом Российской Федерации конституционных положений таким образом, чтобы последние не противоречили Конвенции¹⁵.

¹³ 15 марта 2022 г. Правительство Российской Федерации уведомило Генерального секретаря о своем выходе из Совета Европы в соответствии с Уставом Совета Европы и о своем намерении денонсировать Европейскую конвенцию о правах человека. Федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» было закреплено, что постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в России.

¹⁴ Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 2.

¹⁵ В январе 2017 г. вступила в действие статья 53.1 Уголовного кодекса РФ, которой закреплялся такой вид наказания, как принудительные работы. По мнению Комитета министров Совета Европы, по смыслу Конвенции данный вид наказания может трактоваться как лишение свободы, хотя и было признано, что в российском законодательстве он рассматривается как альтернативный. Это дало основание Комитету министров Совета Европы признать исполненным постановление по делу «Анчугов

* * *

Другим способом нарушения электорального суверенитета является оказание непосредственного влияния различными способами на ход и итоги конкретной избирательной кампании, то есть непосредственное вмешательство в избирательный процесс. Под последним понимается разновидность вмешательства, которое представляет собой умышленные действия, направленные на искажение национального политического ландшафта посредством воздействия на избирательный процесс в интересах субъектов вмешательства [4, с. 109].

Политические события XXI века демонстрируют, что довольно часто процесс организации выборов и их итоги используются в качестве повода для смены власти. В методической литературе, посвященной тактике и стратегии ненасильственного политического сопротивления, их бойкот рассматривается как метод отказа от политического сотрудничества [5, с. 78]. Примером могут быть «цветные революции» в странах бывших советских республик начала нынешнего века, когда на первый план выходили требования отмены итогов прошедших выборов. Достаточно часто применяется метод преднамеренного искажения информации (например, о результатах выборов) с последующим тиражированием и преумножением фальсифицированных данных. Как следствие, создается мощный поток информационного мусора, направленный на то, чтобы показать «нечестность» выборов, поколебать доверие граждан к избирательной системе [1, с. 129].

Попытки вмешательства в выборы не являются политической новеллой современности. Уже в 1796 году первый президент США Дж. Вашингтон особое внимание уделял взаимоотношению молодого государства с другими странами. Касаясь попыток Франции оказать влияние на результаты американских выборов, он отметил: «История и опыт показывают, что иностранное влияние — один из самых страшных врагов республиканского правительства» [6, с. 11]. Д. Левин, проводя исследования вмешательства в национальные выборы крупных держав во второй половине XX века, выделял 117 попыток вмешательства со стороны США и СССР: 81 попытка (69%) вмешательства была предпринята США, а остальные 36 (31%) — СССР [7, с. 91].

* * *

Национальный законодатель пытается закрепить гарантии независимости отечественной системы, связанные с предотвращением вмешательства в выборы. В первую очередь, это находит отражение в избирательном законодательстве. Общеизвестной практикой является закрепление запрета иностранным гражданам, лицам без гражданства, иностранным и международным организациям и зарубежным общественным движениям осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению

и Гладков против России» (Notes of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the Agenda. H-46-17 Anchugov and Gladkov group v. Russian Federation (Application no. 11157/ 04). 1355th meeting, 2019 (CM/Notes/1355/H46-17)).

кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, достижению определенного результата на выборах, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях.

Особое внимание уделяется закреплению гарантий, направленных на недопустимость иностранного вмешательства в национальном избирательном законодательстве, в положениях, касающихся отдельных стадий электорального процесса. Например: запрет иностранным гражданам, лицам без гражданства быть членами избирательных комиссий; запрет иностранным гражданам, лицам без гражданства, иностранным юридическим лицам, международным организациям и международным общественным движениям принимать участие в предвыборной агитации и тому подобное.

Гарантии, направленные на обеспечение суверенитета национальной избирательной системы, содержатся не только непосредственно в избирательном законодательстве, но и в нормативных правовых актах, имеющих отношение и к иным социально-политическим процессам. В качестве примера можно привести законодательные требования в отношении иностранного влияния в деятельность средств массовой информации, заключающиеся в том, что иностранным гражданам запрещается владеть средствами массовой информации¹⁶.

В последние десятилетия широкий дискурс получила возможность принятия законов, ограничивающих иностранное влияние. Одним из первых подобных актов, принятых в мире, был закон США «О регистрации иностранных агентов» (Foreign Agents Registration Act, FARA) 1938 года¹⁷. Подобные законы были приняты в последнее время в Венгрии, Израиле¹⁸, Австралии¹⁹ и других странах. При этом если одни государства принимали отдельный закон, касающийся пресечения иностранного влияния (Австралия, Израиль), то другие вносили изменения в уже действующие законодательные акты.

В частности, в 2023 году в Великобритании был обновлен закон «О национальной безопасности»²⁰, в рамках которого создавались схемы регистрации иностранного влияния; вмешательство в выборы стало признаваться уголовным преступлением; а наличие иностранного участия в электоральных правонарушениях — отягчающим обстоятельством (раздел 16)²¹.

¹⁶ Впервые подобное требование появилось в Законе США от 13 августа 1912 г. О регулировании радиосвязи» (Radio Act of 1912) // Текст «Закона о регулировании радиосвязи» от 13 августа 1912 г. // United States Early Radio History. URL: <https://earlyradiohistory.us/1912act.htm> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁷ Foreign Agents Registration Act, FARA // Justice.gov. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/legal-authority> (дата обращения: 23.04.2024).

¹⁸ Закон Израиля от 19 июля 2016 г. № 2563 «О требованиях к раскрытию информации для получателей иностранной поддержки от иностранного политического образования (поправка в закон «О раскрытии финансовой информации неправительственными организациями») // IGNL (Международный центр некоммерческого права). URL: https://www.icnl.org/research/library/israel_israel2016ff/.

¹⁹ Foreign Influence Transparency Scheme Act № :63. 2018 // Свод законов Содружества. URL: https://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/fitisa2018357/ (дата обращения: 15.02.2025).

²⁰ National Security Act 2023 // Parliament.uk. URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3154> (дата обращения: 20.02.2025).

²¹ National Security Act 2023 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/32/contents> (дата обращения: 10.01.2025).

В Киргизии в 2024 году были внесены изменения в Закон от 15 октября 1999 года № 111 «О некоммерческих организациях»²². Это была не первая попытка принятия в стране подобного акта. В киргизских СМИ данные поправки называли «законом об иноагентах»²³. В заключении Венецианской комиссии по этим изменениям²⁴ содержатся замечания такого рода: «Текст Закона весьма схож с законопроектом, обсуждавшимся в Кыргызской Республике в 2013 году, который был критически оценен Венецианской комиссией и БДИПЧ ОБСЕ и в итоге не был принят. Он также имеет важное сходство с законодательством о так называемых „иностранных агентах“, которое рассматривалось для принятия или было принято в последние годы в других странах, таких как Босния и Герцеговина, Грузия и Российская Федерация».

В Венгрии подобный закон также принимался дважды. Закон Венгрии № LXXVI 2017 года «О прозрачности организаций, получающих поддержку из-за рубежа», был отменен постановлением Европейского суда от 18 июня 2020 года²⁵. В 2021 году был принят новый закон XLIX «О прозрачности общественных организаций, осуществляющих деятельность, способную повлиять на общественную жизнь»²⁶, предусматривающий только требование о публикации отчетности для организаций, текущий баланс которых достигает 20 миллионов долларов США [8, с. 207].

* * *

Требования, касающиеся ограничения иностранного влияния, закрепляются и на подзаконном уровне. Например, в феврале 2018 года Министром финансов Казахстана был издан приказ²⁷, касающийся правил ведения базы данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное

²² Закон Кыргызской Республики от 15 октября 1999 года № 111 «О некоммерческих организациях» // Министерство Юстиции Кыргызской Республики : офиц. сайт. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/274/edition/6030/ru> (дата обращения: 15.02.2025).

²³ Президент Киргизии подписал закон об иноагентах // РБК. 2024. 2 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2024/660bebd9a7947997a8f2ef3> (дата обращения: 15.02.2025).

²⁴ Заключение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) от 11–12 октября 2024 года «О законе Кыргызской Республики № 72 от 2 апреля 2024 года, вносящем изменения в закон „О некоммерческих организациях“» // Venice Commission of the Council of Europe. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2024\)033-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2024)033-rus) (дата обращения: 15.02.2025).

²⁵ Judgment of the court (Grand Chamber) 18 June 2020 // InfoCuria Case-law. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=C9DFF8CFA8827FC54F3D873D9E0F309B?text=&docid=227569&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=602602> (дата обращения: 05.02.2025).

²⁶ 2021. évi XLIX. törvény a közélet befolyásolására alkalmas tevékenységet végző civil szervezetek átláthatóságáról // Nemzeti Jogszabálytár. URL: <https://njt.hu/jogszabaly/2021-49-00-00> (дата обращения: 05.02.2025).

²⁷ Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 20 февраля 2018 года № 240 «Об утверждении Правил ведения базы данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев, лиц без гражданства, а также их включения и исключения из базы данных» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016507> (дата обращения: 15.04.2023).

имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев, лиц без гражданства. В марте 2023 года²⁸ в него были внесены изменения, трактовка которых позволила представителям экспертного сообщества вести речь о том, что у государственных органов уже есть «база данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев, и теперь данные этой базы будут оформлены в виде некоего реестра». Также отмечалось о существовании в Казахстане де-факто закона об иностранных агентах²⁹.

Эти акты, несмотря на одинаковую цель, для реализации которых они принимались, различаются в понимании политической деятельности, включения/невключения в нее выборов, депутатской деятельности, лоббизма и иной общественной деятельности. В ряде стран иностранным агентом может признаваться только юридическое лицо (Венгрия, Израиль, Грузия, Киргизия), в других может быть признано им и физическое лицо (США, Австралия, Великобритания, Франция). Отдельные законодательные акты ограничиваются закреплением одних лишь административных санкций за нарушение требований избирательного законодательства, в других предусмотрено и уголовное наказание (США, Австралия). Различаются сферы, подпадающие под действие этих законов: в некоторых странах сделан упор на политическую деятельность, в других — включают экономическую, социальную и даже академическую деятельность [9, с. 99].

* * *

В России институт иностранных агентов появился в первой половине прошлого десятилетия³⁰. На первом этапе иностранными агентами могли признаваться только некоммерческие организации. Принятие Федерального закона от 14 июня 2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»³¹ ознаменовало новый этап

²⁸ Приказ заместителя премьер-министра — министра финансов Республики Казахстан от 13 марта 2023 года № 268 О внесении изменений и дополнения в приказ Министерства финансов Республики Казахстан от 20 февраля 2018 года № 240 «Об утверждении правил ведения базы данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев, лиц без гражданства, а также их включения и исключения из базы данных» // Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранцах // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032059> (дата обращения: 15.04.2023).

²⁹ Всех в реестр! Грозит ли Казахстану закон об иноагентах? // Республика. 2023. 3 апреля. URL: <https://respublika.kz/media/archives/84811> (дата обращения: 15.10.2023).

³⁰ Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

³¹ Федеральный закон от 14.06.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603158320> (дата обращения: 15.11.2023).

развития этого института. В 2022 году ограничения активного и пассивного избирательного права, связанные со статусом иностранного агента, были закреплены в российском избирательном законодательстве³². Пленум Верховного суда в постановлении от 27 июня 2023 года № 24³³, разъясняя их, отметил, что лицо, являющееся иностранным агентом, не вправе осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, достижению определенного результата на выборах, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях. С учетом этого лицо, имеющее статус иностранного агента, не может являться наблюдателем на выборах, не вправе выступать в качестве доверенных лиц кандидатов и избирательных объединений. Положения законодательства, определяющие статус иностранного агента, были рассмотрены Конституционным судом и признаны конституционными³⁴.

Правотворческая практика в некоторых странах в последние годы демонстрирует, что проблема возможности иностранного вмешательства в выборы актуализируется накануне общенациональных избирательных кампаний. Например, механизмы, противодействующие иностранному вмешательству в выборы, в избирательное законодательство Казахстана были включены изначально, но сам принцип «запрет иностранного вмешательства в выборы» получил закрепление лишь в 2022 году. Необходимость этого нашла отражение в Послании президента страны народу Казахстана от 16 марта 2022 года, в котором было объявлено о начале конституционной реформы накануне выборов Сената (14 января 2023 г.) и Мажилиса (19 марта 2023 г.). Озвучивая предложения по модернизации избирательного процесса, он отметил, что «по конституции и согласно международному праву любые выборы в Казахстане являются сугубо нашим внутренним делом. Но эта норма не исключает потенциальные попытки повлиять на их результаты из-за рубежа. Учитывая эти факторы, общее нарастание различных гибридных угроз в мире, в том числе с применением избирательных технологий, следует на законодательном уровне принять действенные меры

³² Федеральный закон от 05.12.2022 № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603558232> (дата обращения: 25.11.2023).

³³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/32602/> (дата обращения: 28.08.2023).

³⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона „О некоммерческих организациях“, части 6 статьи 29 Федерального закона „Об общественных объединениях“ и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда „Костромской центр поддержки общественных инициатив“, граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.02.2025).

для недопущения какой-либо возможности иностранного вмешательства в выборы в нашей стране»³⁵.

В декабре 2023 года, накануне выборов президента (13 января 2024 г.), в законодательство Тайваня были внесены изменения, предусматривающие вознаграждение до 20 миллионов новых тайваньских долларов (около 626 тыс. долларов США) за информацию о попытках повлиять на голосование или итоги выборов. Согласно дополнениям информаторы получают четверть обозначенной суммы, если предоставленные ими сведения приведут к возбуждению уголовного дела о нарушении законодательства о выборах. В случае признания подсудимых виновными в преступлениях, предоставившие о них информацию люди получают еще четверть вознаграждения. Остаток выплачивается после оглашения приговора. Размер вознаграждения зависит от масштабов вмешательства в выборный процесс. Кроме вознаграждений за информацию об иностранном вмешательстве в президентские выборы были предусмотрены также вознаграждения за информацию о попытках вмешательства в выборы органов и должностных лиц иного уровня власти³⁶.

Еще одним примером может являться принятие в Грузии 14 марта 2024 года — накануне избирательной кампании по выборам депутатов парламента (27 августа — 26 октября 2024 г.), закона «О прозрачности иностранного влияния»³⁷. До этого было несколько попыток принять подобный закон. Предыдущий законопроект был внесен в Парламент в марте 2023 года, но после акций протеста он был отозван. 3 апреля 2024 года был внесен новый законопроект, который и был принят. Примененное президентом Грузии вето было преодолено 28 мая 2024 года³⁸.

* * *

Подводя итоги изложенному отметим, что, хотя вмешательство в национальные выборы иностранных государств — дело не новое, именно в последние десятилетия эта проблема актуализировалась. Это связано с тем, что в первые десятилетия XXI века процесс организации выборов и их итоги стали использоваться в качестве основания отказа от политического сотрудничества оппозиции с действующим правительством, для нарушения внутреннего правопорядка, повода для смены власти. Такая политическая практика не дает действующим национальным правительствам выбора в определении траекторий правового регулирования, так как фактически

³⁵ Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 25.11.2023).

³⁶ Тайвань будет выплачивать вознаграждение до \$600 тыс. за данные о вмешательстве в выборы // ТАСС. 2023. 23 августа. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18566273> (дата обращения: 15.02.2025).

³⁷ Закон Грузии «О прозрачности иностранного влияния» // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/6171895/0/ru/pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

³⁸ Что нужно знать о законе об иноагентах, против которого протестуют в Грузии // Коммерсантъ. 2024. 17 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5863550> (дата обращения: 01.03.2025).

стоит вопрос о существовании действующих политических режимов, обеспечении суверенитета страны, права людей определять свою политическую судьбу. Именно это подтверждает правотворческая практика последних лет, когда включение в законодательство гарантий, направленных на соблюдение принципа «невмешательства в выборы», инициируется накануне значимых национальных избирательных кампаний.

Распространенным механизмом гарантирования электорального суверенитета стало принятие законов, ограничивающих иностранное влияние. Несмотря на то, что подобные акты вошли в законодательство многих ведущих стран мира, их принятие в бывшем социалистическом лагере зачастую сталкивается с критическим восприятием представителей западных государств и международных организаций. При этом нужно иметь в виду, что содержание гарантий принципа недопустимости иностранного вмешательства в выборы, закрепленных в национальном законодательстве, должно определяться разумностью ограничений, вводимых с целью защиты национальной избирательной системы, и быть пропорциональным по отношению к внешним и внутренним вызовам.

Список литературы

1. Сидорук Т.Н., Желтикова Н.В., Борминцева А.С. Независимость выборов в контексте вмешательства в избирательный процесс // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3.
2. *Defending Democracies: Combating Foreign Election Interference in a Digital Age* // Jens David Ohlin, Duncan B. Hollis. Oxford University Press, 2021.
3. Борисов И. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010.
4. Борисов И.Б. Вмешательство в национальные выборы как сопутствующий фактор демократических процессов в глобальном мире // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3.
5. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005.
6. Евстифеев Р.В. Иностранное вмешательство в национальные выборы в цифровую эпоху: постановка проблемы и перспективы исследований // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3.
7. Levin D. Partisan electoral interventions by the great powers. Introducing the PEIG dataset // *Conflict Management and Peace Science*. 2019. Vol. 36, I. 1. P. 88–106 // Sage Journals. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0738894216661190> (дата обращения: 25.11.2023).
8. Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488.
9. Дорожкин А.В., Ямалова Э.Н., Шеожев Х.В. Политика и национальная идеология: оценка регулирующего воздействия Федерального закона о некоммерческих организациях // Дискуссия. 2023. Вып. 118.

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Аннотация. В статье предпринята попытка интерпретации феномена «гибридная война» в рамках концепции постмодернизма, предложенной И.А. Чихаревым. Представлены различные аспекты «гибридной войны» на основе сравнительного анализа зарубежной научной литературы. В качестве основных методов исследования, помимо общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция) в работе применяется сравнительный подход, позволивший выявить сходства и различия между различными трактовками понятия «гибридная война», предложенными зарубежными экспертами, а также системный подход, позволивший рассмотреть ряд аспектов гибридной войны на основе классических понятий концепции постмодернизма: диффузия субъекта и симулятивность.

Ключевые слова: гибридная война, диффузия субъекта, симулятивность, постмодернизм, мировая политика.

HYBRID WAR: INTERPRETATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CONCEPT OF POSTMODERNISM

Abstract. The article attempts to interpret the phenomenon of «hybrid war» within the framework of the concept of postmodernism proposed by I.A. Chikharev. Various aspects of the hybrid war are presented based on a comparative analysis of foreign scientific literature. In addition to general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), the present work used a comparative approach as the main research methods, which allowed us to identify similarities and differences between various interpretations of the concept of «hybrid war» proposed by foreign experts, as well as a systems approach, which allowed us to consider a number of aspects of hybrid war based on the classical concepts of the concept of postmodernism: diffusion of the subject and simulation.

Keywords: hybrid war, diffusion of the subject, simulation, postmodernism, world politics.

Как в мире в целом, так и у границ нашего государства развивается ряд конфликтов. При этом определенный круг научного сообщества [2, с. 160–175; 6; 24] и некоторые СМИ [3; 4] относят часть из этих конфликтов

к «гибридным». Несмотря на популярность этого термина, его общепринятая трактовка так и не выработана. Для анализа данного понятия за основу взята постмодернистская концепция И.А. Чихарева [7; 8], по мнению которого одно из основных свойств современных войн в общем и гибридных войн в частности — это «диффузия субъекта». Критическое осмысление представлений о субъекте является классическим для этого направления философии [5]. Диффузия субъекта преобразует конфликт и создает новые формы ее реализации. Гибридные войны становятся «деперсонализированными», а как следствие, конфликт данного типа превращается в «перманентный». Если нет субъекта, значит нет конкретных целей, как и нет конкретных «правил игры».

* * *

В частности, А. Хиншоу, А. Борбели и К. Красти описывают гибридную войну как киберпреступления, незаконное финансирование, шпионаж, слияния и поглощения, включая противоборствующих государственных субъектов, государственные похищения и незаконные задержания, где агрессор/нападающий (реальное лицо, принимающее решения) может быть неизвестен. Авторы выделяют две основные черты гибридной войны: нападающая сторона действует в тени и может даже не быть известна атакуемому; объект воздействия, как правило, узнает в конце игры, что он является целью, и может даже не знать, кто является нападающим [17].

Гибридная война позволяет субъектам-агрессорам «оставаться в тени» или хуже того — выдавать себя за представителей гражданского общества. Так, по мнению Ф. Хоффмана, участниками гибридной войны являются не только национальные суверенные государства, но и негосударственные субъекты. Он определяет гибридную войну как военную стратегию, сочетающую обычную, нерегулярную тактику и кибервойну, терроризм и преступное поведение в пределах боевого пространства для достижения политических целей. Кроме того, Хоффман утверждает, что проблема заключается в вовлеченности государственных и негосударственных субъектов, скрывающихся среди гражданского населения, создавая транснациональную угрозу, которая должна быть высокоприоритетной областью обсуждения [17].

Н.Р. Хайдин описывает перманентность субъекта-агрессора гибридной войны. Она убеждена, что термин «гибридная война» был придуман для обозначения борьбы различных политических фракций внутри одного государства. Гибридная война воспринимается как сочетание обычных военных и нерегулярных вооруженных групп, таких как партизаны, повстанцы и террористы, с общей политической целью [16].

Ряд ученых полагает, что диффузия субъекта является причиной столь широкого круга технологий и методов ведения гибридной войны. Конфликт переносится в виртуальную или кибернетическую среду. Теперь в результате «гибридизации» конфликта взаимодействуют не люди, а, например, беспилотники. Так, С. Бахманн, Д. Паттер, Г. Дучински утверждают, что понятие

«гибридная война» включает в себя полный спектр различных режимов ведения войны, в том числе обычные возможности, террористические акты, неизбежное насилие, принуждение и преступный беспорядок. По их мнению, гибридные войны могут вестись как государствами, так и различными негосударственными субъектами (с государственной поддержкой или без нее) [10].

Перманентный характер гибридной войны позволяет субъектам-агрессорам использовать разные сферы воздействия на «мишень». Гибридизация войны размывает представления о том, где война начнется и чем закончится. Профессор Базельского университета А. Петриг считает, что отличительной чертой гибридных войн является то, что они ведутся не только на суше, море и в воздухе, но и распространяются на информационную, кибер- и, что здесь важно, -правовую сферы. На ее взгляд, основная проблема заключается в том, что нет единой яркой линии, отделяющей мирное время от правового режима военного времени. Участники гибридной войны используют различные технологии, которые позволяют им оставаться на пороге между войной и миром, но при этом достигать своих конечных целей [22].

Деперсонализация войны снимает ответственность с агрессоров, уничтожает границу между понятиями «война» и «мир». Г. Бурцис рассматривает понятия «гибридная война» и «гибридные угрозы» как часть более обширного концепта «гибридный бизнес» — способность сочетать военные и гражданские, а также секретные и явные средства, направленные на создание двусмысленности между категориями «войны» и «мира», одновременно усиливая сомнения в этом вопросе. К понятию «гибридная война» автор относит ситуации, в которых акторы используют внутренние слабости государств с помощью невоенных средств [11].

Гибридная война — проявление бесконтактной войны. В современных условиях национальная безопасность страны может быть осуществлена только в условиях комплексных мер по защите государства. Так, А.Б. Москера и С.Д. Бахманн обращают внимание на использование закона как оружия (Lawfare), подчеркивая, что гибридная война берет свое начало в методах ведения войны прошлых конфликтов; она необязательно нова как категория конфликта, но при этом способна изменить будущее. Они утверждают, что гибридная война — это сочетание обычных и нетрадиционных методов войны, а также кинетических и некинетических средств в самых различных оперативных условиях. Данное понятие включает четыре существующих метода и категории войны: нерегулярная (например, терроризм и борьба с повстанцами), асимметричная (нетрадиционная война, такая как партизанская война), комбинированная (где нерегулярные силы используются против противника) и обычная война [21].

Бессубъектность противостояния поднимает актуальную проблему права в рамках гибридной войны. Современное состояние международных

отношений находится под угрозой, так как в наше время необходимость соблюдения наднациональных соглашений, канонов международного права, логика разоружения и многое другое теряют свою актуальность. Гибридная война позволяет оставаться агрессорам в «серой зоне» права, не нарушая порогов применения международных правовых норм.

Так, доцент университета Тарту (Эстония) Р. Вярк полагает, что понятие «гибридная война» представляет собой военные и невоенные меры нелинейным и дополнительным образом. Она подчеркивает, что различные средства и методы необязательно эффективны в отдельности, но именно их синергия приводит к желаемому результату. Вярк убеждена, что право также стало методом ведения войны. Так, государства намеренно используют правовые сложности для укрепления своих собственных позиций и подрыва позиций противников. Они могут пожелать сохранить интенсивность применяемых мер ниже порога «применения или угрозы силы», чтобы утверждать, что международное право не было нарушено и что противники не могут осуществлять самооборону [25].

«Неопределенность права» в гибридных войнах рассматривают С.Д. Бахманн и М. Джонс, трактующие гибридную войну как синтез из четырех существующих методов и категорий войны: терроризм, борьба с повстанцами, асимметричная и комбинированная войны, в которых используются регулярные и нерегулярные силы. Они указывают на элемент «правовой неопределенности» как следствие или цель гибридной войны, напоминающие о новой тенденции по созданию «серой зоны» [19].

* * *

Вторым свойством гибридной войны в рамках анализируемой идеи является симулятивность, относящаяся к ключевым классическим терминам постмодерна [1]. Другими словами, описательное поле в СМИ и реальное противостояние в гибридной войне обычно сильно разнятся. Кроме того, прямое противостояние, характерное классическим боевым действиям в гибридной войне, обычно подменяется противостоянием в виртуальном мире или даже киберпространстве.

М. Галеотти дает свою трактовку понятия «гибридная война» — это скрытая подрывная деятельность, дезинформация, кибератаки и различные незаконные способы сбора информации о противниках [15]. В свою очередь, С. Алкон и С. Кауфман, ссылаясь на данную трактовку, утверждают, что ряд возможных сценариев гибридной войны соответствует этому широкому определению [14]. Примерами здесь являются кибератаки, включающие требования выкупа за освобождение баз данных, замороженных вредоносным программным обеспечением [26]. Так, массовая атака программы-вымогателя на VMware ESXi в феврале 2023 года — яркий пример гибридной войны. На момент написания статьи во Франции было взломано более 900 серверов, а в США — около 400 [20].

Участник-агрессор не видит напрямую объект своего воздействия. Гибридная война использует кибератаки, информационные атаки и тому подобное. Таким образом, современный конфликт снимает необходимость в непосредственном соприкосновении участников противостояния. По мнению С. Алкон и С. Кауфман, гибридные военные атаки нацелены на такие ключевые общественные службы, как электро- или водоснабжение, или другие объекты муниципальной инфраструктуры [13; 23]. В 2019 году было совершено по меньшей мере 104 кибератаки с использованием программ-вымогателей на административные системы в школах и государственных учреждениях. Подобные действия выводят из строя ключевые сервисы и функции сети, поскольку хакеры, как правило, требуют крупный выкуп, как бы удерживая в заложниках правительственные учреждения или школы [13].

А.А. Ариди дает свое определение «гибридной войны», называя ее централизованно разработанной, координируемой и контролируемой войной, в которой используются скрытая и/или открытая тактика, военные и невоенные средства, обычная сила, экономическое давление, кибероперации, принудительные и подрывные методы, поддерживаемые повстанцами или используемые в качестве маскировки государственной агрессии под маской в том числе таких гуманитарных вмешательств, как, например, защита меньшинств [9].

Симуляционный характер гибридной войны может подменять основных участников конфликта посредниками в рамках прокси-войны. Х.С.Л. Кастро уверен, что победа на президентских выборах Жаира Болсонару в Бразилии в 2018 году является кризисом для страны и последствием гибридной войны. Он перечисляет ряд событий, которые, по его мнению, являются неотъемлемой частью такой войны. Например, демонстрации против повышения цен на проезд в городском транспорте в ряде городов под руководством «Движения за свободный проход» (MPL), — беспартийной по своей природе, но в целом прогрессивной организации со значительным участием сторонников тактики «черного блока», выступающей за уничтожение таких «капиталистических символов», как банки и магазины. В то же время в условиях чрезмерных репрессий со стороны полиции растет народное одобрение протестующих. Одновременно основные средства массовой информации, обычно освещавшие протесты как вандализм, начинают их воспринимать совершенно иначе, стремясь наложить на них печать консервативной повестки дня вроде борьбы с коррупцией. К акциям присоединяются и крайне правые группы, которые выступают с транспарантами и плакатами с просьбой о военном вмешательстве [12].

* * *

«Бессубъектность» гибридной войны формирует отсутствие организованной силы. Основными участниками могут быть военизированные группы, партизаны, бандформирования и так далее. Таким образом, гибридизация конфликта является проявлением «теневой стороны» глобализации,

а ее «перманентность» позволяет применить ряд новых инструментов и технологий гибридной войны. Как следствие, противостояние осуществляется в условиях многомерности пространства: экономические санкции, партизанские действия, демографические войны и так далее.

Отсутствие правил игры в гибридных войнах формирует «правовую неопределенность», субъекты-агрессоры осуществляют свои действия в так называемой «серой зоне», тем самым не оставляют возможности использовать международное право и традиционную самооборону [7; 8].

«Симуляция конфликта» как второе свойство рассматриваемой концепции указывает на проблему дифференциации информационного и реального поля в рамках противостояния в гибридной войне. В данном случае, «симуляция» актуализирует такие злободневные феномены как «фейковые новости» и «постправда», которые требуют отдельного обсуждения в научном сообществе.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла [Текст]: сб. эссе / Ж. Бодрийяр; пер. Л. Любарская, пер. Е. Марковская. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
2. Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. Гибридные войны в контексте постглобализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 160–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10.
3. Пашкова Л., Зыкина Т. Polskie Radio узнало о первых санкциях ЕС за «гибридные действия» России // РБК. 15 дек. 2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2024/675f1ebc9a7947416e98c943>.
4. Строкань С. Гибридная война с Трампом // Коммерсантъ. 2019. 25 окт. № 196.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук // Прогресс. М. 1977.
6. Цыганков П.А. «Гибридные войны» в XXI веке: социальные и политические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4.
7. Чихарев И.А., Бровко В.Ю. Гибридная война: к проблеме политологической интерпретации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2020. № 5.
8. Чихарев И.А. «Гибридная война»: реконструкция vs. деконструкция / Материалы научного семинара «„Гибридные войны“ в мировой политике XXI века» (февраль 2015 г., факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова) // ПОЛИТЭКС. 2015. Том 11. № 2.
9. Aridi A.A. How Hybrid Is Modern Warfare? // International Network of Doctoral Studies, 2017–5th International Conference of PhD Students and Young Researchers, How Deep Is Your Law? Brexit. Technologies. Modern Conflicts // Journal on Baltic Security 5(1): 17–26. April 27, 2017. DOI: 10.2478/jobs-2019-0002. URL: https://www.researchgate.net/publication/334967002_Hybrid_warfare_and_hybrid_threats_today_and_tomorrow_towards_an_analytical_framework.
10. Bachmann S.D., Putter D., Duczynski, G. Hybrid warfare and disinformation: A Ukraine war perspective. Global Policy, 00, 1–12. 2023. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/articles/conflict-and-security/hybrid-warfare-and-disinformation-ukraine-war-perspective>.

11. Bourtzis G. The Conduct of 'Hybrid Operations': Concept, Challenges and Application of The Rules of International Law on The Use of Force // University of Groningen Faculty of Law Research Paper. № 2. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/349857107_The_Interpretation_and_Application_of_the_'Sphere_of_application_of_CISG'_Formation_and_Modification_of_CISG_Contracts_and_Fundamental_Breach_of_Obligations_of_CISG_Parties_and_their_Remedies_Some_Evi.
12. Castro J.C.L. Neoliberalismo, guerra híbrida e a campanha presidencial de 2018 (Neoliberalism, Hybrid Warfare and the 2018 Presidential Campaign) // CASTRO, J. C.L. Neoliberalismo, guerra híbrida e a campanha presidencial de Bolsonaro // Comunicação & Sociedade, São Bernardo do Campo (SP), v. 42, n. 1, p. 261–291, janeiro-abril de 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/351708948_Neoliberalismo_guerra_hibrida_e_a_campanha_presidencial_de_2018.
13. Cranley E. 8 cities that have been crippled by cyberattacks – and what they did to fight them // Business Insider. Jan 27, 2020. URL: <https://www.businessinsider.com/cyberattacks-on-american-cities-responses-2020-1>.
14. Cynthia A., Kaufman S. A Theory of Interests in the Context of Hybrid Warfare: It's Complex // Cardozo Journal of Conflict Resolution. July 1, 2023. Vol. 24, No. 3, 2023, Texas A&M University School of Law Legal Studies Research Paper No. 23–29. URL: <https://ssrn.com/abstract=4541434>.
15. Galeotti M. The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War // Journal of Security & Strategic Analyses. — July 2023. 9(1): 94–96. DOI: 10.57169/jssa.009.01.0250. URL: https://www.researchgate.net/publication/372360900_The_Weaponisation_of_Everything_A_Field_Guide_to_the_New_Way_of_War.
16. Hajdin N.R. What is Hybrid War? – The Terminology Used to Describe Modern Warfare and Current Authority Under International Law // Juridisk Publikation // Faculty of Law, Stockholm University Research Paper № 107. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/340006068_Hybrid_War_as_a_Form_of_modern_international_Conflicts.
17. Hinshaw A., Borbely A., Chrustie C. Where Is Negotiation in Hybrid Warfare? // 24 CARDOZO J. OF CONFL. RES. 517. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/334959464_War's_Future_The_Risks_and_Rewards_of_Grey_Zone_Conflict_and_Hybrid_Warfare.
18. Hoffman F.G., Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Potomac Institute for Policy Studies Arlington, Virginia, 2007. 72 p.
19. Jones M., Bachmann S.D. Syria – A Hybrid War Case Study // Journal of Military and Strategic Studies. Volume 21, Issue 1. 2021. URL: <https://jmss.org/article/view/73754>.
20. Massive ransomware operation targets VMware ESXi: How to protect from this security threat // TechRepublic. February 7, 2023. URL: <https://www.techrepublic.com/article/massive-ransomware-operation-targets-vmware-esxi>.
21. Mosquera A.B., Bachmann S.D. Lawfare in Hybrid Wars: The 21st Century Warfare // journal of international humanitarian legal. Studies 7 (2016) 63–87. DOI: 10.1163/18781527-00701008. URL: https://www.researchgate.net/publication/312072465_Lawfare_in_Hybrid_Wars_The_21st_Century_Warfare.

22. Petrig A. Use of Force in Hybrid Naval Warfare Contexts: Applicability of the Law Enforcement or Conduct of Hostilities Rules? // Alexander Lott, Maritime Security Law in Hybrid Warfare // Brill. 2024. URL: https://ius.unibas.ch/fileadmin/user_upload/ius/09_Upload_Personenprofile/01_Professuren/Petrig_Anna/Publications_pdf/Manuscripts/Petrig_Use_of_Force_in_Hybrid_Naval_Warfare_Contexts_version_published_on_SSRN.pdf.
23. Schappert S. Two California Cities Hit with Ransomware in Two Days, Police Forced to Patrol Using Handheld Radios, CYBERNEWS (Feb. 11, 2023). URL: <https://cybernews.com/news/oakland-modesto-ransomware-attack-old-school-policing/> [<https://perma.cc/K82Y-GE22>].
24. Simons G. Operational implications and effects of informational and political dimensions of western hybrid warfare // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
25. Värk R. Legal Complexities in the Service of Hybrid Warfare // Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal. December 2020. DOI: 10.18523/kmlpj220732.2020-6.27-43. URL: https://www.researchgate.net/publication/347961882_Legal_Complexities_in_the_Service_of_Hybrid_Warfare.
26. Venkat A. Massive Ransomware Attack Targets VMware ESXi Servers Worldwide, CSO U.S. (Feb. 6, 2023, 10:44 AM). URL: <https://www.csoonline.com/article/3687095/massive-ransomware-attack-targets-vmware-esxi-servers-worldwide.html>.

Н.М. ВЕЛИКАЯ
Е.Ю. БЕРЁЗКИНА

ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТЫ VS ЛЕВОЦЕНТРИСТЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В ИТАЛИИ

Аннотация. В статье проанализированы предвыборные программы и результаты выборов 2024 года в региональные ассамблеи Итальянской Республики в трех южных регионах страны (Сардиния, Абруццо и Базиликата). С помощью метода контент-анализа авторы исследуют предвыборные программы партий и коалиций-участниц выборов и определяют ключевые темы предвыборных кампаний основных кандидатов. Основная цель работы — исследовать позиции популистских партий после национальных выборов в сентябре 2022 года, а также описать тренды развития политического процесса в Италии.

Ключевые слова: популизм, популистские партии, правые популисты, левые популисты, электоральные стратегии, электоральные технологии, выборы, Италия.

RIGHT-WING POPULISTS VS LEFT-CENTRED PARTIES: REGIONAL ELECTIONS IN ITALY

Abstract. The article analyzes the electoral programs political parties and their results of the 2024 regional elections in the three southern regions of the Italian Republic (Sardinia, Abruzzo and Basilicata). The major method used by the authors was the content analysis method. The electoral programs of parties and coalitions participating in the elections were analysed, the key topics of the election campaigns have been identified. The main goal of the work is to explore the positions of the populist parties after the national elections in September 2022, as well as to describe the trends in the development of the political process in Italy.

Keywords: populism, populist parties, right-wing populists, left-wing populists, electoral strategies, electoral technologies, elections, Italy.

Электоральные успехи правых популистских партий в Италии на электоральных циклах последних лет ставят перед политологами вопросы, связанные с поиском причин их популярности и оценкой перспектив устойчивости и стабильности правопопулистского правительства председателя Совета министров Италии Джорджи Мелони.

ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна — доктор политических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: 0000-0001-5532-844X, г. Москва
БЕРЁЗКИНА Елена Юрьевна — младший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, старший преподаватель РЭУ имени Г.В. Плеханова, ORCID: 0000-0001-8082-3880, г. Москва

Итальянский популизм представлен партиями со стороны как правой, так и левой частей политического спектра. В настоящее время к правым популистам относят политические партии «Лига» (Lega) и «Братья Италии» (Fratelli d'Italia). Соглашаясь с такими аналитиками Европейского центра исследований популизма (ECPS), как Чечилиа Бианкалана [1], Даниэле Арбетрацци и Дункан МакДоннелл [2], мы можем включить сюда и основанную Сильвио Берлускони партию «Вперед, Италия» (Forza Italia). Названные правые популистские партии характеризуются как неоконсерваторы [3, р. 25–43] и евроскептики, активно использующие исторический ресентимент с акцентом на суверенитет страны и выступающие за ограничение миграционных потоков [4, р. 1–20; 5, р. 624–641].

К левым популистам эксперты относят партию «Движение 5 Звезд», которую итальянские исследователи описывают как неолибералов [6], продвигающих идеи антиэлитизма, «неполитики», «зеленой» политики и прямой демократии [7].

В последние годы «зеленые» партии Италии также стали использовать популистские стратегии (так называемый Красно-зеленый альянс — Alleanza Verdi-Sinistra e Azione, выступает не только за защиту окружающей среды, но и активно поддерживает идеи расширения прав работающих и введение гарантированного базового дохода), что дает им возможность активно участвовать в коалициях как с левыми, так и с правыми силами.

Особенности функционирования политической системы Италии требуют обращения к итогам не только национальных, но и региональных выборов, которые часто задают вектор развития политического процесса и позволяют отследить изменения в положении ведущих итальянских политических партий в режиме реального времени и в частности прогнозировать их результаты на будущих выборах в 2027 году (если не возникнет необходимость проводить национальные выборы раньше положенного срока).

При этом специфика выборов в региональные ассамблеи практически не освещается в итальянской политологии, что дополнительно актуализирует изучение электорального процесса на региональном уровне.

Для актуализации подхода к реализации задач нашего исследования о функционировании политических партий в Европе данная работа проводилась с опорой на публикации современных исследователей.

Прежде всего, это работы итальянской исследовательницы демократии и социальных движений Донателлы делла Порты [8; 9, р. 278–290], которая обращает внимание на ослабление идеологических коннотаций при выстраивании коммуникации современных политических партий и движений с избирателями.

Отдельного интереса заслуживают исследования Альберты Джорджи [10, р. 278–290], Мерседес Баррос [11], Марко Дамиани [12, р. 249–267], Эмилии Палонен [13], связанные с изучением популизма как в Европе, так и в Италии. Эти ученые предлагают несколько направлений изучения

современного популизма. В частности, А. Джорджи и М. Баррос рассматривают популизм и его проявления по отношению к таким явлениям как феминизм, религия или гендерная политика в Европе [14].

Другое направление исследований сфокусировано на поиске наиболее релевантного академического подхода к исследованию популистского разнообразия, включая изучение популизма посредством дискурса или коммуникации популистов в интернет-медиа и социальных сетях [12; 13, р. 546–561].

Проблемы кризиса классических политических партий в Европе нашли отражение как в работах отечественных авторов Е.С. Алексеенковой [14], С.М. Гавриловой [15, с. 21], Б.П. Гуселетова [16, с. 28–38] и С.А. Шеина [17, с. 34–41], так и зарубежных специалистов М. Каиани [18] и Р. Ламприни [19].

Следуя логике ведущих исследователей итальянского популизма, мы рассматриваем популизм как «идеологию, которая противопоставляет однородную группу добродетельного народа группе элит и опасных „других“, которые вместе изображаются как лишаящие (или пытающиеся лишить) суверенный народ его прав, ценностей, процветания, идентичности и голоса» [20], а также как «особый менталитет, который идентифицирует народ как органическую целостность, искусно разделенную враждебными агентами» [21]. Отдельное внимание обращается на ситуационную составляющую политического дискурса лидеров и референтных лиц, представляющих популистские партии. Наиболее продуктивным для целей нашего исследования мы считаем подход Чечилии Бьянкаланы [1], в рамках которого были типологизированы популистские партии по принципу их принадлежности к какой-либо из групп в Европарламенте, а также их позиционированию по ключевым проблемам (суверенитет, евроскептицизм, гражданская свобода, гендерное равенство, «зеленая» повестка).

Специфика региональных выборов

В 2024 году в 5 из 20 итальянских регионов проходили выборы, на которых сроком на 5 лет избирались председатели региональных администраций (губернаторы) и члены региональных советов, чьи полномочия определяются статьей 121 Конституции Италии в редакции от 1999 года [1].

Для Италии нехарактерна организация единого дня голосования, что позволяет крупным партиям изучить потребности каждого региона и адаптировать свою предвыборную кампанию к выявленным запросам. Избирательное законодательство в разных регионах страны может отличаться, но тем не менее выборы проходят по системе партийных списков, что способствует активному партийному строительству и высокой межпартийной конкуренции на региональном и местном уровнях, где, как и на национальном уровне, допустимо создание коалиций и привлечение к участию в выборах и региональных общественных движений.

В первой половине 2024 года выборы проходили в южных регионах¹, которые традиционно отличаются от северных меньшей экономической успешностью, более низким уровнем урбанизации и большей криминогенной обстановкой. В XXI веке именно юг Италии первым сталкивается с потоками нелегальной миграции, а это неблагоприятно влияет на социально-экономическую обстановку и не способствует преодолению неравенства в области экономического развития и социального благополучия в этих местах.

По данным Национального института статистики, в южных регионах Италии (*Mezzogiorno*) показатели бедности существенно выше и составляют 10,7 процента семей, в то время как в северных регионах таких семей — 7,5 процента, в центральных — 6,4 процента [4]. Ухудшение экономического положения связывается с ускорением роста инфляции, что в большей степени влияет на качество жизни малообеспеченных слоев населения. При опросе 58,3 процента семей на юге Италии заявили, что в 2022 году они старались сократить свои расходы [5]. Результаты экономического развития в целом страны и отдельно ее южных регионов продемонстрировали неспособность местных администраций адаптироваться к внешним вызовам и принимать эффективные меры, что в большей степени отразилось на бедных слоях населения.

Сочетание неблагоприятных экономических и социальных условий сформировало запрос на изменение курса региональной политики и обострило политическую конкуренцию. В региональных выборах 2024 года участвовало порядка 39 партий и общественных движений (на Сардинии — 25, в Базиликате — 13, в Абруццо — 12).

Здесь партийно-политическая конкуренция определялась общим партийно-политическим ландшафтом, который в Италии постоянно подвергается изменениям [22, р. 95–109]. Тем не менее за последние три электоральных цикла произошла некоторая стабилизация и в политическом пространстве прочно закрепились как партии традиционного типа (Демократическая партия), так и популистские партии разных взглядов (левые популисты — «Движение 5 Звезд», правые популисты — «Лига», «Братья Италии», «Вперед, Италия»).

Нужно отдельно подчеркнуть особую роль партийных объединений в избирательном процессе. Наличие большого количества партий, которым сложно преодолевать проходной барьер, способствует активной коалиционной стратегии, что повышает шансы отдельных кандидатов на прохождение в законодательные ассамблеи именно в составе коалиций. Согласно закону о выборах, проходной барьер для коалиций составляет 10 процентов, а для отдельной партии — 3 процента (*Legge 3 novembre 2017, n. 165*) [3].

¹ На юге страны, в Сардинии — 25 февраля; в Базиликате — 21–22 апреля; в центральной части — в Абруццо — 10 марта.

При этом в состав коалиций могут входить партии из разных сегментов политического спектра.

Во всех трех регионах основная борьба развернулась между кандидатами левого и правого блоков. На Сардинии, которая имеет особый статус (п. 5, ст. 115 Конституции Италии) и может самостоятельно вносить некоторые изменения в избирательные процедуры, выборы проходили по двум несвязанным спискам. Отдельно выбирали главу региона, отдельно голосовали за партии.

В Абруццо и в Базиликате, в отличие от Сардинии, голосование за главу региона и региональный совет происходит по одному списку, когда список от партии (коалиции) возглавляет кандидат на пост главы региона. В частности, в Абруццо избиратель на региональных выборах может голосовать тремя способами: проголосовать за одного из кандидатов на пост главы региона, — при этом его голос не распространяется на связанные списки; проголосовать за партию и ее избирательный список, — в этом случае голос за главу региона считается автоматически, в зависимости от того, какого кандидата на данных выборах поддерживает партия; проголосовать за кандидата на пост главы региона и один из связанных с ним списков [17].

Итоги региональной избирательной кампании на Сардинии

Кандидаты-фавориты, представляющие левоцентристскую и правоцентристскую коалиции, получили на Сардинии практически равное количество голосов.

Результаты региональных выборов на Сардинии²

Кандидат	Коалиции и независимые кандидаты	Результат (в %)
Алессандра Тодде	Левоцентристская	45,4
Паоло Труцци	Правоцентристская	45
Ренато Сорү	Радикальный левый кандидат	8,6
Лучия Кесса	Независимый кандидат	1

Левоцентристский блок, в который входят Демократическая партия (Partito Democratico della Sardegna), «Движение 5 Звезд» (Movimento 5 Stelle) и другие менее значимые для итальянского политического ландшафта партии, поддержал кандидата Алессандру Тодде (Alessandra Todde) из «Движения 5 звезд».

² Источник: <https://elezioni.repubblica.it/2024/regionali/25-febbraio/sardegna/>.

Ее предвыборная программа охватывает 5 ключевых направлений: внимание к здравоохранению; продвижение «хорошей работы»; развитие особой экономической модели; сохранение окружающей среды; качественное образование; представительство в ЕС и привлечение инвестиций [14]. Стилистика программы в основном традиционна и характерна для «Демократической партии Италии». Тодде не обошла вниманием и гендерную проблематику, часто используемую социалистическими и социал-демократическими партиями [23, с. 8–23]. В частности, в рамках предвыборной кампании она затрагивала тему феминицида, столь популярную ныне в местных средствах массовой информации.

Правоцентристский блок, основу которого составили как правые популистские («Лига», «Братья Италии», «Вперед, Италия»), так и более классические правые партии, поддержали мэра города Кальяри (административный центр Сардинии) Паоло Труцци (Paolo Truzzi), представляющего партию «Братья Италии». Однако опыт работы мэром нельзя было назвать преимуществом этого кандидата, так как население было недовольно результатами его работы. Издание L'Espresso приводит результаты опросов, по которым Труцци занял 84 место из 87 возможных в рейтинге мэров Кальяри [15].

Его предвыборную программу, состоящую из 10 пунктов, отличает краткость и лаконизм. Как член партии «Братья Италии», занимающей ведущие позиции в национальном парламенте, Труцци выступает за диалог с национальным правительством; укрепление регионального здравоохранения и реорганизацию сети медицинских учреждений; материальную и фискальную мотивацию компаний, осуществляющих транспортные перевозки на острове. В программу кандидата были включены и пункты, связанные с поддержкой местных сельскохозяйственных производителей, привлечением инвестиций в энергетику, развитием туристического потенциала и борьбой с бедностью и безработицей [16].

Коалиционный кандидат от партий (Movimento Progetto Sardegna, Vota Sardegna, +Europa-Azione con Soru, Liberu, Partito della Rifondazione Comunista-Sinistra Europea) Ренато Сорю (Renato Soru), ранее (в 2004 г.) избиравшийся на пост губернатора Сардинии от левоцентристской коалиции, на этих выборах представлял более радикальную позицию практически по всем вопросам. В своих публичных выступлениях он призывал к усилению автономности региона в вопросах самоуправления, критикуя национальное правительство правых партий [10]. В его предвыборной программе присутствовали традиционные для современного популизма предложения произвести модернизацию и упростить государственное управление [10].

Еще один кандидат, озвучивающий популистские идеи, — это Лучия Кесса (Lucia Kessa), поддерживаемая партией Sardigna R-Esiste, которая в рамках своей предвыборной кампании активно выступала против сардинской власти и действующего выборного законодательства, называя избирательную

систему недемократичной, а сложившееся противостояние между левыми и правыми — фальшивым бипартизмом [13].

Несмотря на победу Алессандры Тодде — кандидата левых, правые партии пользуются широкой поддержкой населения. Результаты «Братьев Италии» (13,6%) сопоставимы с лидерами левоцентристского блока — Демократической партией, которые получили 13,8 процента голосов. Союзник «Братьев Италии» — политическая партия «Лига» получила менее 4 процентов голосов, что указывает на ее нестабильное положение в регионе и может стать предвестником более серьезных проблем на европейском и национальном уровнях [22].

В целом результат левоцентристской коалиции составил 45,5 процента, а правоцентристской — 45 процентов, а коалиция центра (8,7% голосов) и партия Sardinia R-Esiste не сумели преодолеть проходной барьер.

По итогам распределения мандатов в региональный парламент Сардинии прошло 60 депутатов, большинство мест отошло к представителям правых политических сил. Представители левой коалиции получили 36 мест, правой — 24 места.

Выборы в Базиликате

Отличие проведения выборов в Базиликате от других регионов заключалось в том, что здесь один из кандидатов представлял партию, а не коалицию. Еустахьо Фоллиа (Eustachio Follia) был поддержан небольшой панъевропейской партией «Вольт» (Volt). Другие 2 кандидата — Вито Барди от коалиции правоцентристских партий и Пьеро Маррезе — были выдвинуты от коалиции левых партий.

Основа коалиции правых — уже упомянутые ведущие правые популистские партии (Fratelli d'Italia, Forza Italia, Lega Salvini Basilicata). Ее выдвиженец — победитель региональных выборов в Базиликате 2019 года В. Барди, повторно баллотировался на пост главы региона. Программа коалиции была представлена на личной странице кандидата в Facebook [18] (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации). Она тезисная и фокусируется вокруг четырех тем: совершенствование инфраструктуры и развитие транспортной доступности; совершенствование энергетики; развитие цифровой экономики и инноваций; защита окружающей среды. Как правило, подобное содержание и формат предвыборной программы свойственны популистским партиям, но, скорее, левым популистам, так как для правых в ней мало обещаний, направленных на поддержку малообеспеченных слоев населения и бизнеса.

Левоцентристскую коалицию составили Демократическая партия, популисты «Движения 5 Звезд», «Зеленые» и местные региональные партии. Кандидат коалиции П. Маррезе так же, как и кандидат правых, имел управленческий опыт в регионе. На момент выборов он занимал должность главы провинции (иное деление территории, более мелкое, чем регион) Матера.

Программа левой коалиции разделена на 15 подтем. Притом на первое место выведены такие вопросы, как здравоохранение, социальная сфера, работа, культура и проблемы молодежи [20]. Несмотря на то, что предвыборная программа представлена в классическом формате для такого типа документов, она менее содержательна по смыслу, — в ней нет описания конкретных шагов, что нехарактерно для такого документа и приоритизации проблематики.

Политическая партия «Вольт» стремится укрепиться в 10 европейских странах, в том числе и в Италии. Ей присуща универсализация своей предвыборной программы для всех стран присутствия. На выборах в Базиликате она поддержала Е. Фоллиа, в программе которого выделяется 7 ключевых тем: здравоохранение; меры по возвращению мигрировавшей молодежи; социально-экономическое развитие; совершенствование инфраструктуры; развитие инноваций; новое территориальное деление; развитие идентичности жителей региона [10]. В программе кандидата заметен акцент на историческое наследие региона. Даже вместо актуального обозначения местности Базиликата в программе используется название «Лукания» (Lucania), которое регион носил в 1799–1820 и 1932–1947 годы.

Для правых популистов победа их выдвиженца — результат работы коалиции и личный успех кандидата, который повторно смог избраться на свой пост. Результат партии «Вольт» и их кандидата указывает на классическую для Италии проблему: невозможность электорального успеха при отказе от коалиции.

Сравнивая показатели ведущих партий из правой и левой коалиций, можно сказать о почти равной поддержке «Братьев Италии» и Демократической партии. «Движение 5 Звезд» и «Лига» теряют ведущие позиции.

Результаты региональных выборов в Базиликате³

Кандидат	Коалиция/ партия	Результат (в %)
Вито Барди	Правоцентристская	56,6
Пьеро Маррезе	Левоецентристская	42,2
Еустако Фоллиа	Volt	1,2

В региональном совете 13 из 21 места получили представители правоцентристской коалиции, в которой лидируют «Братья Италии» с 4 мандатами, у левоцентристской оппозиции 8 мест, 3 из которых достались Демократической партии.

³ Источник: <https://elezioni.repubblica.it/2024/regionali/21-aprile/basilicata/>.

Как голосовало Абруццо

В регионе Абруццо коалиция правых выдвинула Марко Марсилио, который баллотировался на эту должность будучи главой региона. Левоцентристская коалиция выбрала своим кандидатом Лучиано Д’Амико. Партии-участницы не представили отдельные предвыборные программы, поскольку это сделали сами кандидаты, а партийные коалиции поддержали их программы.

Предвыборная программа кандидата правоцентристской коалиции акцентировала внимание избирателей на результатах работы М. Марсилио [17]. Его предвыборная программа охватывала следующие проблемы: разноаспектное экономическое развитие региона с акцентом на инновационность практикуемых подходов среди южных регионов; последствия пандемии COVID-19 и ее преодоления; классические предложения финансовой поддержки культурного наследия региона и культурных мероприятий.

Программа кандидата левоцентристской коалиции отличалась философским вступлением и своей ориентацией на будущее. В ней преобладают вопросы будущего развития, по сравнению с которыми даже темы здравоохранения, борьбы с безработицей и поддержкой бизнеса выглядят вторичными. В отличие от программы правых в предвыборной программе Л. Д’Амико содержатся экологические пункты и обозначаются стремления перехода к зеленой энергетике.

Однако более активные стратегии избирательной кампании правых, задействовавших в продвижении регионального кандидата Джорджу Мелони, которая спустя 2 года на посту премьер-министра не исчерпала кредит доверия итальянцев, позволили им выиграть выборы с результатом в 53,5 процента.

Результаты региональных выборов в Абруццо⁴

Кандидат	Коалиция	Результат (в %)
Марко Марсилио	Правоцентристская	53,5
Лучиано Д’Амико	Левоцентристская	46,5

Результаты голосования демонстрируют стабильно высокую поддержку правых партий и партии Джорджи Мелони. «Братья Италии» не только набрали больше всего голосов в Абруццо среди правых партий, обогнав других правых популистов, но и опередили своего конкурента из левого блока — Демократическую партию.

Для политической партии «Лига» голосование в Абруццо оказалось серьезным испытанием, — она набрала наименьшее количество голосов

⁴ Источник: <https://elezioni.repubblica.it/2024/regionali/10-marzo/abruzzo/>.

среди правых популистов, что указывает на нестабильность ее положения и предвещает более серьезные проблемы в будущем.

31 место в региональном совете Абруццо было распределено следующим образом: 18 мест получила правоцентристская коалиция; у «Братьев Италии» 9 мест; 13 мест оказалось у левоцентристской оппозиции, в которой большинство составляют представители Демократической партии.

Заключение

На наш взгляд, можно выделить следующие особенности региональных выборов 2024 года.

1. *Высокий уровень политической конкуренции.* Основная борьба разворачивалась не только между сторонниками право- и левоориентированной политики, но и при участии внекоалиционных кандидатов. Кроме того, в исследуемых регионах коалиционные кандидаты являлись представителями разных партий, что может указывать на внутрикоалиционную борьбу и на то, что ни одна из политических партий не занимает устойчивое доминирующее положение. Помимо широко известных общенациональных партий, в выборах участвовали и региональные объединения. Особенно ярко это проявилось на Сардинии: Orizzonte Comune, Progressista, Sardi in Europa, Sinistra Futura, Riformatori Sardi, Sardegna al Centro 20venti, Partito sardo d'azione, Alleanza Sardegna — Partito Liberale Italiano, Movimento Progetto Sardegna, Vota Sardinia, Liberi, Sardinia R-Esiste. В Абруццо и Базиликате региональные партии также выступили в составе как левоцентристской, так и правоцентристской коалиций: Abruzzo Insieme, Abruzzo Progressista e Solidale — в Абруццо; Orgoglio Lucano, La Vera Basilicata, Basilicata Casa Comune, la Basilicata Possibile, Basilicata Unita — в Базиликате.

2. *Широкое распространение коалиционной практики,* когда в блоки объединяются не только партии, близкие по своим позициям в политическом спектре. Мы видим самые разные конфигурации блоков: левые и популисты, центристы и левые, правые радикалы и правые популисты. На Сардинии в левоцентристском блоке были представлены и классические партии, и популисты. Интересно, что здесь партии Azione и Italia Viva поддерживали кандидата левоцентристской коалиции, а в Базиликате они выбрали кандидата от Forza Italia.

3. *Основу левоцентристских коалиций во всех регионах составляли партии Partito Democratico, Movimento 5 Stelle и Alleanza Verdi Sinistra.* Правоцентристские коалиции создавались на основе трех популистских партий («Братья Италии», «Вперед, Италия», «Лига») с явным лидерством у политической партии «Братья Италии». К этой популистской основе присоединялись региональные объединения, в том числе и выступающие за автономию регионов (Sardegna al Centro 20venti, Partito sardo d'azione).

4. *Изменение политического ландшафта* определяется в южных регионах сдвигом электоральных симпатий по отношению к лидерам и партиям

правого толка, что ранее не было свойственно южным регионам, где традиционно преобладали левые. При этом победа правых стала возможна в первую очередь благодаря популистским партиям, которые составили основу правоцентристской коалиции не только в регионах, но и на национальном уровне. Кроме того, на успех правых повлиял личный кредит доверия лидера «Братьев Италии» — Джорджи Мелони. Единственным регионом, сохранившим преобладание левых сил в региональной ассамблее, оказалась Сардиния.

5. *Персонификация политики*, о которой уже писали итальянские политологи [18; 19; 20], в значительной степени проявляется и на региональном уровне, что подтверждают результаты выборов в Абруццо и Базиликате, где были переизбраны главы регионов, представляющие партии «Братья Италии» и «Вперед, Италия», которые провели активную и успешную избирательную кампанию с привлечением референтных лиц и новых технологий. Для регионального избирателя по-прежнему имеет значение в большей степени личность, открытость в частной жизни, опыт и результат работы кандидата в регионе, а в меньшей — его партийная принадлежность.

6. *Содержание предвыборных программ* победивших коалиций показывает, что избиратели ценят лаконичность и прозрачность месседжа, позитивный настрой и ориентацию на будущее. Поскольку южные регионы страны оказались в большей степени подвержены негативным последствиям спада в экономике, то программы партий, акцентирующих внимание на различных аспектах развития региона, включая инфраструктурное развитие и привлечение инвестиций, оказались более привлекательны, чем программы, опирающиеся на критику существующих проектов и предлагающих неконкретные методы поддержки социальной сферы.

7. *Сохранение позиций правящей партии* Джорджи Мелони, в том числе в регионе, где правая коалиция не набрала большинство (Сардиния), «Братья Италии» имеют сопоставимый результат с лидерами левой коалиции (Демократическая партия). Однако говорить об устойчивом положении всех правых популистских партий не приходится. По сравнению с выборами прошлого электорального цикла, политическая партия «Лига» продолжает терять свои позиции.

8. *Левые популисты также переживают не лучшие времена*: результат 7–8 процентов от общего количества проголосовавших ставит партию «Движение 5 Звезд» на третье место в левоцентристской коалиции. Для партии, которая смогла в 2013 году избраться в парламент Италии вне коалиции, такой результат — свидетельство серьезных проблем. Неудачный выбор лидера партии на национальном уровне (Джузеппе Конте) и внутрипартийные конфронтации привели ее к потере узнаваемого стиля и ухудшению электоральных результатов. Выбор Алессандры Тодде в качестве коалиционного кандидата на Сардинии и ее победа на выборах 2024 года — скорее результат отсутствия более яркого кандидата от левоцентристской коалиции, чем признак популярности «Движения 5 Звезд» среди избирателей.

* * *

Выборы в Европарламент, прошедшие в июне 2024 года, подтвердили результаты Демократической партии (21 представитель в Европарламенте) и «Братьев Италии» (24 представителя; получили 18 новых мест по сравнению с предыдущим электоральным циклом), что позволяет говорить о сохранении ими устойчивых позиций в итальянской политической системе. Судьба «Движения 5 Звезд» (8 мест в Европарламенте, потеряли 6) и партии «Лига» (8 мест в Европарламенте, потеряли 21 место) в ближайшее время представляется менее определенной и во многом будет зависеть от внешних обстоятельств и возможностей политических партий реагировать на эти обстоятельства, а также формировать привлекательные для итальянского электората предложения, эффективности стратегий их продвижения и личной харизмы кандидатов-представителей партий.

Список литературы

1. Albertazzi, D. and McDonnell, D. 2008. «Introduction: The Sceptre and the Spectre.» In Biancalana, C., *The Spectrum of Italian Populist Parties in the 2024 European Elections: A Shift to the Right*, 2024 EP Elections under the Shadow of Rising Populism, European Center for Populism Studies (ECPS. October 22, 2024). DOI: 10.55271/rp0075.
2. Albertazzi, D. and McDonnell, *Populists in Power*, 2015, Routledge, London, 218 p.
3. Conti, N., Di Mauro, D., & Memoli, V., Euroscepticism and populism in Italy among party elites and the public, *Italian Journal of Electoral Studies (IJES)*, 2022, 85(1).
4. Bressanelli E., & De Candia, M. *Fratelli d'Italia in the European Parliament: between radicalism and conservatism*, Contemporary Italian Politics, 2023.
5. Brunazzo M., & Gilbert, M. Insurgents against Brussels: Euroscepticism and the right-wing populist turn of the Lega Nord since 2013, *Journal of Modern Italian Studies*, 2017, 22(5).
6. Rossi N. Populism without a people: neoliberal populism and the rise of the Italian far right. *Journal of Political Ideologies*, 2023, p. 1–21. DOI: 10.1080/13569317.2023.2196241.
7. Musso M., & Maccaferri, M. At the origins of the political discourse of the 5-Star Movement (M5S): Internet, direct democracy and the «future of the past.» *Internet Histories*, 2018, 2(1–2), p. 98–120. DOI: 10.1080/24701475.2018.1457295.
8. Della Porta D., Felicetti A. Democratic deliberation, social movements and the quest for democratic politics // *PArtecipazione e CONflitto*, The Open Journal of Sociopolitical Studies, 2018, Issue 11(1). p. 261–268. DOI: 10.1285/i20356609v11i1p261.
9. Della Porta D., Portos M. *Populism and social movements / Research Handbook on Populism*, Edward Elgar Publishing, 2024.
10. Giorgi A., Eslen-Ziya H. *Populism and Science in Europe*, Palgrave MacMillan, 2022, 302 p.

11. Barros M.M., Martinez N.M. *Feminism and Populism with No Guarantee*, Università di Trieste, Etica & Politica, 2023, V. 25, I. 2.
12. Damiani M. *Populist Radical Left Parties in Western Europe* (1st ed.). Routledge, 2020, 214 P. DOI: 10.4324/9781351022668.
13. Vulvic M., Polonen E. Nationalism, populism or peopleism? Clarifying the distinction through a two-demensial lens // *Nations and nationalism*, 2024, V. 29, I.2.
14. Алексеенкова Е.С. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики, М., 2023 DOI: 10.15211/9785981632136. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2023/al2023.pdf> (дата обращения: 16.07.2024).
15. Гаврилова С.М. Рост правопопулистских настроений и кризис традиционных политических партий в Европе // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2017. № 6(75).
16. Гуселетов Б.П. О трансформации института политических партий в эпоху глобализации на примере Европы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 5.
17. Шеин С.А. Роль консерватизма в развитии правового популизма в Европе // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020. Т. 64. № 2.
18. Caiani M., Graziano P. *Understanding varieties of populism in times of crisis / Varieties of Populism in Europe in Times of Crises*, Routledge, 2021.
19. Lamprini R. Part y Politics and Campaign Strategies: Policy Making and Organizational Changes of the Greek Socialist Part y During the 2004 Electoral Campaign // *Journal of Political Marketing*, 2008, 7:3–4, 295–322. DOI: 10.1080/15377850802008343.
20. Albertazzi D. and McDonnell, D. 2008. «Introduction: The Sceptre and the Spectre.» In: *Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy*. Eds. Daniele Albertazzi and Duncan McDonnell. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1–11.
21. Tarchi M., *Populism: Ideology, Political Style, Mentality?* Czech Journal of Political Science, 2016, 23(2). P. 95–109. DOI: 10.5817/PC2016-2-95.
22. Zeneli V., Santoro F. COVID-19 Pandemic and How It Affected Sino-Italian Relations. *Orbis*. 2023;67(3):441–463. DOI: 10.1016/j.orbis.2023.06.007. Epub 2023 Jun 28. PMID: 37397567; PMCID: PMC10306119 (access date: 14.04.2024).
23. Великая Н.М., Березкина Е.Ю. Особенности женского представительства в законодательных органах власти Европы: левые против популистов // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 2S. DOI: 10.19181/nko.2022.28.2S.1. EDN: HBDIZD.

О КАЧЕСТВЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ ЗАПРЕТА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДА

Аннотация. В условиях глобализации и расширения демократических процессов вопрос о роли и месте гражданского общества становится особенно актуальным. Запрет коммунистических партий как важный элемент политической практики напрямую влияет на формирование и функционирование гражданского общества. В статье рассматриваются основные аспекты правового регулирования запрета политических организаций, сущности гражданского общества, анализируются подходы правового регулирования различных стран к этому вопросу. На основе правоприменительной практики западных государств выявляются как положительные, так и отрицательные последствия подобных запретов для демократических процессов и качества гражданского общества в целом.

Ключевые слова: гражданское общество, демократизм, ЕСПЧ, запрет партии, коммунизм, ликвидация партии, политические партии, система партий.

ON THE QUALITY OF CIVIL SOCIETY IN LIGHT OF THE BAN OF COMMUNIST PARTIES IN THE PARTY SYSTEMS OF WESTERN COUNTRIES

Abstract. In the context of globalization and the expansion of democratic processes, the question of the role and place of civil society is becoming especially relevant. The ban of communist parties, as an important element of political practice, directly affects the formation and functioning of civil society. The article examines the main aspects of legal regulation of the ban on political organizations, the essence of civil society, as well as a comparative analysis of the approaches of legal regulation of various countries to this issue. Based on the law enforcement practice of Western countries, both positive and negative consequences of such bans for democratic processes and the quality of civil society as a whole are revealed.

Keywords: civil society, democracy, ECHR, ban on a party, communism, liquidation of a party, political parties, party system.

Сегодня гражданское общество и его характеристики находятся в фокусе внимания специалистов по правоведению, рассматривающих его в контексте политической обстановки и обращающихся к нему как к показателю уровня

общественного развития [1, с. 95–103]. Исследуя гражданское общество в качестве ключевого субъекта политической системы и как комплекс общественных институтов, организаций и отдельных инициатив, исследователи определяют его функциональные особенности как зависящие от механизмов регулирования политической среды, — в частности, от правовых, среди которых выделяются идеологические ограничения, затрудняющие свободное образование политических партий авторитарного и тоталитарного образца. К партиям, в отношении которых используется правовой запрет, можно отнести и политические организации коммунистического толка.

В западных странах запреты и ограничения, применяемые по отношению к коммунистическим партиям, становятся причиной обширных дискуссий, затрагивающих не только основы политической науки, но и прикладную правовую деятельность. Возникает немало проблемных тем: насколько запрет коммунистических партий соответствует принципам демократического общества; влияет ли он на вектор, по которому происходит развитие гражданского общества; действительно ли запрет коммунистических партий защищает ту систему общественных ценностей, которая позиционирует себя демократической; как ограничения деятельности партий, требования об их роспуске и запреты на регистрацию влияют на то доверие, которое проявляют избиратели к актуальной партийной системе [2, с. 14–25].

Эти и многие другие вопросы теоретического и прикладного характера находят свое отражение в исследованиях сравнительно-правового толка, ориентированных на поиск новых подходов, способных упорядочить механизмы регулирования гражданского общества в рамках различных политических систем в свете запрета коммунистических партий.

Цель нашей статьи заключается в изучении действия, которое идеологические ограничения оказывают на состояние гражданского общества, а также в исследовании влияния запрета отдельных политических партий (в первую очередь — коммунистических) на гражданское общество. В контексте достижения этой цели выясняется воздействие таких ограничений на функционирование политической системы и уровень общественно-политической активности населения в разрезе наличия реального политического плюрализма, а также определяется комплекс общих связей и взаимного влияния между системой государственной власти и гражданским обществом. Достижение указанной цели будет производиться с учетом функциональных особенностей гражданского общества и характерных черт тех механизмов правового регулирования, которые применяются для упорядочивания политической деятельности в западных странах.

Западные политические партии позиционируют идеологические ограничения, накладываемые на партийную и индивидуально-гражданскую деятельность, как способ защиты сохранения прав и свобод человека. Считая, что цели, которые преследуют ограничиваемые в работе партии, так или иначе негативным образом влияют на национальную целостность и суверенитет,

регистрирующие органы накладывают на политические организации ряд запретов и ограничений, эффективность которых вызывает споры ввиду того, что они вступают в противоречие с целым рядом демократических принципов [3, с. 74–81]. Изучение правового регулирования в зарубежных системах политических партий, а также определение характерных особенностей их регистрации и ликвидации позволят выявить последствия вводимых запретов и ограничений для характеристики гражданского общества и свойственных ему демократических процессов. Посредством исследования позиции гражданского общества стран Запада относительно запрета коммунистических партий и анализа опыта таких ограничений можно определить направления оптимизации нормативно-правового регулирования партийной деятельности в Российской Федерации.

* * *

Одна из первых практик запрета на ведение партийной деятельности в послевоенной Европе имела место в 1956 году, когда против соответствующего решения властей Германии выступили председатель коммунистической партии ФРГ Макс Рейман и члены ее правления [4]. В постановлении Федерального конституционного суда было зафиксировано требование установить, является ли запрет на осуществление деятельности партии релевантным тем принципам, которые были сформулированы в Европейской конвенции от 03.09.1953¹. Обращение с требованием рассмотреть ситуацию с ограничениями в отношении коммунистической партии как нарушающую основные права и свободы человека было передано в Комиссию по правам человека.

Вердикт, вынесенный Судом, определял указанные ограничения как законные и не противоречащие положениям указанной конвенции². В итоге компартия была признана неконституционной; она была распущена; был наложен запрет на формирование аналогичных ей политических организаций и на деятельность, способствующую такому формированию. Принадлежащее компартии имущество было изъято в пользу государства с целью использования в социально одобряемых целях.

Свое решение Суд объяснял как законное и основанное на статье 21 Основного закона ФРГ, в которой устанавливалось определение признаков неконституционного характера деятельности партий в связи с осуществляемыми ею или ее сторонниками действиями, повлекшими или способными повлечь за собой подрыв национальной целостности и демократических основ³.

М. Рейман вместе со своими единомышленниками обратился к Комиссию по правам человека, считая свои претензии обоснованными и определяя

¹ Европейская конвенция по правам человека // Европейский суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

² Там же.

³ Ст. 21 Основного закона Федеративной Республики Германии от 23.05.1949 // СПС Консультант Плюс.

ропуск коммунистической партии как подрыв демократических ценностей и нарушение прав и свобод человека.

Однако статьи 9–11 Конвенции, которыми аргументировали свою точку зрения члены правления компартии, содержали упоминание о возможности ограничения изложенных в них прав и свобод в соответствии с Основным законом. Эту точку зрения поддерживала и статья 17, в которой устанавливалась невозможность толкования ее положений таким образом, чтобы они вступали в противоречие с Основным законом и позволяли государству, отдельным индивидам или их группам осуществлять какую-либо деятельность с целью ограничения свобод и прав, признанных и предусмотренных Конвенцией [4, р. 163].

По данным Федерального конституционного суда, основанным на соответствующих заявлениях членов правления компартии, цель коммунистической партии заключалась в формировании политической системы в коммунистическом и социалистическом духе путем установления власти пролетариата и формирования условий для революции [4, р. 163], что являлось нарушением демократических принципов. Следовательно, имела место необходимость воспрепятствовать применению положений Европейской конвенции для подавления демократических прав и свобод человека [4, р. 191, 193–195].

Однако несмотря на то, что компартия Германии, по ее заявлению, предполагала прийти к власти с использованием исключительно конституционных механизмов и инструментов, это не означало, что она больше не действовала в соответствии с ранее декларируемыми принципами, которые были сосредоточены вокруг установления пролетарской диктатуры. Значит, Суд имел веские причины считать, что компартия все еще стремится к достижению этой цели. Призыв к передаче власти в руки пролетариата, являющийся ключевым компонентом коммунистической идеологии, вступал в диссонанс с положениями Европейской конвенции, так как ограничивал действие изложенных в ней принципов прав и свобод.

* * *

Описываемое дело являлось одним из первых примеров ограничения деятельности партий в политических системах зарубежных стран, но далеко не последним в череде случаев запрета на политическую деятельность, определяемую как угрожающую демократическим принципам либо основанную на тоталитарной власти [5]. Аргументы Федерального суда ФРГ в дальнейшем использовались и в других делах. В частности, в 2001 году в деле «Партия благоденствия и другие против Турции» Европейский суд обратился к тем же суждениям, что использовались в деле полувековой давности.

В отношении Партии благоденствия необходимо уточнить, что наличие у страны колониального прошлого, которое хоть и оказывает некоторое влияние на ее правовой опыт, не перевешивало на тот момент тяготения Турецкой Республики к современным партийным тенденциям. Для изучения

характерного для страны опыта защиты идеологической правовой системы обратимся к делу 1990 года «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции», в рамках которого было вынесено ограничение на регистрацию коммунистической партии с последующей отменой вынесенного ограничения⁴.

Объединенная Турецкая коммунистическая партия предполагала участвовать во всеобщих парламентских выборах, но ее участие было отклонено по причине заявления о ее роспуске, зарегистрированного Конституционным судом по обращению главного государственного советника Турции. В качестве аргументов последним приводилось стремление Объединенной компартии предоставить преимущественные права одной социальной ячейке и усилить ее доминирование над остальными. Использование термина «коммунистический» предлагалось рассматривать как угрозу национальному единству, а саму партию — как преемника коммунистической партии, осуществлявшей деятельность в период с 1920 по 1988 год. Аргументы относительно нарушения компартией демократических принципов прав и свобод главный государственный советник подкреплял положениями программы партии, в которой среди прочего также предлагалось решать демократическими методами курдскую проблему.

Заявление главного государственного советника было удовлетворено. 16 июля 1991 года было принято решение о ликвидации Объединенной коммунистической партии и изъятии ее собственности в пользу государства⁵. В рамках данного решения членам правления партии было запрещено участвовать в работе политических органов и осуществлять деятельность на выборных должностях. Аргументы о доминировании одной социальной группы над остальными, а также доводы о том, что компартия не может являться продолжателем деятельности партии, которая была ликвидирована, Суд в Страсбурге отклонил 20 января 1998 года, аргументировав свое решение тем, что название партии содержало запрещенный термин. Далее Суд трактовал положения устава партии и ее программы как покушающиеся на национальное и территориальное единство унитарной Турции, утверждая, что в стране есть только одна нация. Суд рассматривал поддержку не турецкой культуры и языка как подрыв государственности. Рассматривая диктуемые партией цели как поощряющие разделение и, соответственно, неприемлемые, Суд ссылаясь на то, что самостоятельное региональное определение противоречит Конституции.

Суд принял решение о том, что имело место нарушение положений Европейской конвенции по правам человека (в частности, изложенных

⁴ Постановление ЕСПЧ от 30.01.1998 по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции (United Communist Party of Turkey) и другие против Турции» (жалоба № 19392/92) // СПС Консультант плюс.

⁵ 2820 Sayılı Siyasi Partiler Kanunu // Mevzuat. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.2820.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).

в статье 11⁶), а также о том, что необходимость изучения вопроса о нарушении других положений Европейской конвенции отсутствует. Был вынесен вердикт, что фактическое установление нарушения представляет собой достаточную компенсацию и не требует дополнительного возмещения причиненного ущерба гражданам Саргину и Ягчи, кроме выплаты им 120 тысяч франков в качестве возмещения материального ущерба. Остальные их требования остались неудовлетворенными.

* * *

Партийные организации, в основе деятельности которых лежат определенные идеологические принципы, могут испытывать на себе воздействие законодательных ограничений. Список таких идеологических принципов, как правило, не является официально утвержденным (за исключением ряда стран, среди которых — Польша, в которой запрещено организовывать партии, в программе которых есть проявления нетерпимости по национальным или расовым принципам, тоталитарные партии, а также партии, пропагандирующие насилие⁷; в Италии запрещено организовывать фашистские партии⁸). Отказать в регистрации партии могут и на основе запрета идеологических принципов, описанных в законодательстве, — например, компартия Украины была запрещена на основании Закона «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики» от 09.04.2015⁹.

Вопросы таких ограничений деятельности партий, как и их ликвидация и отказ в регистрации, вводимых на основе определенной партийной идеологии, находились в сфере внимания Европейского суда по правам человека, причем в некоторых ситуациях его вердикты шли вразрез с решениями органов государственной власти. В отдельных случаях отказы в регистрации признавались данным Судом безосновательными, как, например, было в случае с регистрацией Объединенной компартии Турции. В таком же случае с компартией Болгарии Европейский суд пришел к выводу, что принятие решения о роспуске партийной организации не может основываться на использовании последней названия, содержащего запрещенный термин [6, р. 35–38].

⁶ Европейская конвенция по правам человека // Европейский суд по правам человека: сайт. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

⁷ Ст. 13 Конституции Польши // Конституции стран мира. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях. Часть 2. Европа. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 723.

⁸ Ст. 12. Переходные и заключительные постановления Конституции Республики Италии // Конституции стран мира. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях. Часть 2. Европа. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 152.

⁹ Закон Украины от 09.04.2015 № 317-VII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77561 (дата обращения: 26.09.2023).

* * *

Помимо запрета на деятельность определенных политических партий, в странах Запада обращаются и к другим инструментам воздействия. В качестве примера можно привести дело Татьяны Жданок, которая являлась членом латвийской компартии и в 1971 году состояла в КПСС, так как латвийская компартия была частью Коммунистической партии Советского Союза; Жданок как член Коммунистической партии Латвии была связана и с попыткой переворота зимой 1991 года.

Весной 1991 года исследование мнений граждан Латвии показало, что многие из них поддерживают выход своей республики из состава СССР; в конце лета Латвия объявила о своей независимости, а уже в августе компартия была объявлена вне закона. Т. Жданок состояла в парламенте Латвии до лета 1993 года, в 1998 году она планировала участвовать в выборах в парламент, но баллотироваться не смогла из-за отказа Центральной избирательной комиссии Латвии. Генеральная прокуратура страны подала заявление в суд с требованием о лишении ее права занимать выборные должности¹⁰, аргументируя это наличием у нее членства в компартии после событий 1991 года и попытки переворота. Суд удовлетворил требования и лишил ответчика права баллотироваться. В дальнейшем на участие в выборах 2002 года Жданок также не смогла зарегистрироваться.

Ни один из указанных случаев не повлек за собой возбуждения уголовного дела. Жданок была лишена возможности выставить свою кандидатуру на выборах, так как власти Латвии рассматривали ее взгляды как идущие вразрез с демократическими ценностями.

* * *

Современная практика ограничений и запретов в адрес партийных организаций коммунистического толка, действующая в западных странах, является индикатором трансформации правовой системы в механизм избавления от инакомыслия. Исследования говорят о том, что запреты и ограничения, обозначаемые как инструменты защиты ценностей демократии и препятствующие насаждению тоталитарной идеологии, идут вразрез с идеей о многообразии мнений как основы демократического устройства и нарушают принципы прав и свобод, которые лежат в основе демократического общества. Правовые ограничения, которые вводятся для того, чтобы установить жесткие рамки партийной деятельности, приводят к установлению границ для политического конкурирования. Следствием подобных действий становится удаление альтернативных идеологических систем из правового поля. Отсутствие диапазона, в котором осуществляется

¹⁰ Case of Zdanoka v. Latvia // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:\[%22003-8007905-11177878%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:[%22003-8007905-11177878%22]%7D) (дата обращения: 26.09.2023).

конкуренция партийных организаций, негативно сказывается на качестве гражданского общества: общественно-политическое пространство становится рычагом государственной политики, местом приложения которого является сохранение действующего порядка, а не создание условий, способствующих реализации гражданских свобод и прав.

Кроме того, такие практики ставят под сомнение саму концепцию демократического гражданского общества, где участие различных идеологий, включая марксистские и социалистические взгляды, способно обогатить общественные дискуссии и способствовать более полному пониманию социально-политических процессов. Подобные ограничения могут приводить к увеличению социальной напряженности и недовольства, что в конечном счете подрывает доверие граждан к политическим институтам и процессам.

В условиях глобальных вызовов и растущего авторитаризма справедливо задаться вопросом: насколько оправдана европейская модель судебных запретов, основанная на репрессиях против определенных идеологических течений? Необходимо учитывать, что истинная защита демократических ценностей возможна лишь через диалог, открытость и признание разнообразия мнений. В этом контексте дальнейшие исследования должны сосредоточиться на поиске баланса между необходимой защитой демократии и уважением к плюрализму, чтобы избежать превращения правовой системы в орудие подавления свободы мысли и выражения.

Список литературы

1. Богатырев В.В. Качество системы партий как индикатор состояния гражданского общества в современных западных странах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4.
2. Долгих Ф.И. Факторы, влияющие на уровень доверия общества политическим партиям в странах Европейского Союза // Сравнительная политика. 2021. № 2.
3. Тюлькина С. Запрет деятельности политических партий: эффективный инструмент защиты демократии? // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3(94).
4. Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts / Hrsg. von den Mitgliedern des Bundesverfassungsgerichts. Tübingen: Mohr (Siebeck), 2002.
5. Benedek W., Kettemann M. Freedom of expression and the Internet // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/prems-167417-gbr-1201-freedom-of-expression-on-internet-web-16x24/1680984eae> (дата обращения: 22.11.2024).
6. Palyulin A. Yu. The ban on communist ideology in western party systems in the decisions of the ECHR // East European Science Journal. 2023. Vol. 1, #11(96).

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2024 ГОДА В АЛЖИРЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу подготовки, хода и результатов президентских выборов в Алжирской Народной Демократической Республике (АНДР) в сентябре 2024 года. В ней также рассмотрены политическая и партийная системы, общее государственное устройство Алжира, исследованы социально-экономические и внутривыборные процессы, проходившие в стране накануне выборов, а также первые основные решения вновь избранного президента А. Теббуна и контуры его социально-экономического курса. Автор приходит к выводу, что Теббун придерживается принципов преемственности в ходе своего второго срока, делая акцент на решении наиболее насущных социально-экономических вопросов страны после осуществления полноценной конституционной реформы в 2020 году. Экономические преобразования и повышение уровня жизни граждан способны снизить градус общественных протестов и обеспечить устойчивость политической системы и существующего государственного строя.

Ключевые слова: Алжир, политическая система, парламент, выборы, президент, избирательный процесс.

ALGERIA'S 2024 PRESIDENTIAL ELECTIONS

Abstract. Authors analyze the preparation, progress and results of the presidential elections in People's Democratic Republic of Algeria in September 2024. It examines the political and party systems, the general structure of the Algerian state, the socio-economic and domestic processes that took place in the country on the eve of the elections, as well as the first major decisions of the newly elected President A. Tebboune and the contours of his socio-economic course. The article concludes that Tebboune will adhere to the principles of continuity during his second term, focusing on solving the country's most pressing socio-economic problems after the implementation of a full-fledged constitutional reform in 2020. Economic changes and an increase in the standard of living of citizens can reduce the level of public protest and ensure the stability of the political system and the existing state system.

Keywords: Algeria, political system, parliament, elections, president, electoral process.

Как сообщило министерство финансов Алжирской Народной Демократической Республики, 1 сентября 2024 года Алжир подал заявку на вступление в Новый банк развития (НБР) БРИКС. Заявка была одобрена на заседании управляющих Банка. По заявлению министра финансов страны Л. Файеда, присоединением к НБР Алжир стремится к расширению

сотрудничества с государствами глобального Юга и развивающимися экономиками, использованию механизмов банка для поддержки инфраструктурных инициатив и проектов устойчивого развития, активизации своего участия в региональных и глобальных программах, продвижению инновационных финансовых решений. Членство в НБР предоставляет стране возможность стать своего рода стратегическим мостом между регионами Ближнего Востока, Северной Африкой и развивающимися экономиками для достижения полноценной экономической интеграции. По словам министра, одобрение заявки Алжира на вступление в НБР стало решительным шагом на пути укрепления отношений с международными финансовыми организациями. Алжир считает важным вопрос участия в региональных и трансграничных проектах и новых инициативах сотрудничества, базирующихся на принципах партнерства¹.

После присоединения Алжира к банку развития БРИКС между Российской Федерацией и Алжирской Народной Демократической Республикой — странами, отношения которых традиционно, начиная с советской эпохи, носили дружественный характер, может открыться новая глава экономического сотрудничества, в выстраивании которого значительную актуальность приобретают научные исследования, посвященные как социально-экономическому, так и внутривластному развитию Алжира, в частности, анализу хода и результатов избирательного процесса в этой стране.

Общие черты политической системы

Высшей законодательной структурой в Алжире является Национальное народное собрание (парламент), состоящее из двух палат. В нем на протяжении ряда созывов представлена широкая палитра политических сил, включая националистические, исламистские, левые социалистические и другие партии [2, с. 195]. Согласно конституционным поправкам 2020 года, парламентской оппозиции уделяется особое внимание, в частности, оговариваются права, позволяющие ей полноценно участвовать в законодательной деятельности, в том числе парламентской дипломатии [4, с. 57].

Общим руководителем исполнительной власти остается президент. Именно фигура президента, наряду с военным руководством и правящей партией, традиционно выступает одной из основ политической системы Алжира. Поэтому в период после получения независимости президентские полномочия были широкими и демонстрировали тенденцию к усилению. В соответствии с конституционными поправками 2020 года, президент избирается путем прямого, всеобщего, тайного голосования на пятилетний срок.

¹ وزير المالية لـ«الشرق»: هذه أسباب انضمام الجزائر إلى بنك «بريكس» الجديد. Министр финансов АНДР о причинах присоединения Алжира к НБР. Аш-Шарк. 04.09.2024. URL: <https://asharqbusiness.com/economics/52801/> (дата обращения: 15.11.2024).

Как президент, так и депутаты парламента имеют право исполнять свои полномочия в течение не более двух сроков (последовательных или раздельных).

Что касается правительства, то оно несет политическую ответственность перед парламентом, которая может осуществляться в разнообразных — как письменных, так и устных — формах (направление депутатских запросов и интерпелляций, создание комиссий по расследованию, вынесение резолюции порицания и вотума недоверия и пр.).

Правительство возглавляет премьер-министр, который руководит деятельностью министров и несет ответственность как перед президентом, так и парламентом. Конституционные поправки 2020 года значительно усилили роль премьер-министра в области руководства работой правительства.

Военные элиты продолжают сохранять решающие позиции в политической системе Алжира и выступать в роли силы, способной определять направление процессов модернизации и стратегического развития страны.

Избирательная и партийная система Алжира

История Алжира после обретения политической независимости в 1962 году демонстрировала примеры использования мажоритарной, пропорциональной и смешанной избирательных систем. Выбор и применение избирательной системы были продиктованы требованиями периодов развития страны и осуществлялись под влиянием экономических и социально-политических условий [4, с. 58]. Как следствие, в стране практиковалось чрезвычайно разнообразное избирательное законодательство.

Начиная с 1997 года в АНДР применялась пропорциональная избирательная система для парламентских выборов [5, р. 326]. В настоящее время избирательная система считается весьма прогрессивной. Она представляет собой пропорциональную систему с открытыми списками, применяемую на выборах в органы власти в соответствии с избирательным законом от 2021 года. В то же время для выборов президента применяется мажоритарная двухтуровая система.

В соответствии с конституцией в Алжире существует многопартийная политическая система. Ее отличительной чертой является широкий спектр политических течений, в число которых входят как исламисты, так и националисты, левые и другие политические движения.

Согласно конституционным поправкам 2020 года, в стране запрещено создание партий на основе религиозной, языковой, этнической, гендерной или профессиональной принадлежности, не допускается и организация политических движений на региональной основе.

На законодательном уровне наложен запрет на использование методов насилия и разжигание ненависти в любой форме и содержании в ходе партийной деятельности.

Конституция гарантирует «справедливое взаимодействие» государства со всеми партиями. Принудительный роспуск партии возможен только на основании судебного постановления².

Социально-политический контекст выборов 2024 года

В 2010-е годы в Алжире наблюдались две крупные протестные волны. *Первая из них* была связана с протестами «арабской весны» 2011 года. Тогда в стране прошли массовые демонстрации и акции протеста, которые нередко приобретали политический характер. В ответ президент А. Бутефлика объявил о начале политических реформ, и в итоге стране в целом удалось избежать революционных потрясений. В 2012 году был принят ряд новых законов, в том числе Избирательный закон и Закон о политических партиях. В 2016 году была осуществлена конституционная реформа, направленная на модернизацию политической системы. В текст конституции были внесены поправки, призванные усилить роль парламента и его контроля над исполнительной властью [4, с. 34]. Также была усилена роль судебной системы, создан ряд новых контрольных и консультативных органов с участием представителей гражданского общества [3, с. 25].

Вторая волна протестов, связанная с протестным движением, получившим название «Аль-Хирак», началась в 2019 году и привела к отставке А. Бутефлики и проведению досрочных президентских выборов, победу на которых одержал независимый кандидат Абдельмаджид Теббун, который в течение своего первого президентского срока — начиная с 2020 года — осуществил глубокую конституционную реформу, коснувшуюся всех ветвей власти.

Нововведения в Основной закон страны предусматривали возможность однократного продления президентского мандата, сокращение полномочий президента, разделение и баланс властных компетенций между исполнительной и законодательной ветвями власти. Реформа была призвана закрепить основные права граждан, гарантировать независимость судебной власти, усилить механизмы по борьбе с коррупцией.

Пересмотр конституции был одним из предвыборных обещаний А. Теббуна, который, по его же утверждению, тем самым протянул руку протестному движению «Хирак» с тем, чтобы «построить новый Алжир» [1, с. 219]. Обновленная конституция была утверждена в ходе референдума, получив одобрение 67 процентов граждан.

В более поздний период Теббун расширил исполнительные полномочия для премьер-министра и своих советников в вопросах стратегического планирования. Он также назначил своего соратника Н. Аль-Арбауи — дипломата,

² المادة 57 من التعديل الدستوري لسنة 2020. Конституционные поправки 2020 г. Статья 57.

который представлял Алжир в посольствах ряда стран, а также в Лиге арабских государств (ЛАГ) и ООН, премьер-министром страны³.

С начала 2024 года Теббун уделял особое внимание финансированию социальных программ для населения. Этому способствовала и положительная динамика цен на энергоресурсы на мировых рынках⁴.

Подготовка к выборам и предвыборная кампания

Президентские выборы 2024 года прошли 7 сентября, хотя первоначально их планировалось провести в конце 2024 года. Начиная с 1 сентября, более 865 тысяч алжирцев приступили к голосованию за границей. Для участия в выборах были одобрены три кандидатуры: А. Теббун в качестве независимого кандидата (тем не менее, он пользовался поддержкой значительного числа партий и иных политических сил и групп интересов); А. Хасани Шариф в качестве кандидата и главы ведущей исламистской партии ДОМ⁵; Ю. Аушиш в качестве кандидата и генерального секретаря партии «Фронт социалистических сил» — крупнейшей оппозиционной партии, которая не принимала участия в выборах с 1999 года.

Тринадцать кандидатов не смогли предоставить необходимое число подписей в соответствии с требованиями нового избирательного законодательства, принятого в 2021 году, и выбыли из предвыборной гонки.

Органический закон № 01/21 от 2021 года требует, чтобы лица, желающие выдвинуть свою кандидатуру на пост президента, предоставили список подписей в одном из двух вариантов: либо не менее 600 подписей депутатов нижней палаты парламента или муниципальных органов власти; либо не менее 50 000 подписей лиц, зарегистрированных в Реестре избирателей. В обоих вариантах подписи должны быть собраны как минимум в 29 провинциях страны, причем в каждой из них — не менее 1200 подписей⁶.

Среди кандидатов, чьи заявки были отвергнуты, было двое женщин-кандидатов — глава партии «Союз за перемены и прогресс» (основана в 2012 г., получила разрешение на деятельность в 2013 г.), находящаяся в оппозиции к режиму З. Ассуль (ранее работала в Министерстве юстиции, а также в Верховном суде); предприниматель, президент Всеобщей конфедерации предприятий Алжира С. Негхза. Отклоненные кандидаты

³ إقالة رئيس الحكومة الجزائري أيمن بن عبد الرحمن وتعيين نذير العربي خلفاً له. Отставка главы алжирского правительства Аймана бен Абдеррахмана и назначение Назира Аль-Арбауи // Аль-Джазира. 11.11.2023. (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ Розов А.А. О подготовке к президентским выборам в Алжире // Институт Ближнего Востока. 03.09.2024. URL: <http://www.iimes.ru/?p=111586> (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ Партия «ДОМ» — крупнейшая оппозиционная исламистская партия, на парламентских выборах 2021 г. получила 65 мест в нижней палате парламента, таким образом сформировав третий по величине парламентский блок.

⁶ المادة 253 من الأمر رقم 01-21 المؤرخ في 10 مارس 2021 المتضمن القانون العضوي المتعلق بنظام الانتخابات، الجريدة الرسمية للجمهورية الجزائرية، العدد 17، المؤرخة في 10 مارس لسنة 2021. Статья 253 Указа № 01/21 от 10.03.2021 г., содержащего Органический закон, касающийся избирательной системы // Официальный вестник АНДР № 17 от 10.03.2021 г.

подали апелляции в Конституционный суд, однако по ним было вынесено отрицательное решение. Трое кандидатов (С. Негхза, Б. Сахли и А. Хамади) были помещены под юридический надзор после выдвижения против них обвинения в фальсификации подписей.

Помимо других политических сил, Теббун получил поддержку таких основных партий страны, как Фронт национального освобождения (ФНО), движение «Аль-Бина» (Созидание), представитель которого получил второе место на президентских выборах 2019 года. Некоторые крупные оппозиционные партии, в частности «Объединение за культуру и демократию» и «Партия Трудящихся», приняли решение бойкотировать выборы. Партия «Новое поколение» призвала сосредоточить внимание на подготовке к предстоящим парламентским и муниципальным выборам 2026 года, в которых, как ожидается, оппозиционные партии смогут проявить себя более весомо.

По данным некоторых СМИ, особая роль в поддержке кандидатуры А. Теббуна принадлежала суфийским орденам-тарикатам, исторически имеющим большое влияние в Алжире. Действующему президенту удалось заручиться поддержкой различных влиятельных сил и групп интересов, среди которых были руководители крупнейших суфийских орденов, в том числе Ат-Тиджания. Руководитель ордена призвал граждан к активному участию в выборах и к тому, чтобы сплотиться вокруг проекта «Новый Алжир» под эгидой Теббуна. Таким же образом поступили ордены Ат-Тайебия Ат-Тухамия, идеи и взгляды которого распространены на западе страны, и Аль-Кадирия, объявившие о своей поддержке действующего президента⁷.

Предвыборная кампания началась 15 августа 2024 года и продолжалась 20 дней. Доминирующее место в предвыборных программах и выступлениях всех трех кандидатов занимал экономический аспект⁸.

Кандидат от Фронта социалистических сил Ю. Аушиш заявил, что планирует работать над формированием более диверсифицированной экономики, способной обезопасить страну от потрясений, связанных с внешним воздействием и зависимостью от углеводородов. Для реализации данной цели он предлагал создать национальное агентство по продовольственной безопасности, увеличить объемы экспорта и улучшить бизнес-климат, создать экономические центры для воссоздания местной экономики, предоставить гражданам возможность внести вклад в экономическое развитие. Также Аушиш выступил с обещанием поощрять инвестиции

⁷ زهارة ح. الزوايا الصوفية في الجزائر... هل تؤثر في انتخابات الرئاسة؟ // Араби 21. 22.11.2019. URL: <https://arabi21.com/story/1224658/> (дата обращения: 15.11.2024). Также об этом: الطريقة الطيبية التهامية تساعد المترشح تبون. Тарикат Ат-Тайебия Ат-Тухамия поддержал кандидата Теббуна // Аль-Муджахид. 27.08.2024. URL: <https://www.elmoudjahid.dz/ar/algerie/> (дата обращения: 15.11.2024).

⁸ الاقتصاد يهيمن على برامج المترشحين لرئاسيات الجزائر. Экономические вопросы преобладают в программах кандидатов на президентских выборах в Алжире // Аль-Джазира. 05.09.2024. URL: <https://www.aljazeera.net/ebusiness/2024/9/5/> (дата обращения: 15.11.2024).

в сельскохозяйственный и туристический сектора, развивать промышленность, в особенности, в сфере обрабатывающих отраслей и тяжелого машиностроения.

Что касается предвыборной программы действующего президента, то А. Теббун пообещал обеспечить «продолжение достижений и реформ, призванных завершить строительство нового Алжира, создать современное государство, поддержать покупательную способность и побороть безработицу»⁹. В частности, речь шла об усилении местного производства, дальнейшей индексации заработных плат и пенсионных выплат, укреплении местной валюты. Теббун также взял на себя обязательство вывести экономику страны с третьего на второе место на Африканском континенте, заявив, что будет работать над повышением национального дохода страны до 400 миллиардов долларов к 2027 году. Он указал на необходимость сохранения показателя роста ВВП на уровне 4 процентов. Для этого предполагалось запустить 20 тысяч инвестиционных проектов в различных областях¹⁰. Также Теббун обязывался оказать поддержку агросектору, в том числе увеличить орошаемые площади так, чтобы к 2027 году страна прекратила импорт основных злаковых культур, а также сахара и масла, достигнув в данном отношении независимости от внешних рынков. Уже к концу 2024 года предполагалось решить проблему обеспечения питьевой водой путем строительства опреснительных установок, плотин и так далее.

Особое место в предвыборном дискурсе Теббуна было уделено молодежи, которая составляет более 70 процентов населения Алжира. Он указывал, что молодежь заслуживает «достойного положения», в том числе в области политического участия и представленности как в избираемых национальных и муниципальных советах, так и в правительстве. Теббун гарантировал, что в случае его победы на выборах молодым людям будет оказана материальная поддержка и финансирование, что будет выражено в строительстве двух миллионов единиц жилья, повышении зарплат и стипендий для учащихся, молодых специалистов, обеспечении трудовой деятельности специалистов-женщин¹¹.

Кандидат от ДОМ А. Хасани Шериф собирался сохранить социальный характер экономики и обеспечить свободное инвестирование средств, а также обещал сделать экономику Алжира способной гарантировать равные возможности для инвесторов и предпринимателей. Он считал необходимым пересмотреть налоговое и инвестиционное законодательство, уменьшить

⁹ الاقتصاد يهيمن على برامج المرشحين لرئاسيات الجزائر // Аль-Джазира. 05.09.2024. URL: <https://www.aljazeera.net/ebusiness/2024/9/5/> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁰ المرشح الحر السيد عبد المجيد تبون يتعهد بمنح «مكافأة لائقة» للشباب ومراجعة عدة قوانين // Новостное агентство Алжира. 03.09.2024. URL: <https://www.aps.dz/ar/algerie/167685-2024-09-03-18-58-28> (дата обращения: 15.11.2024).

¹¹ Там же.

налогообложение инвесторов, осуществить пересмотр банковской системы, стабилизировать и укрепить национальную валюту, снизить безработицу и инфляцию. А. Хассани уделял особое внимание необходимости развития пограничных районов, которые напрямую связаны с национальной безопасностью страны.

В принципе, кандидаты олицетворяли три тенденции развития алжирского общества и государства: националистическую, исламистскую и демократическую. Каждый из них в ходе предвыборной кампании обращался к общенациональным ценностям и принципам, избегая регионального, этнического и идеологического дискурса. Оппоненты А. Теббуна уделяли повышенное внимание обеспечению гражданских и политических прав, заявляя о намерении амнистировать политических заключенных, предоставить большую независимость национальным СМИ. В то же время внимание всех трех кандидатов было сосредоточено на основных социально-экономических вопросах. По мнению алжирского экономиста М. Куши, такое внимание к экономической области объясняется тем, что избиратели не интересуются политическими лозунгами так, как вопросами экономического роста и развития. Он полагал, что некоторые обещания кандидатов — в том числе снижение инфляции до 3 процентов и увеличение объемов экспорта до 30 миллиардов долларов в течение 5 лет — выглядят нереалистичными.

У кандидатов наблюдались схожие представления по вопросу необходимости пересмотра административного деления страны. Все они соглашались с тем, что с точки зрения экономической целесообразности существующая ситуация в данной сфере не вполне отражает ресурсы и возможности различных регионов. В вопросах внешней политики взгляды кандидатов также были схожи, в частности, по таким значимым вопросам общеарабской повестки дня, как проблемы Палестины и Западной Сахары, у них практически не было серьезных расхождений¹².

Ход и результаты выборов

Период предвыборной тишины перед выборами начался 2 сентября и продолжался 3 дня. Общее число избирателей составило 24 351 551 человек (из них в самом Алжире 23 486 000, вне страны — 865 490); явка — 48 процентов в стране и 19,5 процента за рубежом, в то время как на президентских выборах 2019 года она была около 40 процентов.

А. Теббун получил 58 процентов голосов. 14 сентября Конституционный суд Алжира подтвердил его переизбрание, при этом Суд уменьшил показатель главы государства по поданным за него голосов с первоначальных 94,65 процента до 84,3 процента. Также был снижен показатель участия — со среднего

¹² الانتخابات الرئاسية الجزائرية: قراءة في السياقات والنتائج. Президентские выборы в Алжире: интерпретация контекста и результатов // Arab Center for Research and Policy Studies. 12.09.2024. URL: <https://www.dohainstitute.org/ar/PoliticalStudies/Pages/algerian-2024-presidential-elections-reading-the-results.aspx> (дата обращения: 15.11.2024).

уровня в 48 процентов до 46,1 процента. Конституционный суд пересмотрел в сторону повышения показатели конкурентов победителя выборной гонки: А. Хассани получил 9,56 процента голосов вместо первоначально объявленных 3,17 процента, Ю. Аушиш — 6,14 процента вместо 2,16 процента. В отличие от президентских выборов 2019 года победа Теббуна была достаточно предсказуема, однако результаты выборов встретили широкий общественный резонанс и критику со стороны его оппонентов¹³.

С одной стороны, можно говорить о том, что второй срок Теббуна начался в благоприятных условиях как с геополитической, так и геоэкономической точки зрения. Это обеспечивалось высокими ценами на энергоресурсы и стабильно растущим спросом на алжирский газ на европейских рынках¹⁴. Но, с другой стороны, президенту будет необходимо противостоять серьезным вызовам для выполнения заявленной им программы развития. Теббун продолжит начатый после первого избрания на президентский пост курс на повышение социальных расходов и государственных программ социальной защиты, которая «конституционно обоснована и занимает важное место в обязательствах президента»¹⁵.

Одним из значимых направлений социальной политики в течение второго президентского срока А. Теббуна остается борьба с безработицей, в частности создание новых рабочих мест в различных провинциях страны. Показатель безработицы в Алжире снизился до 11,8 процента в последнем квартале 2023 года по сравнению с 12,4 процента за тот же период 2022 года¹⁶. В соответствии с предвыборной программой предполагается расширение не нефтяного сектора экономики, в том числе в целях создания в регионах новых рабочих мест для молодежи. Здесь в первую очередь речь идет о развитии аграрного сектора и сокращении импорта продуктов питания с целью достижения продовольственной безопасности, поскольку в настоящее время зависимость Алжира от поставок таких товаров остается весьма высокой.

В начале своего второго президентского срока Теббун осуществил значительные кадровые перестановки на уровне муниципальных властей. Со своих постов были смещены губернаторы шести провинций. На их места назначены новые руководители. Еще десять губернаторов были переведены

¹³ Куделев В.В. Ситуация в Алжире: сентябрь 2024 г. // Институт Ближнего Востока. 14.10.2024. URL: <http://www.iimes.ru/?p=112803#more-112803> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁴ Розов А.А. О контурах социально-экономической политики Алжира после президентских выборов // Институт Ближнего Востока. 30.09.2024. URL: <http://www.iimes.ru/?p=112284#more-112284> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁵ قراءة 320 ألف مستفيد من جهاز البطالة تم توجيههم إلى عالم الشغل посредством Центра занятости в Алжире // Новостное агентство Алжира. 11.03.2024. URL: <https://www.aps.dz/ar/economie/158784-320> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁶ Средний показатель безработицы в АНДП // Trading Economics. URL: <https://ar.tradingeconomics.com/algeria/unemployment-rate> (дата обращения: 15.11.2024).

в другие провинции¹⁷. Некоторые наблюдатели сочли, что перестановки обрисовывают предварительные контуры состава будущего правительства. После принесения президентом присяги, что ознаменовало начало второго президентского срока, премьер-министр Н. Аль-Арбауи подал прошение об отставке своего министерского кабинета, которое было отклонено по причине «необходимости продолжения работы по срочным вопросам, требующим знаний и компетенций нынешних министров ... а также необходимости подготовки проекта закона о бюджете на 2025 год, который впоследствии будет рассмотрен парламентом»¹⁸.

В ноябре 2024 года президентом были внесены дальнейшие изменения в состав правительства. Премьер-министр Н. Аль-Арбауи, который остался на своей должности, был уполномочен сформировать новое правительство. Свои посты сохранили министры энергетики, внутренних дел и иностранных дел, а также финансов и сельского хозяйства. Глава генерального штаба вооруженных сил Алжира С. Шенгриха вошел в правительство в качестве министра-делегата при министерстве обороны (пост министра обороны занимает президент страны)¹⁹.

Что касается внешнеполитической сферы, представляется, что во время нового президентского срока А. Теббуна Алжир будет стремиться к расширению своего влияния вглубь африканского континента, а также к продолжению курса, направленного на балансирование между сотрудничеством с Российской Федерацией и западными странами.

Таким образом, по итогам президентских выборов А. Теббун получил возможность продолжить начатый им в ходе своей первой каденции курс социально-экономических реформ, успешная реализация которого может содействовать улучшению экономической ситуации, повышению уровня жизни граждан и, как следствие, предотвратить повышение социальной напряженности и протестной активности со стороны населения. Что касается реформирования в политической области, то поправки в конституцию 2020 года и корпус разработанного нового законодательства при условии его эффективного применения могут способствовать трансформации политической системы страны в направлении полупрезидентской республики.

Список литературы

1. Бабкин С.Э. Алжир: выстояла ли «система»? (к событиям 2019 г.) / Отв. ред. Н.Г. Романова; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 240 с.

¹⁷ الجزائر: ترقب تشكيل حكومي جديد بعد عزل 10 محافظين Алжир: ожидание формирования нового правительства после отставки 10 губернаторов // Аш-Шарк Аль-Аусат. 14.01.2025. URL: <https://aawsat.com/> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁸ Там же.

¹⁹ الجزائر تبقي على كبار الوزراء في تعديل حكومي.. و«حقيبة وزارية» لقائد الجيش В Алжире ряд основных министров сохранили свои посты; глава ВС получил «министерский портфель» // Аш-Шарк. 18.11.2024. URL: <https://asharq.com/politics/107132/> (дата обращения: 15.11.2024).

2. Долгов Б.В. Алжир // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. 595 с.
3. Конституции государств Африки и Океании: сборник. Том 1. Северная и Центральная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 952 с.
4. Современные избирательные системы. Вып. 19: Алжир, Киргизия, Эквадор / А.Н. Бурова, И.Е. Минтусов, С.Н. Хорунжий, А.Л. Чернышев; науч. ред. А.А. Автономов. М.: РЦОИТ, 2024. 560 с.
5. Mahgoub A.M. The impact of using proportional representation system on the fragmentation of the party system in Algeria. Applied to the elections of the National People's Assembly (1997–2017) // Review of Economics and Political Science. V. 7. № 4. 2021.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ (на примере Центрального административного округа г. Москвы)

***Аннотация.** В статье приведен сравнительный политико-психологический анализ личностных особенностей муниципальных депутатов Центрального административного округа г. Москвы двух созывов в рамках когнитивного, аффективного и поведенческого уровней. Полученные данные и основанные на них заключения были сделаны на материалах глубинного интервью, проведенного с муниципальными депутатами с 2017 по 2022 годы (в совокупности 197 интервью с учетом того, что в 2022 году некоторые депутаты были переизбраны на второй срок). Анализ личности муниципального депутата, построенный на основе его политико-психологических характеристик, позволяет не только спрогнозировать его карьерный путь, но и выявить особенности массового политического сознания, политических представлений об идеальном народном избраннике. Особенно актуальным это стало сейчас — в условиях кризисного и нестабильного времени, когда возрастает роль личности в политике, повышается чувствительность населения к общественно-политическим сдвигам, появляется острая потребность всеобщей консолидации и взаимопомощи.*

***Ключевые слова:** муниципальное лидерство, политико-психологический анализ, муниципальный депутат, Центральный административный округ города Москвы.*

COMPARATIVE POLITICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PERSONAL CHARACTERISTICS OF MUNICIPAL DEPUTIES (on the example of the Central administrative district of Moscow)

***Abstract.** This article provides a comparative political and psychological analysis of the personal characteristics of municipal deputies of the Central Administrative District of Moscow of two convocations within the cognitive, affective and behavioral levels. The data obtained and the conclusions based on them were made on the materials of in-depth*

interviews conducted with municipal deputies from 2017 to 2022 (a total of 197 interviews, taking into account the fact that in 2022 some deputies were re-elected for a second term). An analysis of the personality of a municipal deputy, built on the basis of his political and psychological characteristics, allows not only to predict his career path, but also to identify the features of mass political consciousness, political ideas about the ideal people's representative. This has become especially relevant now, in the context of a crisis and unstable time, when the role of the individual in politics is increasing, the sensitivity of the population to socio-political shifts is increasing, and there is an urgent need for general consolidation and mutual assistance.

Keywords: *municipal leadership, political and psychological analysis, municipal deputy, Central Administrative District of Moscow.*

Конфигурация личностных особенностей муниципального лидера оказывает влияние на его политическое поведение, эффективность работы и включенность в коммуникацию на районном уровне. Она позволяет определенным образом реализовывать местные инициативы, устанавливать межмуниципальное сотрудничество, проявлять свой потенциал в информационном поле и быть проводником между властью и населением.

Понимая личность как совокупность свойств и характеристик субъекта, мы должны учитывать ее уникальные качества, паттерны поведения и ценностные установки. Личность муниципального депутата в данном смысле — это система координат, в которой находят свое проявление психофизические и социально значимые черты, формирующие психологический облик человека. При этом не все черты, являющиеся ключевыми для руководителя, могут благоприятно повлиять на жизнь лидера политического, тем более, муниципального.

Таким образом, чтобы наиболее полно понять сущность личности муниципального лидера, необходимо изучить все многообразие ее жизнедеятельности: цели и стоящие за ними мотивы, позиции во взаимоотношениях с другими людьми, а также стиль поведения и способы действия применительно к профессиональным задачам. Такой подход является *целостным* и исследует состояние психики, сознания и поведения личности политика, то есть позволяет рассмотреть ее рациональную и бессознательную составляющую.

Составляя модель психологического анализа личностных особенностей муниципального лидера, мы должны учитывать такие параметры, которые можно измерить количественными или качественными методами. Ориентируясь на научное наследие школы политической психологии, которая в данный момент представлена на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, мы представим личность муниципального лидера в разрезе трех уровней: когнитивного, аффективного и поведенческого [1].

Качественными методами, которые позволили нам выстроить данную систему, послужили метод глубинного интервью и метод экспертного интервью. В совокупности автором было проведено: 197 глубинных интервью

с главами муниципального округа и муниципальными депутатами ЦАО; 53 интервью (по 2–3 на каждого главу муниципального округа) с тремя типами экспертов: представители органов исполнительной власти города Москвы, федеральные и региональные технологи, люди из близкого окружения респондентов.

Полученные в ходе исследования данные способствовали определению следующих личностных характеристик респондентов:

1. Я-концепция (оценка человеком своей роли на посту муниципального депутата/главы: достигнуты ли поставленные цели, каковы ожидания от дальнейшей деятельности);
2. Общие политические представления (видение власти на муниципальном уровне: какую роль играет депутат или глава, как представляет себе взаимодействие с населением, другими органами власти и коллегами);
3. Политические ценности (вопросы, предполагающие выявление доминирующих инструментальных и терминальных ценностей);
4. Эмпатия (уровень чувствительности муниципального депутата к переживаниям других людей и явлениям в обществе);
5. Эмоциональная напряженность (вопросы, выявляющие аффективные компоненты личности политика, предполагающие ответы на вопросы об отношении к кризисным ситуациям, конкурентам на выборах, оппозиционно настроенным жителям и активистам в районе);
6. Мотивация (выявление доминирующих мотивов деятельности депутата: достижения, аффилиация, ощущение власти или контроля);
7. Стиль принятия политических решений;
8. Стиль межличностных взаимоотношений.

В процессе исследования появилась необходимость фрагментарно использовать и психобиографический метод в процессе поиска проявления тех паттернов, которые демонстрирует муниципальный лидер на своем посту. Это позволило нам отследить отдельные проявления личности, которые связаны с событиями личного и карьерного пути.

* * *

На когнитивном уровне у представителей муниципальной власти двух созывов прослеживаются как общие, так и отличительные черты. Существенным отличием можно считать разницу в политических предпочтениях [2]. Так, созыв депутатов 2017 года проходил в период, когда вопросы внешнего врага, всеобщего объединения, патриотизма не стояли остро. Избранные депутаты, даже представляя партию власти, могли позволить себе ее критику, а порой и протестные акции. После своего избрания на заседаниях совета депутатов считалось обычным делом выступление против тех или иных мер, предлагаемых Правительством Москвы, а также регулярные политические дебаты. Для объединения в целях решения текущих

районных вопросов была нормой совместная работа депутатов от разных партий, даже если их видение власти в корне противоречило друг другу. Принципиальность политических предпочтений и четкое декларирование поддержки того или иного устройства социума уходили на второй план. Приоритетным было решение текущих проблем «на земле» и удовлетворение конкретных повседневных запросов населения.

Созыв 2022 года — результат вызревания такого состава депутатов, которые проходили социализацию в условиях изменения курса развития государства и общества. Менялись условия ведения профессиональной деятельности, политический контекст, приоритеты развития города и страны в целом. Изменился и запрос жителей на народных избранников. Последствия эпидемии коронавируса, сдвиги в реформировании инфраструктуры города, объявление о проведении специальной военной операции, обострение диалога России с другими странами на международной арене, — эти, казалось бы, общегосударственные события повлияли и на жизнь тех, в чьем ведении раньше находились такие сугубо повседневные вопросы, как озеленение района или капитальный ремонт жилых домов.

Депутаты, избранные в 2022 году, более остро и уверенно выражали свою политическую позицию относительно происходящих событий. Более того, избирателю стала важна уже не столько погруженность депутата в вопросы ЖКХ, сколько концептуальная направленность его намерений, степень симпатии к действиям властей и уровень включенности в политическую ситуацию. Это и послужило причиной того, что в сентябре 2022 года к власти пришли люди, чьи предпочтения можно назвать авторитарно окрашенными, сосредоточенными на формировании стабильного государственного аппарата, частью которого они себя считают.

Иными словами, избранные в 2017 году депутаты если и давали себе отчет о необходимости сильной власти в стране, то точно относили себя скорее к исполнителям и хозяйственникам на районном уровне, а не к имманентным частям системы. Депутаты, избранные в 2022 году, напротив, считают главным своим долгом включенность в государственную проблематику, решение всех тех задач, которые обозначаются властью на федеральном уровне.

Важно отметить, что депутаты 2017 года свое избрание видели исключительно результатом выбора населения и своих личных заслуг. Депутаты же 2022 года все чаще ссылаются на поддержку региональной власти, партии или лидеров общественного мнения. Личностные заслуги как бы ушли на второй план, так как важнейшим стало достижение общих целей совместными усилиями. Причем последние часто позиционируются как результат объединения не только однопартийцев, а всего районного сообщества, включая оппозиционеров, активных жителей и, безусловно, представителей власти на разных уровнях.

* * *

Существенное различие наблюдается и в сфере политических ценностей [3]. Опираясь на разделение ценностей на инструментальные и терминальные, можно однозначно выделить доминирование первых у созыва 2017 года и доминирование вторых — у созыва 2022 года. Безусловно, преобладание терминальных ценностей у действующего в настоящее время корпуса депутатов — тоже результат политической реальности. Так, если депутат 2017 года был сосредоточен на количестве деревьев в районе, то депутат 2022 года, скорее всего, будет думать о том, как мероприятие по высадке деревьев может способствовать объединению жителей и как во время этой высадки собрать благотворительные средства на гуманитарную помощь.

У депутатов 2022 года чаще наблюдается потребность в сострадании, всеобщей консолидации, взаимопомощи. Здесь необходимо учитывать, что те депутаты, которые были переизбраны на второй или третий срок в 2022 году, с течением времени демонстрировали смещение приоритета с инструментальных ценностей на терминальные. Например, в 2017 году муниципальный депутат А. уделял большое внимание проведению досуговых и спортивных мероприятий. Его первичной целью было повышение заинтересованности населения к рекреационной жизни района. В 2022 году досуговые мероприятия носят уже патриотический и гуманитарный характер: средства, собранные на культурных выставках и спортивных чемпионатах, направляются в зону СВО или адресно пострадавшим от боевых действий или природных катастроф. Здесь важнейшей задачей стало внимание к нуждающимся, их совместная материальная и моральная поддержка. Этот пример — лишь малая часть того, как трансформировалась общая направленность работы муниципальных депутатов. С 2022 года буквально в каждом районе мы наблюдаем подобный сдвиг в пользу терминальных ценностей.

Анализ «Я-концепции» [4] представителей обоих созывов в целом продемонстрировал высокий уровень сложности. Однако у депутатов 2022 года наблюдается более высокая сосредоточенность и реактивность в принятии срочных решений в кризисное время, способность быстро улавливать сигналы окружающей среды, вырабатывать программы, отвечающие внезапным запросам населения. Они более чувствительны к обратной связи от населения, гибки в использовании новых средств коммуникации с внешней средой, демонстрируют готовность включиться в любой момент в решение как местной, так и общегосударственной проблемы.

Это сказывается и на таком параметре, как устойчивость к стрессу [5]. Если депутаты 2017 года еще могли себе позволить тщательно оценивать ситуацию, обсуждать ее на одном или нескольких заседаниях, проводить встречи с участием экспертов и представителей общественности, то реалии 2022 года требуют от депутатов ускоренных действий.

В 2017 году многие депутаты только начинали свою карьеру, не имели опыта взаимодействия с другими структурами власти и выработанной системы общения с избирателями. Кроме того, малозначительность и локальная суть круга проблем, выносимых на заседание совета депутатов, давали им возможность для долгих дискуссий. После 2022 года у депутатов такой возможности нет, — зачастую внеочередные заседания и рабочие группы собираются для решения оперативных вопросов. Раньше совет депутатов мог на протяжении года решать вопрос об установке памятника или об организации выставки местного художника. Теперь же, когда требуется решение по вопросам поддержки семей, пострадавших в Белгороде или Курске, или когда в родильных домах новых территорий новорожденным не хватает средств гигиены и питания, требуется высокая скорость консолидации. Депутаты 2017 года скорее ждали предложенной модели, которая имела успешный опыт в других районах, народные избранники 2022 года сами предлагают эту модель.

* * *

В процессе анализа эмоциональной напряженности [6] депутатов также наблюдаются определенные различия. Так, в 2017 году многие депутаты молодого и среднего возраста отличались эмоциональной нестабильностью, вспыльчивостью и даже агрессией. Достаточно посмотреть видеозаписи заседаний советов депутатов или встреч с жителями, где порой применялись совсем не дипломатичные методы взаимодействия. В работе созыва 2022 года можно наблюдать практически полное отсутствие каких-либо инцидентов даже в моменты споров представителей разных политических сил.

Нужно отметить общее и особенное в стиле межличностных отношений респондентов [7]. Данная характеристика представляется нам принципиально важной, поскольку она определяет политическое поведение публичных людей. Межличностные связи — уникальный показатель, который выходит за рамки институциональных норм или законодательных ограничений. Именно они говорят о наличии у народного избранника коммуникативных компетенций и позволяют придать очертания той среде, в которой он выстраивает свою работу.

При описании данной характеристики логичным будет рассмотреть отдельно глав муниципальных образований и муниципальных депутатов. Для наглядности нами составлена таблица по принципу дихотомии «экстраверсия-интроверсия» с указанием степени доминирования (таблица 1).

Среди 10 глав муниципальных округов, избранных в 2017 году, 6 человек — экстраверты, 4 — интроверты; в 2022 году наблюдается схожая картина — 7 глав являются экстравертами, 3 — интровертами. При этом у каждого из них проявляется высокий уровень доминирования, что объясняется возложенной ответственностью и необходимостью управлять работой всего совета.

Таблица 1.

Стиль межличностных отношений глав муниципальных округов ЦАО

Характеристика	2017 год	2022 год
Экстраверты с высоким уровнем доминирования	Главы: 6 человек Мун. депутаты: 16 человек	Главы: 7 человек Мун. депутаты: 28 человек
Экстраверты с низким уровнем доминирования	Главы: 0 Мун. депутаты: 27 человек	Главы: 0 Мун. депутаты: 39 человек
Интроверты с высоким уровнем доминирования	Главы: 3 человека Мун. депутаты: 15 человек	Главы: 3 человека Мун. депутаты: 14 человек
Интроверты с низким уровнем доминирования	Главы: 1 человек Мун. депутаты: 48 человек	Главы: 0 Мун. депутаты: 10 человек

Что касается рядовых муниципальных депутатов, то в сравнении с 2017 годом увеличилось число экстравертов с высоким и низким уровнем доминирования. Также мы зафиксировали резкое сокращение интровертов с низким уровнем доминирования с 48 до 10 человек. Вероятно, закрытость и пассивность некоторых депутатов созыва 2017 года была связана не только с их личностными особенностями, но и с разноплановым составом депутатских корпусов с точки зрения партийности. В тех условиях было сложно найти единомышленников или лоббировать нестандартные предложения по развитию района.

Экстраверты на протяжении всего срока демонстрировали уверенность в собственных силах, силу, стремление объединять вокруг себя как можно больше последователей. Они устанавливали коммуникативные связи не только в рамках своего района, но и пытались выйти за его пределы, налаживали связи с другими районами и округами, выстраивали эффективное взаимодействие с представителями Государственной Думы, Московской городской думы, Правительства Москвы. За ними наблюдались намерения каким-то образом повлиять на систему, выстроить принципиально новую схему внешних и внутренних муниципальных отношений. Частым явлением в реализации их намерений было отступление от привычных средств коммуникации: нередко вопросы решались не официальным депутатским запросом, а неформальными взаимодействиями. Депутаты были максимально сосредоточены на том, чтобы их слушали, следовали им и даже подражали. Направленность к внешнему миру на муниципальном уровне выражалась в большом количестве групповых проектов, совместных досуговых мероприятий, использовании всех доступных средств для коммуникации с населением или коллегами.

Экстраверсию как неотъемлемую черту муниципального лидера один из глав муниципальных округов описал так: «Чем лучше меня воспринимает житель, тем на большее я способен». Экстраверты на встречах с населением ведут себя открыто, активно жестикулируют, притом, как правило, не стоят на одном месте, живо отвечают на вопросы и выслушивают предложения. Развитая эмпатия и приятный внешний вид обеспечивают им эффективную отработку негатива и внимание избирателя. Представителям этой группы глав легче даются конфликтные встречи с населением, так как они тонко чувствуют настрой говорящего и способны предлагать нестандартные решения проблем, направляя разговор в нужное русло. Они охотно выдвигают свои кандидатуры на председательство в профильных комиссиях при совете депутатов, дают интервью СМИ, выступают в качестве главных спикеров и модераторов на районных и городских мероприятиях, не испытывают смущения в дискуссиях с оппозиционерами.

Муниципальные депутаты-интроверты обычно демонстрируют сдержанность и дистанцируются от коллег и населения. Речь здесь не идет о самоустранении от коллектива или полномочий. Скорее, эта группа депутатов более внимательно относится к решению проблем, предпочитая вначале разобраться с документацией, выслушать мнение всех заинтересованных сторон, и только потом тщательно проработать вопрос на рабочей группе совместно с экспертами, чтобы сформулировать предложение. Они не стремятся вступать во всякого рода муниципальные общественные объединения, налаживать контакты с соседскими районами. Их интересует непосредственно свой район и его жители. На встречах с населением они молчаливы, только по необходимости берут слово для выступлений и не стремятся нарушать порядок заседания.

Если для экстравертов приоритетны личностные механизмы, то интроверты отдают предпочтение регламенту или уставу округа, законодательству и институциональным нормам. У них нет цели перестроить систему или ввести принципиально новые правила. Редко встретишь депутата-интроверта, который вне установленного порядка решит договориться о посадке тополей на какой-либо улице, позвонив знакомому в департамент природопользования. Интроверты проявляют свои качества как в отношениях с коллегами (не заводят близких отношений с соседями по депутатскому креслу, не стремятся участвовать в коалициях и яро поддерживать ту или иную сторону), так и при работе с населением (многие из них не дают личные контакты для связи, не раскрывают свои хобби или семейное положение, не дают обещаний, не стремятся председательствовать на тематических встречах и т.д.). Но это не мешает таким депутатам эффективно работать: их склонность к планированию, глубоким рассуждениям, сосредоточенность на проблемах района приводят к хорошим результатам и удовлетворенности запросов жителей.

* * *

Деление людей на экстравертов и интровертов довольно условно и редко встречается в чистом виде. Все же опыт Центрального округа говорит о том, что депутаты-экстраверты лучше выполняют масштабные политические задачи, а интроверты прекрасно справляются с работой «на земле». Если экстраверт сосредоточен на концептуальном развитии района, расширении направлений его совершенствования, привлечении материальных и человеческих ресурсов и следовании новым тенденциям урбанистики, то интроверт заботится о том, чтобы все планы благоустройства были реализованы, деревья посажены, пандусы установлены, а каждая нуждающаяся семья получила социальную выплату. Синергия этих двух групп в рамках деятельности совета депутатов очень полезна для функционирования района, так как данный симбиоз приводит к распределению широкого круга задач, где каждый депутат выполняет ту функцию, которая ему комфортна.

Заключительной характеристикой, свойственной муниципальным депутатам и заслуживающей внимания в контексте нашего анализа, является стиль принятия решений [8]. Ввиду того, что человеческая личность многогранна, довольно сложно подобрать классификацию, которая охватывала бы все особенности процесса принятия решений. Опираясь на соответствующие методики, можно выделить ряд параметров для исследования муниципального лидерства:

- степень открытости и желание учитывать чужое мнение;
- степень доверия к окружающим и способность к делегированию;
- позиционирование себя в системе (подчинение или равенство);
- способ принятия решений (индивидуально или коллективно);
- способ выработки решения (сбор информации, ориентация на экспертные заключения, либо самостоятельный анализ);
- отношение к угрозам и рискам (индифферентность или включенность и контроль);
- степень ответственности за принятие решений;
- скорость и обдуманность принятия решений;
- степень проработки и детализации решений.

Опираясь на закрытый перечень типов принятия решений любой классификации, мы можем говорить лишь о доминировании того или иного типа, не исключая проявления других. В таблице 2 представлены выделенные выше параметры в разрезе двух созывов муниципальных депутатов без разделения на глав и депутатов.

* * *

При изучении принятых в научном мире классификаций типов принятия политических решений было обнаружено, что ни одну из них в полной мере нельзя применить к объекту данного исследования. По этой причине

Таблица 2.

Стиль принятия политических решений муниципальных депутатов

Параметр	2017 год (всего 116 депутатов)	2022 год (всего 111 депутатов)
1. Способ взаимоотношений с окружающими		
Открыт, принимает чужое мнение	49	75
Открыт, не принимает чужое мнение	17	12
Закрыт, принимает чужое мнение	35	18
Закрыт, не принимает чужое мнение	15	6
2. Степень доверия к окружающим		
Контроль	67	32
Делегирование	49	79
3. Отношение к иерархии		
Подчинение	21	52
Равенство	95	59
4. Способ принятия решений		
Индивидуально	83	37
Коллективно	33	74
5. Способ разработки решений		
Опора на экспертное мнение	18	57
Самостоятельный анализ	98	54
6. Отношение к риску и угрозам		
Неопределенность	87	61
Контроль	29	50
7. Отношение к ответственности		
Берет ответственность	46	64
Избегает ответственности	70	47
8. Скорость принятия решений		
Быстро	73	51
Медленно, обдуманно	43	60
9. Формат принятого решения		
Краткое, формализованное, в рамках полномочий	69	49
Детализированное	47	62

Пространство молодого ученого

мы самостоятельно выделили несколько типов исходя из отмеченных ключевых параметров.

1. «Хозяин» — категория депутатов, преимущественно состоящая из глав (или бывших глав) муниципальных округов. Безусловно, в силу опыта они хорошо разбираются в вопросах развития района, но вот детальную выработку решения они делегируют коллегам-депутатам. Их главная функция — задавать общий курс деятельности совета депутатов, транслировать принципы его функционирования, привлекать последователей и проводить агитационную работу. Незначительные вопросы их не интересуют. Они не преследуют цели услышать всех и решить все вопросы. Демонстрируя открытость, они могут принимать решения самостоятельно, стремительно, опираясь лишь на собственный опыт. Поведение «хозяина» на встречах с населением отличается уверенностью, твердостью, сдержанностью, высокой скоростью принятия решений. Четко прослеживается его позиционирование как лидера района, главного, ведущего за собой единомышленников. В целом такие люди берут на себя ответственность за риски.

2. «Проводник» — это категория депутатов, которые позиционируют себя связующим звеном между властью и населением. Их главная цель — донести до органов исполнительной и законодательной власти запросы жителей. Зачастую они не предлагают принципиально новых или нестандартных решений, но их заслуга — учет максимального количества мнений. Они всегда открыты для связи, опираются как на отзывы жителей, так и на мнение экспертов. Как правило, они склонны к делегированию и коллективным обсуждениям и не возвышают себя над остальными. При этом опасаются рисков, часто снимая с себя ответственность. Результатом такой работы становится формальное решение вопроса (направление депутатского запроса в профильные структуры, организация встречи с экспертами или коллегами-депутатами).

3. «Эксперт» относится к той депутатской категории, которая если не в силу своей специализации, то с учетом богатого опыта работы «на земле» хорошо ориентируется в бюрократических процессах, разбирается в тонкостях благоустройства, капитального ремонта, озеленения или социальной помощи. «Эксперты» — активные участники профильных комиссий и тематических встреч, они ведут содержательные дискуссии, обладают знаниями нормативно-правовой базы и навыками ведения городского хозяйства. Обычно у них множество контактов с экспертами в той или иной области, они тщательно разбираются в документации, детализированно преподносят результат. Вырабатывать решения они могут как самостоятельно, так и сообща. При этом всегда осознают риски, пытаются их предотвратить и взять на себя ответственность в случае ошибок.

4. «Крот» — самая немногочисленная категория муниципальных депутатов. Главная их особенность — закрытость от людей и их мнения, будь то

житель, или коллега. Решения принимают исключительно самостоятельно, не опираясь на экспертное мнение, не собирая петиции «за» или «против». Сбор фактов и информации проводят самостоятельно, за ходом решения устанавливают жесткий контроль. Не боятся ответственности и рисков, поскольку действуют медленно и обдуманно.

* * *

Таким образом, наиболее интересные для концептуализации муниципального лидерства параметры были описаны в рамках четырех стилей принятия решений. Безусловно, принятие решений — дело интуитивное, гибкое и зачастую иррациональное. Муниципальный депутат может делать это по-разному в зависимости от обстоятельств, внешних угроз, эмоционального климата и даже собственного настроения. Неоспоримым является и тот факт, что в процессе многолетней деятельности некоторые депутаты склонны менять свой стиль работы от «эксперта» до «хозяина» или наоборот.

Список литературы

1. Шестопа́л Е.Б. Психологический подход к анализу российских политических элит // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 6.
2. Егорова-Гантман Е., Минтусов И. Политическое консультирование. М.: Центр политического консультирования «Никколо М», 1999.
3. Allport G.W., Vernon P.E., Lindsey G. Study of values. Boston. 1960.
4. Lasswell H. Psychopathology and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1930.
5. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Монография / Л.М. Аболин. Казань: КазГУ, 1987.
6. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А. Бодров. М.: ПЕР СЭ, 2006.
7. Schutz W. FIRO: A three-dimensional theory of interpersonal behavior. N.Y., 1958.
8. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Целью статьи является анализ правового регулирования и практики применения цифровых технологий в избирательном процессе государств — участников Содружества Независимых Государств. Автором проводится системный анализ нормативно-правовых актов государств — участников Содружества Независимых Государств, закрепляющих основы применения цифровых технологий, выявляются сходства и различия. Отмечается преемственность во внедрении цифровых технологий, которая позволяет избежать ошибок и поддерживать стандарты, ориентированные на обеспечение легитимности выборов. Делается вывод о том, что для успешного внедрения цифровых технологий необходимо развитие комплексных мер — от правового обеспечения до технической компетенции членов избирательных комиссий.

Ключевые слова: цифровизация, избирательный процесс, цифровые технологии, государства — участники СНГ, избирательное право, правовое оформление, избиратели.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ELECTORAL PROCESS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Abstract. The purpose of the article is to analyze the legal regulation and practice of application of digital technologies in the electoral process of the member states of the Commonwealth of Independent States. The author conducts a systematic analysis of the legal acts of the Commonwealth of Independent States member states, enshrining the basis for the application of digital technologies, identifies similarities and differences. The author notes the continuity in the introduction of digital technologies, which allows to avoid mistakes and maintain standards oriented to ensure the legitimacy of elections. It is concluded that the successful implementation of digital technologies requires the development of comprehensive measures — from legal support to technical competence of members of election commissions.

Keywords: digitalization, electoral process, digital technologies, CIS member states, electoral law, legal framework, voters.

Внедрение цифровых технологий в избирательный процесс в Российской Федерации идет достаточно быстрыми темпами. В силу того, что

государства — участники Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) строят общее правовое пространство, особый интерес вызывает правовое оформление и практика применения современных технологий в странах Содружества.

В современных реалиях цифровизация избирательного процесса становится важным элементом, обеспечивающим доступность, прозрачность и эффективность выборов, что напрямую способствует реализации демократических принципов и обеспечению избирательных прав, закрепленных на конституционном уровне. В условиях стремительного развития цифровых технологий государства СНГ стоят перед необходимостью модернизации избирательного процесса с целью его адаптации к вызовам цифровой эпохи.

Вопросы цифровизации избирательного процесса особенно актуальны для Российской Федерации, Республики Узбекистан, Кыргызской Республики и Республики Молдова, — государств, которые несмотря на общее историческое прошлое, демонстрируют разный уровень развития цифровых технологий. Это обусловлено не только техническими и экономическими возможностями, но и особенностями политико-правовой среды и уровнем общественной готовности к восприятию новых технологий.

Цифровизация в рассматриваемой области предполагает не просто внедрение современных технологий, но и создание надежных правовых механизмов, обеспечивающих их соответствие принципам избирательного права. Помимо этого, цифровые технологии способны укрепить доверие граждан к власти и государству, которое «образует основу не только конституционного государства, но и суверенной государственности, устойчивого развития и социального прогресса, а также для формирования справедливого гражданского общества» [1, с. 37].

* * *

На пространстве СНГ Российская Федерация стала первой страной, внедрившей в 1995 году в избирательный процесс Государственную автоматизированную систему «Выборы», которая позволила активно использовать цифровые технологии при подготовке и проведении выборов. Отметим, что в 2024 году ЦИК России было принято решение о переходе на новую платформу ГАС «Выборы» 2.0, цель которой — расширение возможностей для участников избирательного процесса по реализации их избирательных прав, а также повышение эффективности деятельности избирательных комиссий¹.

Подобные автоматизированные системы внедрены в избирательный процесс и других стран СНГ. Так, в Республике Молдова в 2008 году был принят Закон «О Концепции Государственной автоматизированной

¹ Выписка из протокола заседания Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 23 октября 2024 года № 186-1-8 «О проекте Концепции развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации „Выборы“ до 2030 года» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2024. № 15(475).

информационной системы „Выборы“², основными задачами которой являются предоставление гражданам альтернативной возможности голосования при помощи электронной системы; повышение эффективности сбора, обработки и передачи информации, используемой при подготовке и проведении выборов и референдумов; оперативное получение достоверной информации об участии избирателей в голосовании, а на заключительном этапе — применение системы о результатах голосования.

В Кыргызской Республике опыт интеграции цифровых технологий в избирательный процесс начался в 2011 году с принятием положения «О порядке использования избирательной информационной системы»³, которая основана на программном обеспечении «Шайлоо». Данная система применяется для отображения хода голосования в день голосования, обработки протоколов участковых избирательных комиссий, подготовки их протоколов и сводной таблицы о предварительных итогах голосования, а также для установления результатов выборов.

* * *

В 2017 году Кабинетом министров Республики Узбекистан было принято постановление «О мерах по формированию и ведению единого электронного списка избирателей Республики Узбекистан»⁴, а в 2018 году — постановление Президента Узбекистана «О мерах по внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в избирательный процесс»⁵. Согласно этим документам, одним из важнейших направлений дальнейшего совершенствования избирательного процесса в Узбекистане является широкое внедрение современных информационно-коммуникационных технологий. В рамках проводимой в данном направлении работы реализованы меры по созданию информационной системы управления избирательным процессом, ориентированной на применение единого электронного списка избирателей и регламентацию порядка межведомственного взаимодействия при его формировании и использовании.

Под единым электронным списком избирателей понимается государственный информационный ресурс, содержащий информацию о гражданах-избирателях, адресах постоянного и временного места жительства

² Закон Республики Молдова от 15 мая 2008 года № 101-XVI «О Концепции Государственной автоматизированной информационной системы „Выборы“» // Monitorul Oficial. № 117-119, 4 июля 2008 года.

³ Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 21 октября 2011 года № 384 «Об утверждении Положения „О порядке использования избирательной информационной системы“» // Эркин Тоо. 2011. 28 октября. № 91.

⁴ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 15 августа 2017 г. № 630 «О мерах по формированию и ведению Единого электронного списка избирателей Республики Узбекистан» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 33, ст. 859.

⁵ Постановление Президента Республики Узбекистан от 04 октября 2018 г. № ПП-3961 «О мерах по внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в избирательный процесс» // Национальная база данных законодательства. 05.10.2018. № 07/18/3961/2002.

в соответствии с информационными базами уполномоченных государственных органов⁶.

Единый электронный список избирателей формируется посредством информационной системы управления избирательным процессом. Система объединяет в себе четыре направления: единый электронный список избирателей; базу данных избирательных комиссий на всех уровнях; базу данных о зданиях, где будут находиться избирательные комиссии; базу данных о депутатах от политических партий.

При проведении выборов президента Республики Узбекистан в 2021 году международные наблюдатели позитивно оценили использование единого электронного списка избирателей, обеспечившего возможность ознакомления граждан с информацией, касающейся избирательных участков, а также позволяющего участковым избирательным комиссиям вносить изменения в списки избирателей непосредственно в день голосования⁷.

В Российской Федерации применяется схожая технология — электронный список избирателей⁸ содержит информацию об избирателях и за счет автоматизации процедур позволяет минимизировать технические ошибки, допускаемые членами избирательных комиссий при проведении голосования.

* * *

В Кыргызской Республике для реализации изменений, внесенных в 2015 году в Конституционный Закон Кыргызской Республики от 2 июля 2011 года № 68 «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» был разработан Государственный портал избирателей «Тизме»⁹, с помощью которого реализовывалась биометрическая идентификация избирателей посредством электронного кабинета и осуществлялось формирование списка избирателей. Также Центральной комиссией по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики была утверждена инструкция о порядке идентификации избирателей, участников референдума при голосовании

⁶ Избирательный Кодекс Республики Узбекистан от 25 июня 2019 года (утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 июня 2019 года № ЗРУ-544) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 26.06.2019. № 03/19/544/3337.

⁷ Заключение группы наблюдателей от Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств на выборах Президента Республики Узбекистан // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/985.pdf> (дата обращения: 09.11.2024).

⁸ Постановление ЦИК России от 20.12.2023 № 143/1106-8 «Об Инструкции по составлению, уточнению и использованию списков избирателей на выборах Президента Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2024. № 2.

⁹ Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 11 февраля 2020 года № 39 «О Положении о Государственном портале избирателей „Тизме“» // Официальный сайт Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики. URL: <https://www.shailoo.gov.kg/ru/izbirateli-shailoochular/polozheniya-o-gosudarstvennom-portale-izbiratelej/> (дата обращения: 09.11.2024).

и приеме избирательными комиссиями заявлений избирателей, а также регулировании порядка работы с устройством идентификации¹⁰.

Для обеспечения доступности голосования в Российской Федерации и Республике Узбекистан были интегрированы технологии, позволяющие избирателям выбрать удобный для них избирательный участок. Так, в России применяется механизм «Мобильный избиратель», внедренный в 2017 году, который предоставляет возможность проголосовать на любом избирательном участке в пределах избирательного округа.

В Республике Узбекистан с 2023 года гражданам была предоставлена возможность использования интерактивной услуги по определению и изменению избирательного участка или участка референдума¹¹, которая осуществляется с помощью межведомственного электронного информационного обмена между официальным веб-сайтом Центральной избирательной комиссии, единым порталом интерактивных государственных услуг и информационной системой управления избирательным процессом. По ее результатам по определению избирательного участка или участка референдума на едином портале интерактивных государственных услуг оформляется справка с QR-кодом (матричный штрих-код), доступная для скачивания и печати в электронном виде.

* * *

Также прослеживается преемственность при разработке программ и проектов, направленных на внедрение и совершенствование цифровых технологий в избирательном процессе. В Российской Федерации был утвержден Федеральный проект «Цифровое государственное управление», одна из задач которого — обеспечение предоставления цифровых сервисов для участников избирательного процесса¹².

В 2023 году Правительством Республики Молдова была принята Стратегия цифрового преобразования на 2023–2030 годы¹³, в которой указывается, что один из факторов ее успешной реализации заключается

¹⁰ Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 3 августа 2020 года № 154 «Об Инструкции о порядке идентификации избирателей» // Официальный сайт Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики. URL: https://www.shailoo.gov.kg/ru/npacik/Polojeniya_CIK_KRBShKnyn_Joboloru/instrukciya-o-poryadke-identifikacii-izbiratelej/ (дата обращения: 09.11.2024).

¹¹ Постановление Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан от 23 марта 2023 года № 1215 «Об утверждении Положения о порядке предоставления интерактивной услуги по определению и изменению избирательного участка или участка референдума» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/6420959> (дата обращения: 09.11.2024).

¹² Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 09.11.2024).

¹³ Постановление Правительства Республики Молдова от 6 сентября 2023 года № 650 «Об утверждении Стратегии цифрового преобразования Республики Молдова на 2023–2030 годы» // Monitorul Oficial. № 383–386, 12 октября 2023 года, Ст. 900.

в использовании надежных, ориентированных на будущее технологий, в том числе в электоральной сфере, которые были протестированы для эксплуатации в критически важных инфраструктурах Правительства и признаны широким сообществом практиков, обеспечивающих устойчивое развитие цифровых инфраструктур и услуг.

В качестве важнейшей задачи Стратегии обозначено развитие цифрового общества, в рамках которого планируется вовлечение граждан в политическую жизнь с помощью цифровых технологий. Отмечается, что развитие и продвижение таких новаций активного вовлечения граждан, как интернет-голосование, позволит людям почувствовать причастность к процессу управления и даст им возможность реализовать свои гражданские права, где бы они ни находились. Все это, согласно Стратегии, должно опираться на безопасные средства идентификации и реализации удаленных операций, поэтому на данном этапе особенно важно предоставить гражданам интуитивно понятные, доступные и безопасные средства цифровой идентификации и другие цифровые инструменты для удаленного взаимодействия.

* * *

Хотя внедрение цифровых технологий в избирательный процесс в рассматриваемых странах имеет общие черты, в некоторых из них используются технологии, не имеющие аналогов в других государствах. По верному замечанию Б.С. Эбзеева, ареал распространения цифровых технологий заметно расширяется, они повсеместно интегрируются в сферы политики и управления, что позволяет выдвигать предположения о цифровизации выборов в обозримой перспективе [2, с. 260].

В 2024 году в избирательный процесс Республики Узбекистан была внедрена информационная система «E-saylov»¹⁴, разработанная в целях масштабной цифровизации взаимодействия между участниками избирательного процесса, сокращения бюрократии в избирательных процедурах, временных затрат при документообороте, предотвращения конфликта интересов, обеспечения большей открытости информации о выборах. Ее задача — создание крупной базы данных по выборам; обеспечение прозрачности и безопасности выборов; предотвращение возникновения ошибок и рисков, связанных с человеческих фактором.

30 июня 2024 года в целях тестирования системы «E-saylov» на выборах депутатов местных кенгашей соответствующее взаимодействие между участниками избирательного процесса было полностью осуществлено через данную информационную систему.

¹⁴ Постановление Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан от 19 июля 2024 г. № 1352 «Об утверждении регламента информационной системы „E-saylov“» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан. URL: https://saylov.uz/ru/cec_decision/1352-ob-utverzhdenii-reglamenta-informacionnoj-sistemy-e-saylov (дата обращения: 09.11.2024).

27 октября 2024 года в Узбекистане состоялись выборы депутатов Законодательной палаты Олий Мажлиса и кенгашей народных депутатов — представительных органов местного самоуправления на уровне областей, районов и городов, где применялись информационная система управления избирательным процессом, единый электронный список избирателей и информационная система «E-saylov»¹⁵. На этих же выборах впервые была применена цифровая технология, являющаяся аналогом российского комплекса электронного голосования¹⁶. Нововведение стало возможным благодаря информационной системе, которая оцифровала многие избирательные процессы, сократив бюрократические барьеры и повысив прозрачность выборов. В результате Узбекистан стал второй после Российской Федерации страной СНГ, применившей данную технологию в избирательном процессе. Пока она используется в экспериментальном режиме и лишь на 10 избирательных участках (из 780) в Ташкенте.

* * *

Практика применения цифровых технологий в Кыргызской Республике также имеет особенности. С 2014 года здесь начала применяться биометрическая регистрация граждан¹⁷, на основе которой в 2023 году был разработан пилотный проект, предусматривающий применение электронного голосования и модернизированных устройств идентификации на выборах¹⁸. Особенностью голосования являлось то, что идентификация избирателей осуществлялась с помощью сканирования избирателем ID-карты либо общегражданского паспорта на избирательном участке, проверки избирательной комиссией сведений о гражданине в электронных списках избирателей с распечатыванием непосредственно на месте голосования сформированного программой бюллетеня.

¹⁵ Постановление Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан от 27 сентября 2024 г. № 1389 «Об информации заместителя министра цифровых технологий Республики Узбекистан о проводимых работах по формированию Информационной системы управления избирательным процессом и Единого электронного списка избирателей, обеспечению избирательных комиссий интернетом и средствами связи» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан. URL: https://saylov.uz/ru/cec_decision/1389-ob-informacii-zamestitelya-ministra-cifrovyyh-tehnologiy-respubliki-uzbekistan-o-provodimyyh-rabotah-po-formirovaniyu-informacionnoj-sistemy-upravleniya-izbiratelnyh-processom (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁶ Делегация ЦИК России посетила Республику Узбекистан для наблюдения за парламентскими выборами // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/55601/> (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁷ Закон Кыргызской Республики от 14 июля 2014 года № 136 «О биометрической регистрации граждан Кыргызской Республики» // Эркин Тоо. 2014. 18 июля. № 56.

¹⁸ Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 22 февраля 2023 года № 12 «Об апробировании в пилотном режиме электронного голосования и модернизированных устройств идентификации на выборах депутатов местных кенешей, назначенных на 9 апреля 2023 года» // Официальный сайт Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики. URL: https://www.shailoo.gov.kg/ru/npacik/Postanovleniya_CIK_KR-BShKnyn_toktomdoru/22022023-12-ob-aproboirovanii-v-pilotnom-rezhime-elektronnogo-golosovaniya-i-modernizirovannyh-ustrojstv-identifikacii-na-vyborah-deputatov-mestnyh-keneshej-naznachennyh-na-9-aprelya-2023-goda/ (дата обращения: 09.11.2024).

23 сентября 2024 года Центральная избирательная комиссия Кыргызской Республики утвердила Положение «О порядке организации и проведения дистанционного голосования, установления итогов дистанционного голосования на выборах депутатов местных кенешей»¹⁹. В нем под дистанционным голосованием понимается голосование на (дистанционном) избирательном участке с использованием электронного и/или бумажного избирательного бюллетеня и автоматическим сводом данных голосования в электронной системе.

Для голосования в дистанционной форме избиратель вправе обратиться с электронным заявлением о намерении голосовать в дистанционном формате в соответствующую территориальную избирательную комиссию по месту участка дистанционного голосования, в комиссию дистанционного участка, где он намерен голосовать, в участковую комиссию по месту регистрации избирателя через сервис «Кабинет избирателя» на государственном портале с прохождением биометрической идентификации, а также прохождением авторизации в установленном порядке, посредством единой системы идентификации и аутентификации (ОЭП, ID-карта, QR) или авторизации с помощью биометрии лица FACEID. Список участников дистанционного голосования составляется отдельно по каждому дистанционному участку и размещается в конкретном разделе уже упомянутого государственного портала «Тизме».

В день выборов избирателю необходимо пройти идентификацию по биометрическим и персональным данным по месту проведения дистанционного голосования. После его завершения информационная избирательная система автоматически формирует электронный протокол об итогах дистанционного голосования по утвержденной форме в разрезе соответствующих избирательных участков и округов. Итоги голосования отображаются на сайте информационной избирательной системы. Системные администраторы в территориальных избирательных комиссиях распечатывают электронный протокол об итогах дистанционного голосования и передают его председателю территориальной избирательной комиссии по округам.

* * *

На основании вышеизложенного можно заключить, что подход каждой страны формируется под влиянием ее политических и правовых особенностей. Цифровизация избирательного процесса в рассмотренных странах направлена на повышение доступности и оперативности выборов.

¹⁹ Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 23 сентября 2024 года № 136 «Положение о порядке организации и проведения дистанционного голосования, установления итогов дистанционного голосования на выборах депутатов местных кенешей» // Официальный сайт Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики. URL: https://shailoo.gov.kg/ru/npacik/Polojeniya_CIK_KRBShKnyn_Joboloru/polozhenie-o-po-organi-distan/ (дата обращения: 09.11.2024).

Примечателен высокий интерес к развитию и внедрению цифровых технологий в последние годы. Государства СНГ стремятся совершенствовать и применять системы, адаптированные к национальным потребностям. Например, можно проследить преемственность подходов в разработке ГАС «Выборы» в Российской Федерации, информационной системы «Шайлоо» в Кыргызской Республике и ГАИС «Выборы» в Республике Молдова, которая свидетельствует о стремлении стран к интеграции лучших практик. Эта преемственность также позволяет избежать ошибок и поддерживать стандарты, ориентированные на обеспечение легитимности выборов.

Список литературы

1. Комарова В.В. Конституционно-правовая доктрина «Доверие» в научной школе российского конституционализма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6(94).
2. Эбзеев Б.С. Электоральные процессы в России и Европе: опыт научного осмысления (рецензия на монографию «Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии») // Власть. 2018. Т. 26, № 9.

СИСТЕМА ДЕСКРИПТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена анализу признаков эффективного государства в исторической динамике. Проведено исследование современных подходов к понятийному аппарату дисфункциональной государственности на примере «неудавшихся» или «провалившихся» государств — *failed state*; «хрупких» государств — *fragile state*; «слабых» государств — *weak state*, а также «слабо-сильных» государств — *strong-weak state*. Приведены доводы о некорректности перевода термина *failed state* как «несостоявшееся» государство. Аргументируется точка зрения о необходимости литературного перевода как «несостоятельное» государство, а в рамках понятийно-категориального аппарата теоретико-правовой науки предлагается обобщающий термин — дисфункциональное государство. На основе междисциплинарного политико-правового метода исследования проведен анализ существующих в отечественной социально-гуманитарной науке подходов к слабости и дисфункциональности государства. Выявлены факторы, обуславливающие смысловое наполнение понятия «сильное государство», а также внешнеполитическое и внутриполитическое измерение этого концепта. В рамках исследования также осуществлен обзор подходов к сущности государственных функций, в том числе в рамках ретроспективного метода. На основе авторского исследования описаны основные функции государства и условия обеспечения их эффективности.

Ключевые слова: слабое государство, хрупкое государство, несостоявшееся государство, дисфункциональное состояние, сильное государство, эффективное государство, функции государства, особенности эффективного государства.

THE SYSTEM OF DESCRIPTIVE FEATURES OF AN EFFECTIVE STATE: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of an effective state in historical dynamics. The study of modern approaches to the conceptual apparatus of dysfunctional statehood is conducted using the example of «failed» or «failed» states — *failed state*; «fragile» states — *fragile state*; «weak» states — *weak state*, as well as «weak-strong» states — *strong-weak state*. Arguments are given about the incorrectness of translating the term *failed state* as a «failed» state. The point of view on the need for a literary translation as a «failed» state is argued, and within the framework of the

conceptual and categorical apparatus of theoretical and legal science, a generalizing term is proposed — dysfunctional state. Based on the interdisciplinary political and legal method of research, an analysis of existing approaches to the weakness and dysfunctionality of the state in domestic social and humanitarian science is carried out. The factors that determine the semantic content of the concept of a «strong state», as well as the foreign policy and domestic policy dimension of this concept are identified. The study also included a review of approaches to the nature of state functions, including within the framework of a retrospective approach. Based on the study, a description of the main functions of the state and the conditions for ensuring their effectiveness was provided.

Keywords: *weak state, fragile state, failed state, dysfunctional state, strong state, effective state, functions of the state, features of an effective state.*

Государство как основной институт политической системы общества продолжает оставаться ключевым способом организации жизни людей на определенной территории за последние несколько тысяч лет. В отечественной науке теории государства и права разработан понятийно-категориальный аппарат форм государства, его признаков, задач, функций и так далее. Но в то же время современные тенденции глобализации, цифровизации, роста возможностей международных организаций и транснациональных компаний существенным образом влияют на суверенитет отдельных стран вплоть до актуализации гипотезы об отмирании государства как политического института уже в обозримом будущем.

На наш взгляд, подобные прогнозы об эрозии государствоцентричного общества обусловлены не объективными тенденциями, а стремлениями определенных субъектов мировой политики ослабить оппонентов в лице отдельных стран и межгосударственных объединений и разрушить их суверенитет. Появление так называемых «слабых» или «хрупких» государств — это не результат естественного эволюционного процесса в развитии государственности, а следствие поражения государства в принципиально новом варианте относительно нового вида межгосударственного противостояния, известного как гибридная война.

* * *

По мнению Ф. Фукуямы, «слабость государства — и национальный, и международный источник проблем первого порядка» [1, с. 8]. В современной политико-правовой науке разработан отдельный понятийно-категориальный аппарат для подобного рода слабых государств: «неудавшееся» или «провалившееся» государство — *failed state*; «очень слабое» или «хрупкое» государство — *fragile state*; «слабое» государство — *weak state*; «слабо-сильное» государство — *strong-weak state* [2, с. 42–43].

Что касается наиболее популярного термина, обозначающего слабое государство — *failed state*, то некоторое возражение вызывает устоявшийся в отечественной социально-гуманитарной науке вариант перевода как «*несостоявшееся государство*». Английское слово *fail* переводится, как

а) недоставать, не хватать, иметь недостаток; б) ослабевать, терять силы; в) терпеть неудачу, не иметь успеха; г) переставать действовать, выходить из строя [3, с. 163].

Термин «несостоявшийся» подразумевает собой объект, который находится в процессе создания и не получился таким, каким задумывался. Поскольку государство уже существует, но в силу различных факторов слабеет и не может эффективно выполнять свои задачи и осуществлять функции, то, думается, правильным литературным переводом на русский язык можно признать «несостоятельное» государство. Поскольку именно термин «несостоятельный» означает не имеющий необходимых данных, возможностей и тому подобного для того, чтобы сделать то, что *надлежит*¹.

В рамках же теоретико-правовой науки мы считаем наиболее адекватным перевод терминов *failed/fragile/weak state* как *дисфункциональное государство*, то есть государство, неспособное на должном уровне выполнять свои функции. В частности, И.В. Понкин определяет дисфункциональное государство как государство, в котором либо публичная власть и публичное управление реализуются с существенными недостатками, либо отдельные вертикали или сегменты публичной власти сильно дезорганизованы (от серьезной неэффективности до частичного коллапса) и структурно дефективны, либо конституционный императив первичности народа элиминирован в отношении власти, которой народ делегирует публично-властные полномочия, и игнорируются публичные интересы [4, с. 64].

По мнению И.А. Аубакировой, *failed state* — это состояние неспособности государства к формированию и развитию устойчивых государственно-управленческих институтов, отсутствие у него необходимого потенциала реализовать свои обязанности и нести ответственность за выполнение того, что когда-то Т. Гоббс определил как социальный контракт [5, с. 68].

Дисфункциональное государство — преимущественно объект политологического анализа, для которого в данном контексте характерна некоторая размытость предметной области исследования. Полагаем, что здесь следует согласиться с А.В. Пищулиным, который говорит: «В рамках теории государства и права нецелесообразно рассматривать проблему неудавшихся государств с точки зрения частных политических процессов в конкретном государстве, пытаясь описывать локальную расстановку сил, действия тех или иных конкретных лиц в политическом процессе, как это в основном делают западные исследователи феномена неудавшегося государства. Задача теории государства и права здесь видится в попытках выявления общих сущностных черт и проблем неудавшихся государств, которые в свою очередь выводят нас на обсуждение состоятельности формальных признаков государства, которыми теория описывает государство как явление» [2, с. 39].

¹ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 641.

* * *

Антиподом дисфункционального государства выступает *эффективное государство*, для обозначения природы которого используются различные синонимичные понятия. Например, в отечественном социально-гуманитарном знании весьма распространенным является термин «сильное государство».

По мнению И.Н. Кукулина и А.Д. Керимова, можно выделить следующие факторы и возможности, обуславливающие смысловое наполнение понятия «сильное государство»:

1. Преодолевать кризисы, разрешать возникающие проблемы, защищать от внешних угроз свои национальные интересы способно только сильное государство, обладающее необходимыми властными ресурсами и наделенное соответствующими полномочиями.

2. Отправлять сложнейшую управленческую функцию способно только мощное и дееспособное государство, располагающее необходимыми силами и средствами и имеющее весьма широкую сферу влияния.

3. Только сильное государство может быть по-настоящему социальным.

4. Слабое, недееспособное государство в действительности создает огромное количество трудноразрешимых и при этом серьезнейших проблем глобального порядка.

5. Рынок, который способен приносить плоды, был детищем длительной эволюции, органического развития сфер производства, обмена, распределения и потребления, и нуждается в эффективном регулятивном воздействии не только со стороны отдельных институтов и структур гражданского общества, но главным образом и в первую очередь со стороны государства. Само собой разумеется, что выполнить эту невероятно трудную и масштабную задачу в состоянии только сильное, дееспособное государство.

6. Только сильное государство в состоянии обеспечить всемерную поддержку, устойчивое развитие фундаментальной науки, академического образования, искусства и литературы [6, с. 92–98].

На основе обобщения наиболее существенных признаков сильного государства, выявленных современными отечественными исследователями, Л.П. Белов предлагает их сгруппировать в следующем виде:

- группа идейно-ментальных признаков, предполагающая наличие нравственного могущества государства, государственную идеологию, цивилизационный код развития своей страны;

- группа материальных признаков силы государства, то есть, человеческий потенциал государства, его финансово-экономический базис, территория, природные ресурсы, устойчивая национальная финансовая система;

- группа признаков, включающая в себя силу собственно государства как органической надстройки (организации), выражаемая в его полноценном суверенитете, должной устойчивости государственного порядка, стабильности и способности эффективно противостоять всем внешним и внутренним вызовам;

- группа, включающая в себя эффективный потенциал системы публичного управления;
- группа социально-политических признаков — сильный социальный порядок, легитимная власть, контроль власти со стороны общества, развитое гражданское общество, эффективная политическая коммуникация, независимые СМИ, наличие у власти национально-ориентированной и ответственной элиты;
- группа политико-правовых признаков — национальный суверенитет, независимое и справедливое судопроизводство, демократический порядок ротации власти, политическая ответственность власти;
- группа, включающая в себя военную мощь надлежащей силы и эффективный дипломатический потенциал государства [7, с. 119].

А.А. Малиновский выделяет внешнеполитическое и внутриполитическое измерения концепта сильного государства. Во внутриполитическом измерении речь идет собственно о понятии «эффективное государство», «которое (1) является легальным и легитимным для своего населения; (2) эффективно осуществляет свои функции; (3) в процессе своей деятельности пользуется преимуществами права сильного; (4) не допускает войн и революций, политических и экономических кризисов (или успешно их преодолевает)» [8, с. 523].

Еще раз согласимся с А.В. Пищулиным, подчеркивающим, что «проблема неудавшихся государств актуализирует проблему функций государства, а точнее динамики и практической реализации функций государства, которые видятся здесь не в статике и не в попытках лишь их классифицировать, а в попытке дать оценку эффективности действий государства» [2, с. 49].

* * *

В отечественной правовой науке концептуальные аспекты функций государства как имманентного признака конкретной политико-правовой общности исследованы в достаточной мере. Например, А.В. Мелихова отмечает, что «функции государства — объективно необходимое, целенаправленное основное направление (сторона) деятельности государства, осуществляемое в жизненно важной сфере общественных отношений, выражающее его сущность и социальное назначение в обществе и имеющее законодательную регламентацию» [9, с. 7].

В качестве основных внутренних функций государства С.С. Алексеев указывает управленческо-обеспечительную функцию, основная задача которой — создание устойчивых и стабильных норм, регулирующих жизнь общества, а также охранительную функцию, то есть пресечение нарушений и восстановление установленного порядка. Что касается внешних функций государства (направлений деятельности государства, выражающих внешнюю политику страны) то к ним относятся обеспечение обороны, безопасности, международного авторитета, место в мировом сообществе, международные обязательства и так далее [10, с. 116–117].

Важно подчеркнуть зависимость функций от конкретного этапа государственного развития, поскольку «функции государства в любой исторический период обуславливаются объективными общественными потребностями» [9, с. 7].

К примеру, на ранних этапах развития цивилизации, были актуализированы такие функции, как:

- обеспечение продовольственными ресурсами, что также создавало основу для осуществления других функций государства. Это не только вопрос влияния внешних факторов, таких как климат и погода, но также включает в себя строительство и поддержание инфраструктуры управления водными ресурсами (ирригация и борьба с наводнениями), а также хранение зерна, что было прерогативой государственных структур;

- защита от внешнего нападения как ключевая функция любого стабильного государства требует наличия армии, будь то постоянная профессиональная армия, как в случае Рима, или армия, набираемая в случае необходимости. В любом случае с такого рода комплексной и дорогостоящей задачей может справиться только государство;

- поддержание внутреннего мира (закона и порядка) и правовая система для регулирования отношений между гражданами и между гражданами и государством вместе со средствами обеспечения исполнения государственных решений и правил на всей его территории;

- продвижение и поддержание общегосударственной идеологии, которая легитимировала политический и социальный статус-кво. Это включало право органов власти на управление и распределение богатства независимо от степени неравенства;

- время от времени могли актуализироваться и другие функции, такие как борьба с бедностью в Древнем Риме, — как периода республики, так и империи, но, возможно, это не была основная функция, имеющая решающее значение для существования государства [11, р. 9].

Для современного российского государства также характерен процесс актуализации новых функций. К традиционным внутренним (политическая, экономическая, социальная, культурная) и внешним (интеграция в мировую экономику, функция обороны, функция поддержки мирового порядка, функция сотрудничества) функциям добавляются новые самостоятельные функции, например, экологическая и информационная [9, с. 9].

Говоря непосредственно об эффективном государстве следует подчеркнуть, что «под эффективностью государственности следует понимать особую качественную характеристику процесса государственно-правового опосредования (главным образом — специально юридического) социальных отношений, которая включает в себя три основных компонента:

- 1) результативность, то есть степень достижения соответствующих целей;
- 2) степень социальной ценности (полезности) полученных результатов;

3) степень морального (нравственного) совершенства применяемых в процессе функционирования государственности средств» [12, с. 12].

А.П. Цыганков выделяет следующие признаки эффективного государства: способность обеспечить стране политическую стабильность, экономический рост и перспективу экономического развития; способность мобилизовать ресурсы для решения поставленных задач; наличие элементов демократии, позволяющей осуществлять обратную связь между обществом и правящей элитой; достаточный уровень административной власти для противостояния как внешнему давлению, так и группам, лоббирующим специальные интересы [13, с. 9].

* * *

В качестве вывода можно привести мнение о строгой функциональности эффективного государства, то есть вся деятельность государства — это практическая реализация своих функций [12, с. 12]. Таким образом, в качестве основных дескриптивных функций эффективного государства можно выделить следующие:

- политико-правовая функция — обеспечение легальности/легитимности публичной власти, осуществление необходимого уровня нормативно-правового регулирования общественных отношений, обеспечение законности и общественного порядка;
- финансово-экономическая функция — осуществление фискальной и денежно-кредитной политики, развитие экономики на основе принципов стратегического планирования и устойчивого развития;
- социальная функция — обеспечение гармоничного взаимодействия многонационального и многоконфессионального российского социума на принципах патриотизма и сохранения исторической памяти, а также реализация конституционного статуса России как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции Российской Федерации);
- культурно-воспитательная функция — «включает в себя деятельность государства в сфере культуры и воспитания, осуществляемую с целью обеспечения культурных прав и свобод, развития культурного потенциала страны, сохранения культурного наследия, самобытности и накопленных знаний, их трансляции последующим поколениям, а также воспитания личности и общества» [14, с. 25];
- функция обороны от внешней агрессии и обеспечения военной безопасности складывается из следующих направлений: укрепление оборонной мощи страны, постоянное совершенствование и повышение боеспособности и боеготовности вооруженных сил, охрана государственных границ, организация гражданской обороны, военное обучение запаса вооруженных сил (резерва),

а также обеспечение защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз [15, с. 18] и так далее.

Только реализация в совокупности вышеуказанных основных, а также дополнительных государственных функций выступает гарантией построения эффективной и устойчивой государственности.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке: пер. с англ. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
2. Пищулин А.В. Слабое, или неудавшееся, государство: теоретическая постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 5.
3. Мюллер В.К. Большой современный англо-русский, русско-английский словарь. Новая редакция: около 450 000 слов, словосочетаний и идиоматических выражений. М.: Цитадель-трейд: РИПОЛ классик: Дом XXI век, 2009.
4. Понкин И.В. Дисфункциональное государство и несостоятельное государство // Государственная служба. 2013. № 6.
5. Аубакирова И.А. Failed state (Неудавшееся государство) в контексте проблемы государственного суверенитета // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерение. Материалы круглых столов. Часть 1. М.: Проспект, 2015.
6. Куксин И.Н., Керимов А.Д. «Сильное государство»: теория и практика в XXI веке // Право: история и современность. 2018. № 4.
7. Белов Л.П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. 2019. № 4.
8. Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Том 25. № 3.
9. Мелихова А.В. Функции советского и современного российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
10. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 8. М.: Статут, 2010.
11. Levitt Malcolm. Why Did Ancient States Collapse? The Dysfunctional State. Archaeopress, 2019.
12. Затонский В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008.
13. Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. Март-апрель. 2015. Спецвыпуск.
14. Горбатовская Е.С. О содержании культурно-воспитательной функции государства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.
15. Самородов Д.А. Особенности реализации функции государства по обороне страны в СССР и Российской Федерации: исторический аспект и современное состояние // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2021. № 2.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АБСЕНТЕИЗМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В работе рассматривается проблема политического абсентеизма современной молодежи и его влияние на электоральную активность и политическую стабильность общества. Особое внимание уделено анализу современной избирательной системы, ее недостатков, в том числе таких, как отсутствие ответственности избранных представителей за неисполнение предвыборных обещаний, а также недостаточный уровень прямой связи между властью и гражданами, что влечет за собой дефицит доверия к власти. Молодежь представлена как активная сила, способная воздействовать на политический процесс. Предлагаются пути решения проблемы политического абсентеизма.

Ключевые слова: политический абсентеизм, молодежь, электоральная активность, избирательная система, конституционная демократия.

POLITICAL ABSENTEEISM OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. The paper examines the problem of political absenteeism among modern youth and its impact on electoral activity and political stability of society.

Particular attention is paid to the analysis of the modern electoral system, its shortcomings, such as the lack of responsibility of elected representatives for failure to fulfill election promises, as well as the lack of direct communication between the government and citizens, which, in turn, entails a lack of trust in the authorities. Young people are presented as an active force capable of influencing the political process, and ways to solve the problem of political absenteeism are proposed.

Keywords: political absenteeism, youth, electoral activity, electoral system, constitutional democracy.

Абсентеизм есть «неучастие граждан в голосовании на выборах и референдумах, что снижает явку избирателей и по большому счету легитимность этих государственных институтов. Абсентеизм (absenteeism — отсутствие, игнорирование) — уклонение избирателей от участия в выборах, или, в более широком понимании — политическое поведение, характеризующееся уклонением от какого-либо политического участия (равнодушное отношение

КАЧАЛОВ Александр Геннадьевич — главный специалист отдела учебно-методического и аналитического обеспечения ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда Российской Федерации, аспирант кафедры конституционного и административного права Института права Тольяттинского государственного университета, г. Москва

к партийной деятельности, участию в митингах и демонстрациях, интернет-инициативам и т.д.). Абсентеизм — явление не только российское. Он свойственен всем странам. В среднем 1/3 населения аполитична и не участвует в выборах, активизируясь разве что в переломные периоды. Абсентеизм — обратная сторона электоральной активности и права избирателя на добровольное участие в выборах» [9, с. 7].

Традиционно высок уровень абсентеизма среди молодежи. Борьба за симпатии электората, особенно молодых избирателей — одна из важнейших задач любой политической партии не только в период выборов, но и ежедневно.

Активность молодежи многоаспектна, таким же является ее электоральное поведение. Имеется достаточное количество примеров, когда электоральная целеустремленность молодежи ниже, чем аналогичная активность старшего поколения, но также остается неоспоримым тот факт, что молодежь — это наиболее деятельная и мобильная часть населения. Ее низкая электоральная активность является ответом на сомнения общества в легитимности, открытости, чистоте и прозрачности выборов.

Политический абсентеизм молодого поколения модифицируется в протестную активность, которую используют оппозиционные силы и/или враги государства, влияя на формирование его отношения к конституционному строю, — как к демократическому или недемократическому.

По мнению Н.А. Бобровой, «выборы, избирательное право, ответственность за его нарушения являются существенными элементами конституционного строя» [3, с. 212], а сам «конституционный строй есть политико-юридическое выражение такой формы государственного и общественного строя, при которой признается народовластие, то есть народ конституционно объявляется источником государственной власти, и появляются институты участия народа во власти, для чего создаются выборные органы власти и возникает институт выборов. Выборы — важнейший элемент конституционного строя» [3, с. 174]. Похожее определение дает и Н.С. Бондарь [5, с. 16–19]. Отчуждение власти от народа, а избранных — от избирателей является главной причиной низкой электоральной активности и возрастающего политического абсентеизма, то есть неучастия избирателей в выборах и политическом процессе. В публицистике неучастие в выборах получило название «голосование ногами», хотя в определенном восприятии корректность этого термина вызывает сомнение.

Политический абсентеизм — поведенческая модель уклонения от конструктивного участия в политической жизни общества и государства, прежде всего в выборах. Причина подобных проявлений в несовершенстве избирательного законодательства и избирательного процесса, в том числе в избирательных деликтах, особенно латентных (в виде широко используемого административного ресурса кандидатов, прежде всего кандидатов от партии правящего большинства, что во многом предопределяет исход выборов).

Электоральная активность молодежи — это структурный элемент безопасности государства и показатель доверия молодого поколения институту выборов, демократическим институтам государства, а также индикатор состояния конструктивности молодежной среды по отношению к официальной власти.

Народ является тем структурным элементом, который своим волеизъявлением формирует государственные органы власти, а любые представительные органы по факту ведут к отделению властных органов от непосредственного источника публичной власти — народа. Политические партии — посредники или агенты между народом и органами публичной власти [18, с. 48–53].

Именно предвыборные обещания мотивируют избирателя отдать свой голос за определенного кандидата, который своими прямыми действиями возложил на себя различные обязательства перед электоратом (различные агитационные материалы, баннеры, публикации в СМИ).

Согласно пункту 10 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ политическая партия, выдвинувшая кандидатов, список кандидатов, должна публиковать свою политическую программу, что превращает ее в правовой документ и подтверждается юридическим действием — фактом публикации.

Ввиду длящегося характера избирательных правоотношений обязательства победившего кандидата перед избирателями возникают только после победы, как и право избирателей требовать отчета или отзыва избранника, что свидетельствует о конституционности нормы в виде ответственности избранного кандидата путем отзыва. В практической же плоскости отсутствует обязанность избранных депутатов отчитываться перед избирателями или нести конституционно-правовую ответственность в том числе в виде отзыва [17, с. 51–52].

Введение института регулярных отчетов перед избирателями уже способствовало бы решению проблем доверия граждан избираемым органам и снижению политического абсентеизма, особенно среди молодых избирателей. В современных условиях отчетность депутатов и иных выборных должностных лиц перед избирателями может быть практически каждодневной благодаря социальным сетям, в которых выборные лица в непрерывном режиме выкладывают фотографии, видеоролики, комментарии, обращения в правоохранительные и иные органы власти и ответы последних, иные документы, отражающие каждодневную работу избранников. Самыми активными пользователями социальных сетей являются как раз молодые

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

граждане в возрасте от 14 до 44 лет, в том числе электорального возраста, начиная с 18 лет².

Молодежь особенно остро реагирует на нечестность со стороны власти, к которой, безусловно, можно отнести неисполнение предвыборных обещаний. Она разбирается в инновационных избирательных технологиях, связанных с виртуальным пространством и социальными сетями, быстро находит информацию о кандидатах из разных интернет-источников [7, с. 124–150].

Молодое поколение выступает основной действующей силой в массовых акциях. Зачастую его простое недовольство выражается в постепенном или резком смещении мировоззренческих установок в радикальную область, когда молодежь идет на прямое столкновение с действующей властью, тем более в ситуациях провокаций, инспирируемых врагами государства [2, с. 12]. Именно молодежь, «будучи наиболее активной и прогрессивной частью общества, призвана не только способствовать поступательному социально-экономическому развитию страны, но и обеспечить ее национальную безопасность перед лицом современных глобальных вызовов» [13, с. 91]. В.В. Комарова отмечает, что «правосознание молодежи видится фактором устойчивого развития нашего государства и общества» [8, с. 154].

Народ, обладающий конституционным правом избирать, в настоящее время лишен возможности действенным образом влиять на деятельность избираемых им органов публичной власти. Все сведено к избирательным циклам (5 и 6 лет). Конституционная модель на практике превращается в бытность, которая может слишком сильно отклоняться от конституционного идеала и вызывать недовольство общества, авангард которого часто составляют молодые люди.

Для нового поколения особенно важным стал бы институт участия в выборах посредством выдвижения от лица инициативных групп, так как современная молодежь собирается в большей степени именно в неформальные (не имеющие юридического оформления) образования. Отдельно можно рассматривать возможность выдвижения кандидатов от общественных организаций при соблюдении определенных требований; использование методов и инструментов блокчейна в процессе выборов и иные цифровые технологии и возможности.

Таким образом, низкая электоральная активность молодежи прямо пропорциональна высокому политическому абсентеизму молодежи. Высокий политический абсентеизм молодежи ведет к протестной активности, то есть активизации деструктивных проявлений в молодежной среде, выражающихся в условно-пассивной форме в виде публикаций и призывов к действиям в Интернете, а также в активной форме в виде акций протеста как санкционированных, но периодически перерастающих в стихийные, так и в ряде

² Социальные сети, как инструмент продвижения. Интернет маркетинг салонов красоты и спа // Spa management инвесторам и управляющим. URL: <https://spamanagement.su/manager/marketing/182-social-marketing> (дата обращения: 10.12.2024).

случаев — несанкционированных. Как пишет С.А. Авакьян, «совершенствование избирательного законодательства и обеспечение максимальной реализации как избирательных, так и всех иных, сопутствующих прав и свобод граждан — актуальная задача российской практики и теории» [1, с. 18].

На наш взгляд, решение проблемы политического абсентеизма, возможно, притом прежде всего в рамках мер по совершенствованию законодательства. Некоторые из наших предложений в том или ином виде уже озвучивались в научной литературе [1; 4; 6, с. 471–478; 10, с. 38–43; 11, с. 46–52; 12, с. 186–193; 14, с. 86–100; 15, с. 23–25; 16, с. 25–29]. В этой части мы солидарны со многими предложениями, так и не реализованными законодателем. Думается, что повысить доверие молодежи к выборам как к демократическому институту могут следующие действия:

- отмена заградительного барьера;
- возвращение избирательного залога;
- введение института мониторинга предвыборных обещаний кандидатов (мониторинг предвыборных обещаний может стать предметом деятельности общественных палат всех уровней);
- распространение принципа объективности и достоверности не только на информационные материалы, публикуемые в период выборов, но и на агитационные материалы (отсутствие данных качеств провоцирует и легализует откровенная ложь в агитационных материалах);
- возвращение института договоров между кандидатами и лицами, выполняющими избирательные услуги на добровольной безвозмездной основе (такой институт повышает прозрачность избирательных фондов кандидатов и уменьшает использование бесплатной рабочей силы на выборах в виде зависимых от кандидатов сотрудников);
- возврат к избранию судей, в особенности — мировых судей, на выборах одновременно с другими выборами (нынешний порядок назначения судей делает их безответственными и далекими от народа, что порождает и коррупциогенность в судебской среде);
- избрание председателей судов не более чем на два года и на не более двух сроков подряд (в целях исключения бюрократизации должности судьи и воздействия на других судей в нарушение принципа их равенства).

Доверие молодежи демократическим институтам государства, желание молодежи участвовать в политической жизни страны — это основа формирования здоровой преемственности между поколениями, развития государства и его процветания, которые являются прямым ответом проявлениям политического абсентеизма в молодежной среде.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Обеспечение прав и свобод граждан в контексте совершенствования избирательного законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 2.

2. Бернейс Э. Пропаганда. СПб.: Издательство «Питер», 2021.
3. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. 264 с.
4. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М.: Юрлитинформ, 2019. 544 с.
5. Бондарь Н.С. Конституция — нормативная основа разрешения социальных противоречий (к 10-летию принятия Конституции Российской Федерации) // Проблемы права. Международный правовой журнал (Костанайский госуниверситет). 2003. № 1.
6. Качалов А.Г. Конституционные аспекты абсентеизма и электоральной активности молодежи / Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. VI. Конституционное право России: монография / под ред. проф. Н.А. Бобровой, проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ. 2021.
7. Колюшин Е.И. Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3.
8. Комарова В.В. Об электоральной активности // Конституционализация российского права в учении академика О.Е. Кутафина: монография / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. В.В. Комарова. М.: Норма: Инфра-М. 2023.
9. Конституционно-правовая политика современной России: словарь-справочник / Под ред. А.В. Малько, Е.А. Абасовой. М.: Проспект. 2024. 121 с.
10. Любарев А.Е. Предложения по срочным изменениям федерального законодательства о выборах и партиях // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3.
11. Любарев А.Е. Регистрация кандидатов и партийных списков: необходима смена парадигмы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12.
12. Сеницын И.М., Качалов А.Г. К вопросу об идеологическом поиске в России // Власть. 2019. Т. 27. № 5.
13. Тороп Ю.В. Правовые и организационные основы молодежного участия и молодежного самоуправления // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 4(34).
14. Турищева Н.Ю. Публично-правовое и частноправовое начала регулирования предвыборной агитации // Журнал российского права. 2020. № 1.
15. Тхабисимова Л.А., Тхабисимов Х.А. К вопросу о ключевых проблемах молодежного абсентеизма в современных условиях // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3.
16. Черепанов В.А. Муниципальный фильтр губернаторских выборов: за и против // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7.
17. Черепанов В.А. Право выдвижения кандидатов в структуре избирательных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10.

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ДОКТРИНЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ

Аннотация. В настоящей статье сделана попытка построения динамики развития доктрины информационных прав. Исследованы подходы к пониманию права на информацию и на доступ к информации в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Отдельное внимание уделено анализу правовой природы цифровых прав человека.

Ключевые слова: права человека, право на информацию, право на доступ к информации, информационные права, цифровые права.

THE DYNAMICS OF THE FORMATION OF THE DOCTRINE OF INFORMATION RIGHTS

Abstract. In this article, the author attempts to build the dynamics of the development of the doctrine of information rights. The approaches to understanding the right to information, the right to access information in the works of foreign and domestic researchers are studied. Special attention is paid to the analysis of the legal nature of digital human rights.

Keywords: human rights, the right to information, the right to access information, information rights, digital rights.

Зарубежная доктрина информационных прав

Информация, как всеобъемлющий социальный ресурс, была предметом исследования еще философов Античности. Сократом, Аристотелем, Платоном обсуждались вопросы использования знаний (информации) во имя эгоизма, жажды власти и общего блага [1, с. 10].

Во второй половине XVII века в трудах шведского мыслителя и политического деятеля А. Кидениуса можно встретить упоминания о свободе информации в качестве права человека, необходимости отмены политической цензуры и предоставления общественного доступа к правительственным документам. Как отмечает Юха Мустонен (Juha Mustonen), именно Кидениус является идейным, доктринальным вдохновителем закона Швеции 1766 года «О свободе слова и печати», в течение практически 200 лет остающегося единственным в мире законом, легально закрепившим право на информацию [22, с. 4]. Закон, составляющий часть Конституции Швеции,

устанавливает свободу прессы, включая свободу печати и распространения материалов о правительстве, судах и парламенте; признает, что свобода прессы зависит от доступа к информации и гласит: «с этой целью должен быть предоставлен свободный доступ ко всем архивам с целью копирования таких документов на месте или получения их заверенных копий» [21].

Последующее развитие доктрины информационных прав и правового регулирования информационных отношений связано, по мнению ряда зарубежных исследователей, в частности М. Ригнера (Michael Riegner), с тремя факторами. Во-первых, политической либерализацией: если принятие упомянутого шведского закона было направлено на уступку монархией власти парламентской оппозиции, то массовое принятие законов о доступе к информации в 1990-х годах является ответом на авторитарный опыт и необходимость выстраивания подотчетности государства обществу. Во-вторых, расцветом административного государства — резким увеличением числа государственных служащих в 40-х годах XX века. В-третьих, «информационной революцией» второй половины XX века [23, с. 336].

По определению М. Кастельса, только во второй половине прошлого столетия основным способом развития становится информационализм [6, с. 492]. Для него, в отличие от прежних способов — аграрного и индустриального, специфическим является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Отсюда и разница в вариантах развития: индустриализм ориентирован на экономический рост, то есть на максимизацию выпуска; информационализм — на технологическое развитие, то есть на накопление знаний и более высокие уровни сложности в обработке информации [13, с. 56].

* * *

Информационная революция, развитие информационно-коммуникационных технологий существенным образом повлияли на все сферы жизни общества, в том числе и право, институт прав и свобод человека и гражданина. Данные процессы потребовали создания новых теоретических подходов к совершенствованию правового механизма защиты (охраны) прав и свобод человека, в первую очередь, права на информацию, на доступ к информации, защиту частной жизни, включая личную и семейную тайны, что обусловило заключение международных договоров в области прав человека, принятие внутригосударственных правовых актов, направленных на регулирование информационных отношений.

Право на информацию и доступ к информации, как и право на защиту частной жизни, как правило, закрепляются на конституционном уровне. При этом в литературе, хотя и достаточно условно, выделяется два способа формализации информационных прав в зарубежных конституциях. Один из них — расширение конституционной формализации права на информацию [8, с. 32]. Например, каждый имеет право свободно получать информацию,

распространяемую для всеобщего пользования; каждый имеет право свободно распространять идеи, мнения, убеждения и иную информацию устно, печатно, изобразительным или иным способом (ст. 44, 45 Конституции Эстонии).

Законом право на информацию может быть ограничено в целях охраны прав и свобод других людей и тайны происхождения ребенка, а также в целях пресечения преступления, задержания преступника или выяснения истины в ходе уголовного производства (ст. 44 Конституции Эстонии); применительно к государственным и муниципальным служащим в целях охраны государственной или коммерческой тайны, ставшей им известной в силу служебного положения либо информации, полученной ими в конфиденциальном порядке, а также в целях охраны семейной и частной жизни других людей и в интересах правосудия (ст. 45 Конституции Эстонии).

Другой способ конституционализации информационных прав — закрепление невмешательства государства в данной сфере. Так, Первая поправка к Конституции США закрепляет положение о неправомерности Конгресса принимать законы, ограничивающие свободу слова или свободу печати, или право народа обращаться к правительству с жалобой о возмещении ущерба.

* * *

В зарубежной литературе встречаются термины «свобода информации», «право на информацию», «право на доступ к информации». В то же время в науке нет единого мнения о соотношении и юридической природе данных прав.

Со ссылкой на статью 10 Конвенции о защите прав и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека по делам «„Санди Таймс“ против Соединенного Королевства» и «Герра и другие против Италии» Н. Хелбергер отождествляет право на доступ к информации и право на информацию. Он обозначает право на доступ к информации как возможность неопределенного круга лиц на получение информации по вопросам, представляющим общественный интерес, которые передают средства массовой информации, а не право отдельных зрителей на доступ к контенту. Средство массовой информации функционирует как посредник и носитель общественного интереса. В этом смысле роль отдельного гражданина является пассивной и заключается в получении информации, которую средства массовой информации предпочтут передать [20, с. 6].

М. Ригнер пишет, что в конституционно-правовой доктрине право на доступ к информации — субъективное, позитивное, безусловное и защищаемое в судебном порядке право человека. Термины «свобода информации», «право на информацию» им используются в более широком смысле, который дополнительно включает негативный аспект, защищающий получателя информации от вмешательства государства. Такое понимание информационных прав автор выводит из анализа положений шведского закона 1776 года «О свободе прессы и печати» и Закона о свободе информации в США 1966 года [23, с. 335].

Информационные права в трудах отечественных ученых

Впервые мысль о формировании информационного права в отечественной правовой науке была высказана А. Венгеровым в 1970-х годах [3, с. 222].

Вместе с тем нужно обратить внимание на то, что «идея прав человека не была обусловлена историческим опытом России», а «явилась своего рода интеллектуальным продуктом, остроумной творческой находкой, появившейся в результате глубокого осмысления векового опыта бесправия», то есть «примером того, как сила мысли преобразует реальность» [9, с. 316]. Антиличностная направленность российской цивилизации «отразилась на характере государственности, ее структуре, взаимоотношении человека и власти, пренебрежении к праву, правовом нигилизме, беззакониях», определив менталитет народа — покорность и смирение, с периодическими бунтами [10, с. 57].

Отечественная доктрина информационных прав получила развитие после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция), что согласуется с вышеозначенной общемировой тенденцией политической либерализации.

Конституция гарантирует неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); право на информацию о себе (ч. 2 ст. 24); свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29); свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29).

Закрепленные в Основном законе права в информационной сфере большинство отечественных исследователей аккумулируют в собирательное понятие «право на информацию», которое рассматривается в разных аспектах: как комплексное субъективное право гражданина; как конституционный принцип информационной открытости деятельности государственных органов, призванных претворять в жизнь права граждан, в том числе в информационной сфере; как основа нового социально-экономического права [7, с. 24].

Отечественные ученые, наряду с их зарубежными коллегами, характеризуют право на информацию как присущее каждому человеку, неотчуждаемое, обладающее прямым действием право. При этом право, не являющееся абсолютным ввиду наличия в законодательстве государственной, коммерческой, личной, врачебной и иных видов тайн [7, с. 25].

Анализируя соотношение терминов «право на информацию» и «право на доступ к информации», закрепленных в конституционном тексте, российские ученые указывают на более широкое понимание первого — «права на информацию». Так, по мнению Э.В. Талапиной, в части 1 статьи 29 Конституции речь идет о праве на информацию в широком понимании («добывание» любой информации любым законным способом), а в части 2

статьи 24 — о праве на доступ к информации о себе («добывание» персонализированной информации посредством доступа к ней). В этом плане можно различать право на информацию как родовое понятие, а право на доступ к информации — как его разновидность, выделяемую по признаку способа «добывания» [15, с. 77].

Понятие и место цифровых прав в системе прав человека

Одной из тенденций развития права на информацию выступает его реализация в Интернете [11, с. 206] и появление в юридической науке категории «цифровые права человека».

В публичном праве не сложилось единого мнения о правовой природе «цифровых прав человека». В данном контексте можно выделить две группы ученых: первая отстаивает положение о том, что цифровые права по своей сущности являются «традиционными» правами человека, вторая выделяет их в отдельную группу.

Цифровые права человека как элемент традиционных прав. В.Д. Зорькин под цифровыми правами понимает «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к Интернету. А также право свободно общаться и выражать мнения в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации... Цифровые права человека — это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [4].

Определяя сущность «цифровых прав человека», В.В. Невинский указывает на три признака. Во-первых, правовую основу цифровых прав человека составляет одно из фундаментальных профильных прав человека: конституционное право на свободу информации в его многообразном проявлении, включая права свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции).

Во-вторых, конституционное право на свободу информации с его отдельными детализирующими конституционными правами развивается иными традиционными конституционными правами на определенные виды и способы оборота информации. Среди них — право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); право каждого на дачу согласия на сбор, использование и распространение информации о его частной жизни (ч. 1 ст. 24) и так далее.

В-третьих, правовая природа каждого из названных информационных прав человека характеризуется отнесением его Конституцией к основным правам человека, декларируемым в качестве высшей общественной ценности, которую государство обязано признавать, соблюдать и защищать (ст. 2), провозглашаемым неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения (ч. 2 ст. 17), непосредственно действующим, определяющим смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемым правосудием (ст. 18). Цифровизация настоящих оценочных конституционных положений, как и соответствующих информационных прав человека, лежащих в основе этих положений, не колеблет их принципиального характера [12, с. 25].

Главный аргумент данной группы ученых заключается в том, что «традиционные» права человека были сформулированы в международных документах и конституциях в период отсутствия всеобщего доступа в Интернет и повсеместного применения цифровых технологий. Большинство основных прав сформулированы на базе общих этических и общественных ценностей, а не адаптированы к конкретным ситуациям и обстоятельствам.

Преимущество широких формулировок заключается в том, что они дают простор для толкования и могут быть легко применены к самым разным ситуациям в самых разных контекстах. Этот аспект, безусловно, помог большинству основных прав выдержать испытание временем и остаться основополагающими. Информационно-коммуникационные и цифровые технологии в данном случае — лишь средства реализации «традиционных» прав человека: в частности, право человека на свободу информации; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; право на объединение.

Цифровые права как отличные от «традиционных» прав человека. Как отмечает В.А. Карташкин, цифровые права обладают специфическими детерминантами (технический прогресс, массовое внедрение цифровых технологий), придающими им характер *suí generis* (единственного в своем роде) [5, с. 949].

Э.В. Талапина полагает, что рассматривать в современных реалиях цифровые технологии лишь как средство реализации прав человека — вчерашний день, так как при таком подходе существует риск отставания от развивающихся общественных отношений. И приводит пример, когда пренебрежение информационными коммуникационными технологиями стало причиной растягивания во времени административной реформы по информатизации оказания государственных услуг [14, с. 50].

* * *

В литературе право на доступ в Интернет рассматривается в качестве ядра всех иных цифровых прав [2, с. 23]. Анализируя особенности работы Сети, М. Бест еще в 2004 году аргументировал самостоятельность права на

доступ в Интернет от информационных прав. Его основной аргумент звучит так: «Однако я выдвигаю более веское утверждение, которое заключается в том, что право на информацию в некоторой степени требует Интернета, и, таким образом, доступ к Интернету сам по себе стал правом человека... Таким образом, быть исключенным из этой информационной технологии — это, по сути, быть исключенным из информации, и точка» [18, с. 80].

А.И. Хуснутдинов рассматривает Глобальную сеть как социальное благо со следующими качествами: широта предлагаемых возможностей для личности по реализации своего потенциала и по реализации иных субъективных прав; цифровая среда взаимодействия участников информационного общества, включая государство и его органы, институты гражданского общества и отдельных лиц; средство трансформации доступа к материальным и нематериальным благам и расширения их содержания; ценность в общественном сознании в качестве самостоятельного блага. Он заключает, что необходимость введения в систему российской юриспруденции понятия «право на доступ в Интернет» как комплексного субъективного права личности, имеющего фундаментальное (конституционное) значение, проистекает из возросшей социальной значимости Интернета, сформировавшейся в законодательстве системы ограничений доступа и риском нарушения функционирования российского сегмента компьютерной сети в результате вредоносного воздействия. Такая институционализация субъективного права направлена на обеспечение баланса интересов государства, общества и личности и повышение гарантированности прав личности в условиях обеспечения технологического суверенитета государства в текущих условиях [17, с. 10].

Соглашаясь с А.И. Хуснутдиновым в части понимания Интернета в качестве блага и ценности, считаем необходимым обратить внимание на дальнейшую необходимость исследования цифровых прав человека с целью предотвращения рисков и проблем, которые несет Интернет.

* * *

Отказ от использования цифровых технологий уже исследуется российскими и зарубежными правоведом в качестве составной части права быть человеком, то есть правовой возможности индивида быть защищенным от каких-либо посягательств на его естественную природу как биофизического, интеллектуально-разумного, психического, социального и духовно-культурного существа, выделившегося из других форм жизни, благодаря способности производить и использовать орудия труда для обеспечения своей жизни и преобразования мира, обладающего, наряду с телом, членораздельной речью, сознанием, нравственными и духовными качествами [16, с. 43].

Сложность построения стройной системы цифровых прав человека вызвана следующими объективными факторами: отсутствие единого нормативного правового акта, закрепляющего исчерпывающий перечень цифровых

прав человека (при этом создание такого перечня вряд ли представляется возможным ввиду второй причины); постоянное развитие общественных отношений и цифровых технологий не дает возможности выстроить точную систему и исчерпывающий перечень цифровых прав, так как всегда существует риск усовершенствования технологии и появления нового цифрового права.

Каталог цифровых прав постоянно дополняется. После пандемии COVID-19 среди правоведов идут дискуссии о содержании таких цифровых прав, как право находиться оффлайн (the right to be offline), право менять свои интересы (the right to change your mind), право начать все с чистого «цифрового» листа (the right to start over with a clean (digital) slate), право на ограниченный срок действия персональных данных (the right to expiry dates for data), право знать ценность своих персональных данных (the right to know the value of your data), право на «чистую» цифровую среду (the right to clean digital environment), право на безопасную цифровую среду (the right to safe digital environment) [19, с. 6].

Представляется, что объединяющими признаками вышеперечисленных прав, которые позволяют выделить их в отдельную группу, могут выступить, во-первых, возможность их реализации только с использованием цифровых технологий; во-вторых, существование цифровых прав только в пределах цифровой среды, цифрового пространства; в-третьих, объектом цифровых прав является информация. При этом последний признак сближает цифровые права с информационными.

Заключение

Анализ динамики становления доктрины информационных прав на рубеже последних двух столетий позволяет сделать следующие выводы.

Основными факторами, определяющими развитие доктрины информационных прав, появление и развитие правового регулирования отношений в информационной сфере являются информационная «революция», расцвет административного государства и политическая либерализация второй половины XX века.

В конституционно-правовой доктрине наиболее часто встречается мнение о комплексном характере права на информацию, которое, с одной стороны, рассматривается как субъективное, позитивное, безусловное и защищаемое в судебном порядке право человека (право на доступ к информации), с другой — включает негативный аспект, невмешательство государства в автономию личности в информационной сфере.

Повсеместное внедрение и развитие информационно-коммуникативных и цифровых технологий, в особенности Интернета, позволяет выделить категорию «цифровые права человека», определяющими признаками которой выступают: возможность реализации этих прав только с использованием

цифровых технологий; их существование исключительно в пределах цифровой среды и цифрового пространства; объектом цифровых прав выступает информация.

С развитием цифровых технологий перечень цифровых прав человека постоянно расширяется, что обуславливает сложность построения стройной системы этих прав.

Список литературы

1. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2015. 564 с.
2. Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4.
3. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: (Теорет. вопросы) / ВНИИ сов. законодательства. М.: Юрид. лит., 1978. 206 с.
4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета (Столичный выпуск). 2018. 29 мая. № 115. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-izashchishchat-cifrovy-prava-grazhdan.html>.
5. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. 2022. № 4.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Выш. шк. экономики. М., 2000. 606 с.
7. Короткова М.В. Конституционные основы взаимодействия органов публичной власти Российской Федерации и гражданина в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 203 с.
8. Косорукова Т.В. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 5. 2013.
9. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. 356 с.
10. Лукашева Е.А. Российская цивилизация и права человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009.
11. Минбалеев А.В. Право на информацию: природа и особенности развития в современном мире // Вопросы управления. 2014.
12. Невинский В.В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11.
13. Отюцкий Г.П. Классические исследования в информационной антропологии: Мануэль Кастельс о культуре информационного общества // Система ценностей современного общества. 2012. № 23.
14. Талапина Э.В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. № 2. 2019.
15. Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6.

16. Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком — фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11.
17. Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 271 с.
18. Canetti D., Shandler R. A reality of vulnerability and dependence: internet access as a human right. *Israel Law Review*. № 52(1). 2019.
19. Custers B. New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // *Computer Law and Security Review*. 2022. № 4.
20. Helberger N. The «Right to Information» and Digital Broadcasting — About Monsters, Invisible Men, and the Future of European Broadcasting Regulation // *Entertainment Law Review*. Vol. 17. № 2. 21 p.
21. History of Right of Access to Information // Access Info Europe. URL: <https://www.access-info.org/2009-07-25/history-of-right-of-access-to-information/> (дата обращения: 01.12.2024).
22. Mustonen J. The World's First Freedom of Information Act Anders Chydenius' Legacy Today. Kokkola: Anders Chydenius Foundation, 2006. 103 p.
23. Riegner M. Access to Information as a Human Right and Constitutional Guarantee. A Comparative Perspective // *Verfassung und Recht in Übersee / Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 2017. Vol. 50, № 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

БАЙХАНОВ Умар Баутдинович, председатель избирательной комиссии Чеченской Республики; BAYKHANOV Umar Bautdinovich, Chairman of the Election Commission of the Chechen Republic; ikchr@chechen.izbirkom.ru

БЕРЁЗКИНА Елена Юрьевна, младший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, старший преподаватель РЭУ имени Г.В. Плеханова, ORCID: 0000-0001-8082-3880; BEREZKINA Elena Yurievna, Junior Research Associate, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics; euproskurina@gmail.com

БОГДАНОВА Полина Александровна, студент юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; BOGDANOVA Polina Alexandrovna, Student of the Faculty of Law, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; bogdanova.bogdanova-polin2014@yandex.ru

БОТАШЕВ Биаслан Алиевич, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; BOTASHEV Biaslan Alievich, Postgraduate Student of the Department of State and Legal Disciplines, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»; botashevtr@yandex.ru

БУРОВА Анна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии Российского государственного гуманитарного университета; BUROVA Anna Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor of the Department of Culture of Peace and Democracy, Russian State University for the Humanities; burova-denjak@mail.ru

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна, доктор политических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: 0000-0001-5532-844X; VELIKAYA Nataliya Mikhailovna, Doctor of Sciences (Politics), Deputy Director for Scientific Work, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; natalivelikaya@gmail.com

ЕГОРОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); EGOROV Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); egorov.a90@mail.ru

ЗАХАРОВА Вера Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры парламентаризма и межпарламентского сотрудничества ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры государственного и муниципального управления РЭУ имени Г.В. Плеханова; ZAKHAROVA Vera Igorevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Parliamentarism and Interparliamentary Cooperation, IGSU Russian Presidential Academy of National

Economy and Public Administration, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Plekhanov Russian University of Economics; vizaharova@bk.ru

КАЧАЛОВ Александр Геннадьевич, главный специалист отдела учебно-методического и аналитического обеспечения ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда Российской Федерации; аспирант кафедры конституционного и административного права Института права Тольяттинского государственного университета; KACHALOV Alexander Gennadievich, Chief specialist of the Department of Educational, Methodological and Analytical Support Federal State Budgetary Institution «All-Russian Research Institute of Labor» of the Ministry of Labor of Russia; Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law of Togliatti State University; akachalov@vcot.info

КОСТЕНКОВ Константин Андреевич, аспирант, ассистент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); KOSTENKOV Konstantin Andreevich, Postgraduate Student, Assistant of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); constantine.kostenkov@yandex.ru

КУЗЬ Стелла Игоревна, аспирант кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; KUZ Stella Igorevna, Postgraduate of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; ha4aturova.stella@ya.ru

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Новосибирского государственного университета экономики и управления; MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management; makarzew@mail.ru

МАКСИМОВА Светлана Николаевна, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент; MAKSIMOVA Svetlana Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D., Associate Professor; SNMAKSIMOVA@msal.ru

МАРКИНА Людмила Леонидовна, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; MARKINA Lyudmila Leonidovna, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation; marka15@mail.ru

МУЗАЛЕВСКАЯ Екатерина Андреевна, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; MUZALEVSKAYA Ekaterina Andreevna, Student, Kutafin Moscow State University of Law (MSAL); katerina.muzalevskaya13@gmail.com

НИТОЧКИН Федор Васильевич, ответственный секретарь Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по общественному контролю и работе с обращениями граждан, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; NITICHKIN Fedor Vasilyevich, Executive Secretary of the Commission of the Civic Chamber of the Russian Federation for Public Control and Handling of Citizens' Appeals, Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); specialists0159332@msal.edu.ru

НОВАК Сергей Александрович, магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

NOVAK Sergey Alexandrovich, Master Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; novak_s_a_83@mail.ru

ПАЛЮЛИН Антон Юрьевич, преподаватель кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия», аспирант; PALYULIN Anton Yuryevich, Lecturer at the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Postgraduate Student; anton@palyulin.ru

ПОПАДЮК Алла Эдуардовна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; POPADYUK Alla Eduardovna, PhD in Political Science, Senior Lecturer of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; AEPopadyuk@fa.ru

ПУЧКОВ Владислав Олегович, кандидат юридических наук, ведущий юрист-консульт ООО «Урал Импортёр Лимитед»; PUCHKOV Vladislav Olegovich, Candidate of Legal Sciences, Lead Legal Adviser of Ural Importer Limited LLC; v.o.puchkov@uslu.su

ПУЧКОВ Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева; PUCHKOV Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the S.S. Alekseev, Department of Theory of State and Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University; argun061@gmail.com

САДОВНИКОВА Галина Дмитриевна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, SADOVNIKOVA Galina Dmitrievna, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor; GDSADOVNIKOVA@msal.ru

ЧЕПЕНКО Яна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры публичного права Государственного университета аэрокосмического приборостроения; CHERPENKO Yana Konstantinovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Associate Professor of the Department Public Law at the State University of Aerospace Instrumentation; chepenko55@mail.ru

ЧИСТОБОРОДОВА Анна Ильинична, студент факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; CHISTOBORODOVA Anna Ilyinichna, Student of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University; chistic.a04@inbox.ru

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич, доктор юридических наук; CHISTOBORODOV Ilya Grigorievich, Grand PhD in Jurisprudence; I.Chistoborodov@mail.ru

ЧУМАКОВ Виталий Александрович, кандидат политических наук, помощник руководителя ФКУ «Аппарат Общественной палаты России»; CHUMAKOV Vitaly Alexandrovich, Candidate of Political Sciences, Assistant to the Head of the Office of the Public Chamber of Russia; v.chumakov@opr.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д. Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации. Статьи, не отвечающие настоящим требованиям, не рецензируются и не возвращаются.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@rcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**№ 2(36)
2025**

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала — 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 25.04.2025.
Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 13.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграф-Плюс»
117209, г. Москва, ул. Керченская, д. 6, корп. 1, кв. 163